

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

.....

УБИЙСТВО ПОД
АККОМПАНеМЕНТ

.....

МАЭСТРО,
ВЫ — УБИЙЦА!

Золотой век английского детектива

Найо Марш

**Убийство под аккомпанемент.
Маэстро, вы – убийца!**

1938, 1949

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Убийство под аккомпанемент. Маэстро, вы – убийца! /

Н. Марш — 1938, 1949 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-111954-6

Знаменитого джазмена Карлоса Риверу застрелили прямо во время концерта. И так случилось, что инспектор Родерик Аллейн находился во время совершения преступления среди зрителей! Но кто же убийца? Лорд Пастерн-и-Бэгготт, сделавший все для раскрутки джаз-бэнда Карлоса, а взамен получивший только черную неблагодарность? Суровая супруга лорда, леди Сесиль, обнаружившая, что Ривера крутит роман с ее дочерью, красавицей Фелиситэ? Или кто-то еще из множества недругов и завистников прославленного музыканта? Инспектор Родерик Аллейн – аристократ, интеллеktуал и лучший детектив Скотленд-Ярда – с первого взгляда заинтересовался художницей Агатой Трой. К сожалению, его встреча с этой остроумной женщиной состоялась при довольно неприятных обстоятельствах... Во время мастер-класса Агаты в ее загородном доме убита натурщица, а главный подозреваемый, живописец и скульптор Гарсия, бесследно исчез. Однако не слишком ли очевидна эта версия? Чем дальше ведет расследование инспектор Аллейн, тем яснее ему становится – настоящим убийцей может быть каждый из гостей...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-111954-6

© Марш Н., 1938, 1949

Содержание

Убийство под аккомпанемент	7
Действующие лица	8
Глава 1	9
Глава 2	13
I	13
II	15
III	18
IV	20
Глава 3	23
I	23
II	27
III	29
Глава 4	36
I	36
II	38
III	40
IV	42
V	46
Глава 5	47
I	47
II	49
III	57
IV	61
Глава 6	65
I	65
II	72
III	79
IV	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Найо Марш
Убийство под аккомпанемент
Маэстро, вы – убийца!
(сборник)

Ngaio Marsh
SWING, BROTHER, SWING
ARTISTS IN CRIME

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency.

Серия «Золотой век английского детектива»

© Ngaio Marsh Ltd, 1938, 1949
© Перевод. А. В. Санин, 2010
© Перевод. А. А. Комаринец, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Убийство под аккомпанемент

Бет, которая о том просила и теперь получает с любовью

Действующие лица

Лорд Пастерн-и-Бэготт

Леди Пастерн-и-Бэготт

Фелиситэ де Суз – ее дочь

Достопочтенный¹ Эдвард Мэнкс – двоюродный кузен лорда Пастерна

Карлайл Уэйн – племянница лорда Пастерна

Мисс Хендерсон – компаньонка-секретарша леди Пастерн

Слуги в особняке на Дьюкс-Гейт:

Спенс

Мисс Паркер

Мэри

Миртл

Гортанз

Уильям Дюпон

Оркестр «Морри Морено и его Мальчики»:

Морри Морено

Хэппи Харт – пианист

Сидни Скелтон – барабанщик

Карлос Ривера – аккордеонист

Цезарь Бонн – управляющий ночным клубом в «Метрономе»

Дэвид Хэн – его секретарь

Найджел Батгейт – журналист «Ивнинг кроникл»

Доктор Оллингтон

Миссис Родерик Аллейн

Уголовно-следственный отдел Нового Скотленд-Ярда:

Старший инспектор Аллейн

Инспектор Фокс

Доктор Кертис

Сержант Бейли – дактилоскопист

Сержант Томпсон – фотограф

Сержанты Гибсон, Маркс, Скотт, Уотсон и Солис

Прочие полицейские, официанты, оркестранты и т. д.

¹ В Англии титул детей сановников и пэров. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 1 Письма

*От леди Пастерн-и-Бэготт
племяннице ее мужа мисс Карлайл Уэйн
3, Дьюкс-Гейт
Итон-плейс
Лондон, ЮЗ1*

«Дражайшая Карлайл!

Мне было сообщено – в лишенной логики манере, характерной для высказываний твоего дяди, – о твоём возвращении в Англию. Добро пожаловать домой. Возможно, тебе будет интересно узнать, что я воссоединилась с твоим дядей. Побудила меня целесообразность. Твой дядя намеревается передать поместье Глоучмер государству и потому вернулся на Дьюкс-Гейт, где, как ты, вероятно, слышала, я живу вот уже пять лет. В послевоенные годы мне пришлось жить под его крышей с членами одной эзотерической центрально-европейской секты. Твой дядя даровал им – как выразились бы в колониях – право проживания, надеюсь, без сомнения, вынудить меня вернуться на Кромвель-роуд или под кров моей сестры Дезирэ, с которой мы ссорились всю жизнь.

Прочие иммигранты-населенники были возвращены в соответствующие страны, но секта осталась. О характере ее можно составить достаточное представление по тому, что они умудрились перенести в бальный зал несколько валунов, что их церемонии начинались в полночь и проводились с антифонными криками, что положения их веры как будто воспрещали пользоваться водой и мылом, равно как и остригать волосы. Полгода назад они отбыли в Центральную Европу (я никогда не осведомлялась, куда именно), и я осталась полноправной хозяйкой особняка. Приказав его вымыть и выскоблить, я приготовилась к безмятежной жизни, но вообрази мое разочарование! Безмятежность оказалась невыносимой. Сдается, я приспособилась к гвалту и столпотворению по ночам. Я привыкла встречать на лестнице личности, более всего подходящие на роль грязных мелких пророков. Я уже не могла выносить тишину и ненавязчивое присутствие слуг. Коротко говоря, мне стало одиноко. А в одиночестве размышляешь над собственными ошибками. И я задумалась о твоём дяде. Неужели непостижимое способно наскучить? Сомневаюсь. Когда я вышла замуж за твоего дядю (ты, думаю, помнишь, что он тогда был атташе вашего посольства в Париже и частым гостем в доме моих родителей), я уже была вдовой, а потому не *jeune fille*². Я не требовала рая на земле, но в равной мере не предвидела абсурдных нелепиц. Предполагается, что по прошествии некоторого времени от супруга уже не ожидаешь невозможного. Если он держится осмотрительно, остаешься в неведении. И тем лучше. Можешь примириться. Но твой дядя не знаком с тактом или с осмотрительностью. Напротив, будь налицо интимные связи, о которых я, думается, намекнула, мне немедленно стало бы о них известно. Однако вместо второй или третьей *demi monde*³ мне пришлось иметь дело с – в порядке очередности – Цитаделями Армии спасения, приютами для индийских йогов, шабашами для изучения ритуалов вуду, короче – с тысячью и одной пустой и смехотворной навязчивой идеей. С ужасающей виртуозностью твой дядя обращался от учения христодельфийцев к практикованию нудизма. Его выходки, учитывая его почтенный возраст, становились все более возмутительными. Удовольствуйся он тем, что сам разыгрывает шута

² Девочка (*фр.*).

³ Дама полусвета (*исп.*).

на потеху толпе, и оставь меня сокрушаться за него, я, вероятно, сумела бы смириться. Но нет, он потребовал моего участия.

Возьмем хотя бы историю с нудизмом. Вообрази, мне, урожденной де Футо, было предложено прогуляться в костюме Евы за лавровыми изгородями посреди Кентской пустоши. В таких обстоятельствах и после такого афронта я оставила твоего дядю в первый раз. Впоследствии и через разные промежутки времени я несколько раз возвращалась, но опять и опять меня отталкивали все новые маразматические причуды. Умолчу о его характере, о его страсти закатывать сцены, скажу лишь о его мелких, но угнетающих чудачествах. Последние, увы, стали достоянием гласности.

Тем не менее, моя дорогая Карлайл, как я уже писала, мы снова вместе на Дьюкс-Гейт. Я решила, что тишина стала невыносимой и что мне придется искать квартиру. И едва я приняла такое решение, доставили письмо от твоего дяди. Теперь он как будто заинтересовался музыкой и затесался в оркестр, в котором выступает на ударных инструментах. Он пожелал использовать большой бальный зал для репетиций, коротко говоря, он предлагал воссоединиться со мной на Дьюкс-Гейт. Я привязана к этому дому. Где твой дядя, там и шум, а шум стал для меня необходимостью. Я снизошла до согласия.

Также у меня поселилась Фелиситэ. С сожалением пишу, что она глубоко меня тревожит. Если бы твой дядя хотя бы в какой-то мере сознавал свой долг отчима, он, возможно, оказал бы какое-то влияние. Он же, напротив, игнорирует происходящее или относится снисходительно к привязанности, столь нежелательной, что я, мать, не могу заставить себя писать о ней более подробно. Могу только уповать, дражайшая Карлайл, что ты найдешь время навесить нас. Фелиситэ всегда уважала твои суждения. Серьезнейше надеюсь, что ты приедешь к нам в первый уик-энд следующего месяца. Твой дядя, полагаю, намерен сам тебе написать. Присоединяюсь к его просьбе. Какой отградой будет снова увидеть тебя, моя милая Карлайл! Мне не терпится поговорить с тобой.

Твоя любящая тетья

Сесиль де Футо леди Пастерн-и-Бэготт».

*От лорда Пастерн-и-Бэготт
его племяннице мисс Карлайл Уэйн
3, Дьюкс-Гейт
Итон-плейс
Лондон, ЮЗ1*

«Дорогая Лайл!

Слышал, что ты вернулась. Твоя тетья сказала, что просила тебя навесить нас. Приезжай третьего, и мы побалуем тебя музычкой.

Твоя тетья снова живет со мной.

Твой любящий дядя

ДЖОРДЖ».

*Выдержка из «Руки помощи», рубрики НФД
в «Гармонии»*

«Дорогой НФД!

Мне восемнадцать, и я неофициально обручена. Мой жених безумно ревнив, и его поведение представляется более чем странным и внушает страшную тревогу. Подробности прилагаю в отдельном конверте, поскольку он все-таки может это прочесть, и тогда такое начнется...

Прилагаю также пять шиллингов за особое ответное письмо «Разговор по душам». Пожалуйста, помоги.
ТУТС.

«Несчастное Дитя!

Позволь помочь тебе, если сумею. Помни, я говорю как мужчина, что, возможно, к лучшему, поскольку только мужской ум способен понять то странное самоистязание, что омрачает любовь к тебе твоего жениха и причиняет тебе столько горя. Поверь, есть только один путь. Ты должна проявить терпение. Ты должна доказать свою любовь открытой искренностью. Не уставай заверять его, что его подозрения беспочвенны. Оставайся безмятежной. Продолжай любить его. Испробуй толику подтрунивания, но если это не принесет плодов, перестань поддразнивать. Никогда не давай ему понять, что ты раздражена. Есть натуры столь тонкие и чувствительные, что обращаться с ними следует как с цветами. Им требуется солнце. За ними нужно ухаживать. Иначе их духовный рост прервется. Твой «Разговор по душам» придет к тебе завтра».

Примечание к колонке НФД: НФД напишет вам особое личное письмо, по получении почтовым переводом суммы в пять шиллингов на «Разговор по душам», «Гармония», 5, Мейтерфэмиллес-лейн, ВЦ2.

*От мисс Карлайл Уэйн мисс Фелиситэ де Суз
Фрайерс-Пардон
Бэнем
Букс*

«Дорогая Фэ!

Я получила довольно странное письмо от тети Силь, которая хочет, чтобы я приехала третьего. Что ты затеяла?

С любовью

Лайл».

*От почтенного Эдварда Мэнкса
мисс Карлайл Уэйн
Харроу-Флэтс
Слоун-сквер
Лондон, ЮЗ1*

«Дорогая Лайл!

Кузина Сесиль сказала, ты приглашена на Дьюкс-Гейт на уик-энд, в субботу, третьего. Я заеду за тобой в Бэнем. Ты знаешь, что она хочет женить меня на Фелиситэ? Сам я не слишком этого жажду, и, по счастью, Фелиситэ тоже. Она по уши влюблена в одного сомнительного типа, который играет на аккордеоне в оркестре дяди Джорджа. Надо думать, на горизонте полномасштабный скандал а cause⁴, как сказала бы кузина Сесиль, оркестра и в особенности сомнительного типа, которого зовут Карлос как-то там. В нашей

⁴ По причине (фр.).

семье на полпути не останавливаются. Зачем ты уехала в чужие края? Я приеду около пяти в субботу.

С любовью

Нед».

В рубрике светской хроники «Монограм»

«По слухам, выступление лорда Пастерн-и-Бэготта, ярого сторонника буги-вуги, вскоре можно будет услышать в некоем ресторане «неподалеку от Пиккадилли». Лорд Пастерн-и-Бэготт, который, разумеется, женат на мадам де Суз (урожденной де Футо), с огромным пылом играет на барабанной установке. Он почитит своим участием оркестр, прославившийся такими известными исполнителями, как Карлос Ривера, и выступающий под руководством не кого иного, как непревзойденного Морри Морено, оба из «Метронома». Кстати, на днях очаровательную мисс Фелиситэ (Фэ) де Суз, дочь леди Пастерн-и-Бэготт от первого брака, видели за завтраком *a deux*⁵ в «Тармаке» с distinguished Эдвардом Мэнксом, который приходится ей двоюродным кузенком со стороны отчима».

От Карлоса Риверы мисс Фелиситэ де Суз

102, Бедфорд-Мэнинс

Остерли-сквер

Лондон, ЮЗ1

«Слушай, Чаровница!

Ты не можешь так со мной поступать. Я не английский distinguished То или лорд Се, чтобы сидеть смиренно, пока моя женщина выставляет меня дураком. Нет уж. Со мной все или ничего. Я отпрыск древнего рода. Я не пускаю на мою территорию чужих, и я устал. Я очень и очень устал ждать. Больше я ждать не буду. Ты немедленно объявишь о нашей помолвке, или... финито! Понятно? Адье.

Карлос да Ривера».

Телеграмма от мисс Фелиситэ де Суз

мисс Карлайл Уэйн

«Дорогая всего святого приезжай слишком сложно и странно честное слово приезжай истинный *cri de coeur*⁶ уйма любви дорогая Фэ».

Телеграмма от мисс Карлайл Уэйн

леди Пастерн-и-Бэготт

«Большое спасибо рада буду приехать шести субботу 3-го Карлайл».

⁵ На двоих (*фр.*).

⁶ Крик души (*фр.*).

Глава 2

Действующие лица собираются

I

Ровно в одиннадцать часов утра НФД вошел через черный ход в редакцию «Гармонии», расположенную по адресу Мейтерфэмиллес-лейн, 5, ВЦ2, и, миновав коридор, поспешно юркнул в собственный отдельный кабинет. На двери белыми буквами значилось «НЕ ВХОДИТЬ, НФД». Он развязал шарф, которым тщательно укрывал рот и нос от тумана, и вместе с фетровой шляпой и пальто повесил его на крючок позади стола. Затем, надев очки с зелеными стеклами, задвинул на двери засов, отчего снаружи табличка на двери сменилась на «ЗАНЯТО».

Газ в камине горел жарко, и от жестяного блюда с водой, поставленного перед ним, чтобы увлажнять воздух, вился пар. Снаружи окно было залеплено туманом – словно бы желтый полог опустился с той стороны стекла. Шаги прохожих казались совсем близкими, но невнятными, слышались приглушенный кашель и сдавленные голоса, какие и можно ожидать с узкой улочки туманным утром. НФД потер руки и, напевая себе под нос браваурную мелодию, уселся за стол и включил лампу под зеленым абажуром.

«Уютно», – с удовольствием подумал он. Свет играл в зеленых очках на столе – их он заменил на очки для чтения.

– Один, два, застегни сапожок, – пропел НФД пронзительным фальцетом и подтянул к себе проволочную корзинку с нераспечатанными письмами. – Три, четыре, постучи в калитку, – смешно пустил он петуха и вскрыл верхнее.

На стол выпала квитанция о почтовом переводе на пять шиллингов.

«Дорогой НФД!

Мне кажется, я просто должна написать Вам и поблагодарить за отпадный «Разговор по душам», а он, должна признать, потряс меня до глубины души. Вы не могли бы с бóльшим правом называть себя Наставником, Философом и Другом, правда, не могли бы. Я столько думала о том, что Вы мне написали, и меня мучит страшное любопытство, а какой же Вы в жизни. То есть если Вас увидеть и послушать. Думаю, голос у Вас довольно низкий («Вот идиотка», – пробормотал НФД), и уверена, вы высокого роста. Хотелось бы мне...»

Он нетерпеливо пробежал следующие две страницы и задержался на заключительной части: «Я дико пыталась следовать Вашему совету, но мой молодой человек – это что-то! Не могу не думать, как меня подбодрил бы разговор с вами. То есть не «по душам» разговор, а с глазу на глаз. Но полагаю, это безнадежно запрещено, поэтому сойдет и еще на пятерку «Разговора по душам». С той же размашистостью, с какой бежали по страницам слова, НФД один за другим бросал листки во вторую плетеную корзинку. Ну вот, слава богу, и конец.

«Полагаю, он дико приревновал бы, если бы узнал, что я Вам так запросто написала, но я чувствовала, что просто должна.

С благодарностью Ваша

Тутс».

Подтянув к себе блокнот, НФД с мгновение доброжелательно и рассеянно взирал на залепленное туманом окно, а после взялся за работу. Писал он бегло, вздыхая и бормоча себе под нос.

«Разумеется, я счастлив, – начал он, – что сумел помочь...» Фразы привычно бегло текли из-под его карандаша. «Относитесь к НФД как к дружелюбному призраку... пишите еще, если пожелаете... более обычного заинтересован... всяческой удачи и мое благословение...» Закончив, он приколот почтовую квитанцию к верхнему листу и все вместе переправил в третью корзинку, обозначенную «Разговор по душам».

Следующее письмо было написано твердой рукой на хорошей писчей бумаге. Разглядывая его, НФД склонил голову набок и даже присвистнул сквозь зубы.

«Пишущей Вам исполнилось пятьдесят лет, и недавно она согласилась воссоединиться с мужем, который на год ее старше. Он эксцентричен до умопомешательства, но, разумеется, не подлежит медицинскому освидетельствованию. В настоящее время назревает семейный кризис, в котором он отказывается встать на единственный возможный путь, совместимый с его долгом отчима. Одним словом, моя дочь подумывает о браке, со всех точек зрения, помимо безрассудной влюбленности, катастрофическом. Если требуются дальнейшие подробности, я готова их предоставить, но, думаю, прилагаемые вырезки из газет за шестнадцатилетний период говорят сами за себя. Я не желаю публикации этого сообщения, но прилагаю почтовый перевод на пять шиллингов, которым, насколько я поняла, оплачивается письмо с личным советом.

Остаюсь и т. д.

Сесиль де Футо Пастерн-и-Бэготт».

Решительно отбросив письмо, НФД перешел к пачке газетных вырезок. «НА ПЭРА АНГЛИИ ПОДАН ИСК ЗА ПОХИЩЕНИЕ ПАДЧЕРИЦЫ», – прочел он. «ПЭР ПРАКТИКУЕТ НУДИЗМ». «СЦЕНА В ЗАЛЕ СУДА МЕЙФЭР». «ОПЯТЬ ЛОРД ПАСТЕРН». «ЛЕДИ ПАСТЕРН-И-БЭГОТТ ПОДАЕТ НА РАЗВОД». «ПЭР ПРОПОВЕДУЕТ СВОБОДНУЮ ЛЮБОВЬ». «ПОРИЦАНИЕ СУДЬИ». «ЛОРД ПАСТЕРН ПОДАЛСЯ В ЙОГИ». «ПЭР БУГИ-ВУГИ». «БЕСКОНЕЧНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ».

НФД проглядел колонки под этими заголовками и, раздраженно фыркнув, начал писать воистину быстро. Он все еще был занят этим, когда, глянув на слепое окно, увидел, как из тумана, словно в полупроявленном негативе, выступают очертания чьего-то плеча. За ним последовал белый овал лица, чья-то ладонь распласталась по стеклу, а после сжалась, чтобы дважды стукнуть. Отперев дверь, НФД вернулся за свой стол. Минуту спустя в коридоре раздались шаги кашляющего от прогулки в тумане посетителя.

– Entrez!⁷ – крикнул НФД раздраженно, и посетитель вошел в комнату.

– Простите, что вам докучаю, – сказал он. – Я решил, что сегодня утром вы будете на месте. Дело в ежемесячной подписке в пользу фонда помощи. Нужна ваша подпись на чеке.

Развернувшись вместе с креслом, НФД молча протянул ему письмо леди Пастерн. Взяв листок, посетитель присвистнул, прочел и расхохотался.

– Вот это да! – вырвалось у него. – Вот это да, право слово!

– И еще вырезки из газет, – сказал НФД, протягивая стопку.

– Она, верно, в жутком состоянии! Но чтобы до такого дошло!

– Будь я проклят, но не понимаю, о чем вы.

– Простите. Конечно, никаких причин нет, но... Вы ответили?

– Колко.

– Можно взглянуть?

– Бога ради. Вот. Дайте мне чек.

⁷ Войдите! (фр.)

Посетитель наклонился над столом, одновременно читая ответное письмо и нашаривая в нагрудном кармане бумажник. Он нашел чек и, не отрывая взгляда от страниц, положил его на стол. Только раз он поднял глаза и уже собрался было заговорить, но НФД был поглощен чеком, поэтому просто дочитал до конца.

– Сильно, – только и сказал он.

– Вот чек, – отозвался НФД.

– Спасибо.

Подпись на чеке была выведена мелкими, жирными и невероятно аккуратными буквами: «Н. Ф. Друг».

– Вам никогда не надоедает? – спросил вдруг гость, указывая на проволочную корзинку.

– Уйма интересного. Уйма разнообразия.

– Однажды вы можете заработать себе на голову чертовские неприятности. Это письмо, к примеру...

– Ха, чепуха, – бодро ответил НФД.

II

– Слушайте, – сказал Морри Морено, оглядывая свой оркестр. – Слушайте, мальчики, я знаю, играет он жутко, но ведь раз от раза все лучше. И будет вам, что с того, что он жутко играет? Сколько раз я вам говорил, важно-то вот что: он Джордж Сеттиньер, маркиз Пастерни-Бэготт, а для газет и шумихи – так просто гвоздь сезона. Да у газет и прочих снобов он так нарасхват, что все прочие воротилы из кожи вон лезут, кто первым поставит ему выпивку.

– И что с того? – сердито спросил барабанщик.

– «Что с того»?! Сам себя спроси что. Слушай, Сид, ты в «Мальчиках» остаешься во-первых, во-вторых и до самого конца. Я плачу тебе по полной, как если бы ты играл по полной.

– Не в том дело, – возразил барабанщик. – А в том, что я буду выглядеть глупо, когда сойду посреди программы на гала-представлении. Я! Прямо тебе говорю, мне это не нравится.

– Ну послушай, Сид, послушай, мой мальчик. Ты ведь в афише, верно? Что я для тебя сделаю? Я же дам тебе собственный сольный номер. Я же вызову тебя к себе, к рампе, чтобы у тебя был звездный час, так ведь? Такого я ни для кого, мой мальчик, не устраивал. Это хорошо, так ведь? А когда перед тобой твой звездный час, стоит ли волноваться, что какому-то старикану захотелось выкладываться в твоём углу? Ну и что, что субботним вечером, так ведь всего полчаса.

– Напоминаю, – вмешался мистер Карлос Ривера, – что ты говоришь о джентльмене, который скоро станет моим тестем.

– Ладненько, ладненько, не кипятись, Карлос, не кипятись, мой мальчик! Вот так, вот так, – лопотал мистер Морено, сверкая своей прославленной улыбкой. – У нас все тип-топ. Все обсуждаемо, Карлос. Да ведь я и сам сказал, что раз от разу он играет все лучше. Он хорошо выступит. Конечно, куда ему до Сиды, такое и подумать смешно. Но хорошо выступит.

– Как скажешь, – буркнул пианист. – Но что там про его собственный номер?

Мистер Морено развел руками.

– Ну да, мальчики, ну да, вот как дельце обстоит. У лорда Пастерна появилась мыслишка. Маленькая такая мыслишка по поводу композиции, которую он сочинил.

– «Крутой малый, крутой ствол»? – бросил пианист и тенором пропел лейтмотив. – Тоже мне номер! – добавил он без выражения.

– Ну же, полегче, Хэппи, не заводись. Пустячок, который сочинил его светлость, станет настоящим хитом, когда мы его раскрутим.

– Как скажешь.

– Вот именно. Я сделал оркестровку, и довольно броскую. Теперь слушайте. Его мысленно, если ее верно подать, ух какая. В своем роде. Похоже, лорд Пастерна забрал себе в голову, что с этой своей музыкальной штучкой далеко пойдет. Сами понимаете. Малость крути за барабанами, малость крути с тарелками и круто разряди шестизарядный.

– Го-о-споди помилуй!!! – лениво протянул барабанщик.

– Идея в том, что ты, Карлос, выходишь к самой рампе и наяриваешь как бешеный. Воздух жжешь. За грань зашкаливаешь.

Мистер Ривера провел ладонью по волосам.

– Прекрасно. А потом?

– Идея лорда Пастерна в том, что ты звезда, ты публику заводишь, так на аккордеоне наяриваешь, чтобы чертям стало жарко, а на самом пике еще один прожектор высвечивает его. Он же сидит себе за барабанами в ковбойской шляпе, потом вдруг вскакивает, кричит «иппи-и-ддии» и разряжает в тебя пистолет, а ты понарошку падаешь...

– Я тебе не акробат...

– Так или иначе, ты падаешь, а его светлость тогда задает жару, а потом мы переключаемся на марш «Похороны селедки» и свингуем во весь дух. Когда закончим, вы, мальчики, или кое-кто из официантов унесете Карлоса, но прежде я положу ему на грудь смешной такой веночек. Ну, – произнес, помолчав, мистер Морено. – Я не говорю, что идея чумовая, но может сработать. Это из рук вон, и потому вроде как неплохо.

– Ты говоришь, – спросил барабанщик, – что мы заканчиваем похоронным маршем? Я не ослышался?

– Сыгранным в манере Морри Морено, Сид, не забывай.

– Именно так он и сказал, мальчики, – вставил пианист. – Мы откланиваемся выносом трупа и приглушенной барабанной дробью. Заходите в «Метроном» на похоронный вечерок.

– Я решительно против, – возвестил вдруг мистер Ривера. Он грациозно встал. Костюм у него был голубино-серый, в довольно широкую розовую полосу, с подложными плечами невероятного размера. Общую картину дополняли бронзовый загар, волосы, которые, зачесанные ото лба и с ушей, лежали тугими набриолиненными барашками, безупречные зубы, крошечные усики и большие глаза навывкате. – Сама идея мне нравится, – продолжал он. – Она меня привлекает. Чуток жутковато, чуток странновато, но в целом что-то есть. Однако предлагаю маленькое изменение. Было бы гораздо лучше, если бы по завершении соло лорда Пастерна я выхватил пушку и застрелил его. Тогда его вынесут, а я всем покажу, что такое аккордеон. Так будет намного лучше.

– Послушай, Карлос...

– Повторяю, гораздо лучше.

Пианист подчеркнуто рассмеялся, и остальные хмыкнули.

– Предложи это лорду Пастерну, – посоветовал барабанщик. – Он же твой, черт побери, будущий тесть. Предложи, и посмотрим, что получится.

– Думаю, нам лучше сделать, как он говорит, Карлос, – сказал мистер Морено. – Правда лучше.

Мужчины стояли почти нос к носу. Выражение сердечности на лице мистера Морено было настолько привычным, что словно бы давно к нему приросло. Он вполне сошел бы за ловко сработанную куклу чревоушателя с бледным резиновым лицом, которое постоянно и произвольно складывалось в плутоватую гримасу. Невыразительные глазки с большими блеклыми радужками и огромными зрачками казались нарисованными. Куда бы он ни шел, когда бы ни открывал рот, его губы раздвигались, открывая зубы. Две глубокие бороздки прочертили пухлые щеки, кожа в уголках глаз собиралась складочками. Так час за часом он улыбался парам, которые медленно кружили мимо его попитра, улыбался и кланялся, и размахивал дирижерской палочкой, и снова раскачивался и улыбался. От таких усилий

он обильно потел и иногда протирал лицо снежно-белым платком. А позади него каждый вечер его «Мальчики», облаченные в мягкие рубашки и подбитые ватином смокинги со стальными пуговицами-шипами и серебристыми клепками, напрягали мышцы и надували легкие, повинувшись нервическому подергиванию прославленной миниатюрной дирижерской палочки из черного дерева с хромированным кончиком, подаренной Морри одной титулованной дамой. «Мальчики Морри» вообще обильно использовали в «Метрономе» хром. Им поблескивали их инструменты, они носили наручные часы на хромовых браслетах, название оркестра сияло хромовыми буквами на рояле, выкрашенном алюминиевой краской, чтобы походило на хром. Над головами у «Мальчиков» гигантский метроном, подсвеченный разноцветными лампочками, мерно раскачивал свою огромную стрелку с хромовым наконечником. «Хай-ди-ходи-о, – постанывал мистер Морено. – Гумп-глумп, джидди-идди, ходи-о-до». За это и за то, как он улыбался и раскланивался и управлялся со своим оркестром, правление «Метронома» платило ему сто фунтов в неделю, а уже из этой суммы он платил своим «Мальчикам». Его и «Мальчиков» – в расширенном составе – приглашали на благотворительные балы и иногда на частные танцевальные вечеринки. «Отличная вышла вечеринка, – говорили тогда, – был и Морри Морено, и все такое!» В своем пруду он был крупной рыбой.

И «Мальчики» у него были не мелкая рыбешка, все как один профессионалы. Он подбирал их, не жалея трудов, а критерием служило умение поднимать омерзительный и исключительно сложный гвалт, известный как «Манера Морри Морено». Они выбирались за сексуальную привлекательность и выносливость. Морри говорил: «Чем больше нравишься, тем больше должен выдавать на-гора». Кое-каких музыкантов он мог бы заменить без больших проблем: второго и третьего саксофониста например, а еще малого за контрабасом, но пианист Хэппи Харт, барабанщик Сид Скелтон и аккордеонист Карлос Ривера были, как выражался Морри, «сливки, пальчики оближешь». И Морри снедала постоянная тревога, что вдруг, еще до того, как публика пресытится Сидом или Карлосом, один из них или все разом могут озлиться или еще чего и уйти от него в «Короли свинга», к «Парням Перси» или к «Бони Фэннегену и его весельчакам». А потому со своими «сливками» он всегда обходился осторожно.

Вот и сейчас он осторожничал с Карлосом Риверой. Карлос был ох как хорош. Его аккордеон заводил публику, а когда объявят о его помолвке с Фелиситэ де Суз, это станет крутым трамплином для «Морри и Мальчиков». Таких, как Карлос, еще поискать.

– Будет тебе, Карлос, – лихорадочно уговаривал Морри. – Слушай, у меня есть идея. Ха! Как тебе это? Пусть-ка его светлость стреляет в тебя, как хотел, да только промажет. Понимаешь? Он делает удивленное лицо, опять в тебя целится, опять стреляет, и так несколько раз подряд, а ты в ус не дуешь, наярываешь свое крутое соло, и всякий раз, когда он стреляет, кто-то другой из «Мальчиков» делает вид, что убит, и выдает фальшивую ноту. Ха! Скажем, каждая следующая будет пониже да потише, а? А ты только улыбаешься и раскланиваешься сардонически, а сам жив-здоровехонек? Как насчет такого, мальчики?

– Н-у-у, – критически протянули «Мальчики».

– Такое возможно, – снизошел мистер Ривера.

– А вдруг он так разойдется, что сам себя застрелит и его унесут с венком на груди?

– Если кто-то другой прежде до него не доберется, – буркнул барабанщик.

– Или он отдаст мне пушку, и я в него выстрелю, но в обойме будет пусто, а он тогда пусть играет свой номер, после чего упадет в обморок и его вынесут.

– Повторяю, – сказал Ривера, – тут мне видится шанс. Нам незачем ссориться по такому поводу. Возможно, я сам поговорю с лордом Пастерном.

– Отлично! – воскликнул Морри и поднял крохотную дирижерскую палочку. – Просто прекрасно. Давайте, мальчики. Чего мы ждем? У нас репетиция или что? Где этот новый номер? Отлично! По счету... Все счастливы? Чудненько. Поехали.

Ш

– Карлайл Уэйн, – говорил Эдвард Мэнкс, – было тридцать лет, но она сохранила что-то от сорванца-подростка – не в речи, разумеется, которая была безмятежной и уверенной, но во внешности и манерах. Движения у нее были быстрые, пожалуй, мальчишеские, но плавные. У нее были длинные ноги, тонкие кисти и красивое худое лицо. Одежда выбиралась разумно-мудро и носилась элегантно, но к туалетам она не прилагала особых стараний и казалась хорошо одетой скорее волей случая, чем длительных размышлений. Она любила путешествовать, но ненавидела осматривать достопримечательности и сохраняла воспоминания о незначительных мелочах отчетливые, как карандашные наброски: официант, группа матросов, женщина в книжном киоске. Названия улиц или даже городов, где были подмечены эти лица, зачастую забывались, по-настоящему ее интересовали только люди. На людей у нее был глаз острый, как игла, и она была весьма терпимой.

– Ее дальний кузен, достопочтенный Эдвард Мэнкс, – прервала Карлайл, – подвизался театральным критиком. Ему было тридцать семь, и внешность он имел романтическую, но не чрезмерно. Его профессиональная репутация задиры и грубияна усердно взращивалась, поскольку, хотя он и был обременен буйным темпераментом, по натуре своей был обходительного нрава.

– Ух ты! – отозвался Эдвард Мэнкс, поворачивая на Аксбридж-роуд.

– Он был немного сноб, но достаточно находчив, чтобы скрывать это обстоятельство под маской социальной неразборчивости. Он был холост...

– ...поскольку питал глубокое недоверие к тем женщинам, которые открыто им восхищались...

– ...и страх, что его отвергнут те, в ком он был не вполне уверен.

– А ты и впрямь остра, как игла, знаешь ли, – смутился Мэнкс.

– Возможно, как раз поэтому я тоже осталась незамужней.

– Ничуть не удивлен. И тем не менее часто задаюсь вопросом...

– Меня неизменно тянет к возмутительным типам.

– Слушай, Лайл, сколько нам было, когда мы придумали эту игру?

– Рассказывать бульварные повести? Не в том поезде, когда возвращались с первых каникул у дяди Джорджа? Он тогда еще не был женат, значит, больше шестнадцати лет назад. Фелиситэ было только два, когда тетя Сесиль за него вышла, а сейчас ей восемнадцать.

– Выходит, тогда. Помню, ты начала, сказав: «Жил-был очень самодовольный, вздорный мальчишка по имени Эдвард Мэнкс. Его престарелый кузен, престранный пэр...»

– Даже в те дни дядя Джордж был лучшей темой, верно?

– Господи, да! А помнишь...

Они стали пересказывать друг другу памятные обоим смешные случаи с лордом Пастерн-и-Бэгготтом. Они вспоминали его первую чудовищную ссору с супругой, внушительной французенкой большого самообладания, вышедшей за него вдовой с маленькой дочкой. Тогда, через три года после женитьбы, лорд Пастерн сделался приверженцем секты, практиковавшей крещение через полное погружение. Он хотел перекрестить падчерицу этим методом в застойной и заселенной угрями речушке, вяло протекавшей через его загородное поместье. Когда жена отказалась, он около месяца дулся, а затем, никого не предупредив, отплыл в Индию, где немедленно пал жертвой какой-то разновидности йоги, требовавшей самого болезненного и мучительного аскетизма. В Англию он вернулся, громогласно провозглашая, что все в мире есть иллюзия, а после тайком проник в детскую падчерицы, где попытался сложить младенческие членики в эзотеричные асаны, одновременно побуждая ребенка созерцать собственный

пуп и произносить «Ом». Осмелившаяся возражать няня была уволена лордом Пастерном и возвращена на место его супругой. Последовала ужасающая ссора.

– Знаешь, а моя мама там была, – сказала Карлайл. – Предполагалось, что она любимая сестра дяди Джорджа, но она ничего не могла поделать. Пока они с тетей Сесиль и няней держали возмущенный совет в будуаре, дядя Джордж по лестнице для слуг выбрался из дома с Фелиситэ на руках и отвез ее на своей машине за тридцать миль в какой-то пансион йогов. Маме с тетей Сесиль пришлось обратиться в полицию, чтобы их разыскать. Тетя Сесиль предъявила обвинение в похищении.

– Тогда кузен Джордж впервые попал в газетные заголовки, – заметил Эдвард.

– Во второй раз это была колония нудистов.

– Верно. А третий едва не привел к разводу.

– Меня тогда тут не было, – отозвалась Карлайл.

– Ты вечно куда-то уезжаешь. Посмотри на меня – усердный журналист, которому следовало бы вечно путешествовать по дальним странам, а уезжаешь как раз ты. Помнишь, кузен Джордж увлекся доктриной свободной любви и пригласил в Глочмер несколько довольно странных женщин. Кузина Сесиль тут же отбыла с Фелиситэ, которой тогда уже исполнилось двенадцать, на Дьюкс-Гейт и подала на развод. Но, как выяснилось, любовь кузена Джорджа свободна лишь в том смысле, что он бесплатно читал бесчисленные лекции своим гостям, а после приказывал идти с миром и жить, руководствуясь ими. Поэтому дело о разводе провалилось, но не раньше, чем адвокаты и судьи насладились целой оргией острот, а пресса не выбилась из сил.

– А тебе не кажется, Нед, – спросила вдруг Карлайл, – что это наследственное?

– Его чудачества? Нет, все остальные Сеттиньеры как будто более-менее в здравом уме. Нет, мне думается, кузен Джордж просто фигляр. Эдакий монстр в самом милом смысле слова.

– Ты меня утешил. В конце концов, я его единокровная племянница, если можно так выразиться. Ты-то только по боковой, по женской линии.

– Это снобистский укол, дорогая?

– Хорошо бы ты просветил меня о нынешнем положении дел. Я получила несколько очень странных писем и телеграмм. Что затеяла Фелиситэ? Ты собираешься на ней жениться?

– Да будь я проклят! – с некоторым жаром отозвался Эдвард. – Это все кузина Сесиль выдумала. Когда у меня из-под носа увели квартиру, она предложила мне поселиться в Дьюкс-Гейт. Я жил там три недели, пока не нашел новую, и, разумеется, иногда водил Фэ в ресторан или потанцевать. Но теперь сдается, что приглашение было частью заговора, глубоко продуманного плана кузины Сесиль. Право же, она чересчур француженка, если понимаешь, о чем я. Она затеяла переговоры на высшем уровне с моей маман и говорила про dot⁸ Фелиситэ и как желанно, чтобы старые семьи выстояли. Все было ужасно по-прустовски. Моя мама, которая родилась в колониях и вообще не слишком любит Фелиситэ, не потеряла головы и до последней секунды сохраняла неприступное величие знати, а потом вдруг обронила вскользь, что никогда не вмешивалась в мои дела и ничуть не удивится, если я женюсь на секретарше общества «Сплоченных связей с Советским Союзом».

– Тетя Силь была потрясена?

– Она пропустила это мимо ушей как шутку в дурном вкусе.

– А как насчет самой Фэ?

– Ах, она вне себя из-за своего молодого человека. А он, позволь тебе заметить, пожалуй, самый гадкий образчик фальши, какой вообще можно встретить. Он искрится с ног до головы, и зовут его Карлос Ривера.

– Не надо быть таким зашоренным.

⁸ Приданое (фр.).

– Конечно-конечно, но погоди, пока его не увидишь. Он сильно упирает на ревность и называет себя отпрыском благородного испано-американского семейства. Я ни слову не верю, и, думаю, у Фелиситэ тоже зародились сомнения.

– Ты, кажется, писал, что он играет на аккордеоне?

– В «Метрономе», в джаз-банде Морри Морено. Он выходит в свет прожектора и раскачивается. Кузен Джордж собирается заплатить Морри баснословную сумму, чтобы тот позволил ему, кузену Джорджу, играть на барабанах. Так Фелиситэ и познакомилась с Карлосом.

– Она правда в него влюблена?

– По ее словам, безумно, но ей начинает приедаться его ревность. Из-за выступлений он сам с ней танцевать не может. Когда она приходит в «Метроном» с кем-то другим, он испепеляет их взглядами поверх аккордеона и корчит им рожи во время сольного номера. Если она ходит танцевать в другие клубы, он узнает от других музыкантов. Похоже, они довольно тесная корпорация. Разумеется, как дочь кузена Джорджа, она привыкла к сценам, и тем не менее это начинает чуток действовать ей на нервы. Похоже, после переговоров с моей мамой кузина Сесиль спросила Фелиситэ, как она думает, может ли она меня полюбить, а Фелиситэ тут же мне позвонила спросить, не затеваю ли я какую глупость, и пригласила с собой на ленч. Покормили нас в «Тармаке» недурно, но какой-то идиот написал про нас в газете. Карлос прочел и за старое взялся с непревзойденным пылом. Он говорил про ножи и про то, что делает его семья со своими женщинами, когда те проявляют непостоянство.

– Фэ просто идиотка, – сказала, помолчав, Карлайл.

– Еще какая, моя милая Лайл, еще какая.

IV

Дом № 3 по Дьюкс-Гейт, Итон-плейс, был приятным георгианским строением элегантных, хотя и сдержанных пропорций. Фасад его производил впечатление замкнутости, что несколько смягчали полукруглое окно веером над крыльцом, несколько утопленных желобчатых арок и прекрасные двери. Само собой напрашивалось предположение, что это городской дом безмятежного богатого семейства, которое в предвоенную эпоху поселялось здесь в соответствующие месяцы и пунктуально оставляло его на попечение слуг под конец лета и в охотничий сезон. Дом ведущих размеренную жизнь, неторопливо праздных и ничем не примечательных людей, сказал бы кое-кто.

Эдвард Мэнкс высадил возле него кузину, передав ее багаж дворецкому в летах и напомним, что они увидятся за обедом. Войдя в вестибюль, Карлайл с удовольствием заметила, что тут ничего не изменилось.

– Ее светлость в гостиной, мисс, – сообщил дворецкий. – Предпочитаете...

– Я пойду прямо туда, Спенс.

– Спасибо, мисс. Вы в желтой комнате, мисс. Я распорядюсь поднять туда багаж.

Карлайл последовала за ним в гостиную на втором этаже. Когда они поднялись на площадку, из-за дверей слева раздался ужасающий гвалт. После череды омерзительных диссонансных фраз саксофон зашелся протяжным воем, взвизгнул свисток, ударили тарелки.

– Радио наконец, Спенс?! – удивленно воскликнула, чтобы перекрыть какофонию, Карлайл. – Я думала, радиоприемники запрещены.

– Это оркестр его светлости, мисс. Они репетируют в бальном зале.

– Оркестр, – пробормотала Карлайл. – Я и забыла. Господи милосердный!

– Мисс Уэйн, миледи, – произнес на пороге Спенс.

Навстречу им в дальнем конце длинной комнаты поднялась леди Пастерн-и-Бэготт. Ей было пятьдесят лет, и для француженки она была высокой. Фигура ее отличалась внушительностью, волосы были несгибаемо уложены, платье достойно восхищения. Создавалось впечат-

ление, что она заключена в призрачную, плотно прилегающую пленку, которая покрывала как ее одежду, так и волосы и не позволяла даже пылинке коснуться поверхности. В голосе слышался металл. Говорить она предпочитала с безупречной дикцией и сбалансированными фразами иностранки, которая прекрасно владеет английским, но его не любит.

– Моя дорогая Карлайл, – решительно сказала она и аккуратно клюнула племянницу в обе щеки.

– Дорогая тетя Силь! Как я рада вас видеть.

– Очаровательно, что ты приехала.

Карлайл подумала, что поздоровались они как персонажи в несколько устарелой комедии, но взаимное удовольствие однако было неподдельным. Они питали взаимную приязнь, извлекали непринужденное удовольствие из общества друг друга. «Что мне нравится в тете Сесиль, – сказала Карлайл Эдварду, – так это ее твердое нежелание позволять чему-либо выбить ее из колеи». В ответ он напомнил ей про редкие приступы ярости леди Пастерн, а Карлайл возразила, что эти вспышки служат своего рода выпускными клапанами и, вероятно, не раз спасали ее тетю от причинения того или иного физического ущерба лорду Пастерну.

Дамы сели у большого окна. Карлайл, пунктуально подавая ответы на вопросы и замечания в затеянном леди Пастерн разговоре, с удовольствием скользила глазами по неброской лепнине и филенкам красивых пропорций, по стульям, столам и шкафчикам, которые, хотя и соответствовали в точности той или иной эпохе, благодаря долгому соседству складывались в приятную гармонию.

– Мне всегда нравилась эта комната, – сказала она теперь. – Приятно, что вы ее не изменили.

– Я ее защищала, – сказала леди Пастерн, – от самых яростных атак твоего дяди.

«Ага, – подумала Карлайл, – со вступлением покончено. Сейчас начнется».

– Твой дядя, – продолжала леди Пастерн, – за последние шестнадцать лет периодически пытался поместить сюда молитвенные колеса, латунных будд, тотемный столб и худшие эксцессы сюрреализма. Я выстояла и одержала верх. Однажды я велела расплавить серебряное изображение какого-то ацтекского божества. Твой дядя приобрел его в Мехико. Помимо его отвратительного вида, у меня были все причины полагать, что оно подделка.

– Дядя Джордж не меняется, – пробормотала Карлайл.

– Правильнее было бы сказать, дорогое дитя, что он постоянен в своем непостоянстве. – Леди Пастерн сделала внезапный и неопределенный жест. – Нелепо даже пытаться его понять, – добавила она твердо, – а жить с ним решительно невозможно. Если отвлечься от нескольких незначительных формальностей – чистой воды помешанный. Увы, медицинскому освидетельствованию он не подлежит. Будь он болен и имей я на руках диагноз, уж я бы знала, что делать.

– Ах тетушка!

– Повторяю, Карлайл, я бы знала, что делать. Не пойми меня неправильно. Сама я смирилась. Я оделась броней. Я способна терпеть вечные унижения. Я умею пожимать плечами при виде его возмутительного фиглярства. Но когда затронута моя дочь, – сказала, выпячивая бюст, леди Пастерн, – об уступчивости не может быть и речи. Я ставлю на своем. Я иду в бой.

– А что именно затеял дядя Джордж?

– В том, что касается Фелиситэ, он замышляет катастрофу. Не смею надеяться, что тебе неизвестно о ее романе.

– Но...

– По всей очевидности, известно. Профессиональный джазмен, который, как ты, без сомнения, услышала, войдя в дом, сейчас находится по приглашению твоего дяди в бальном зале. Почти наверное Фелиситэ слушает, как он играет. Крайне неподходящий молодой человек, чья вульгарность... – Леди Пастерн осеклась, губы у нее дрожали. – Я видела их вместе в

театре, – сказала она. – Это выходит за рамки всего мыслимого... Невозможно даже пытаться описать. Я в отчаянии.

– Мне так жаль, тетя Силь, – смущенно шепнула Карлайл.

– Я знала, что могу рассчитывать на твое сочувствие, милая девочка. Надеюсь, что могу заручиться и твоей помощью. Фелиситэ тебя любит и тобой восхищается. Разумеется, она тебе доверится.

– Но, тетя Силь...

Где-то в недрах дома загомонили голоса.

– Музыканты уходят, – поспешно сказала леди Пастерн. – Так называемая репетиция окончена. Еще минута, и появятся твой дядя и Фелиситэ. Карлайл, могу я заклинать тебя...

– По-моему... – с сомнением начала Карлайл и, услышав на площадке голос дяди, нервно встала.

Леди Пастерн с гримасой глубочайшей многозначительности положила руку на локоть племянницы. Карлайл почувствовала, как к горлу у нее подкатывает истерический смешок. Дверь открылась, и в комнату бойко вошел лорд Пастерн-и-Бэгготт.

Глава 3 Предобеденное

I

Он был низеньким, не большое пяти футов семи дюймов, но такого компактного сложения, что не создавалось впечатления малорослости. Все в нем было щеголеватым, хотя и неброским: одежда, бутоньерка в петлице, тщательно зачесанные на уши волосы. Светло-серые с розоватым белком глаза смотрели пронизательно и остро. Нижняя губа чуть выпирала вперед, а на скулах играли два четко очерченных пятна старческого румянца. Он живо вошел в комнату, наградив тремя быстрыми поцелуями племянницу и обратился к жене:

– Кто обедает?

– Мы с тобой, Фелиситэ, Карлайл, разумеется, и Эдвард Мэнкс. И я пригласила присоединиться к нам сегодня мисс Хендерсон.

– Плюс еще двое. Я пригласил Морено и Риверу.

– Это совершенно невозможно, Джордж, – спокойно ответила леди Пастерн.

– Почему?

– Помимо прочих соображений, которые я не удостою даже перечислением, для двух дополнительных гостей не хватит еды.

– Скажи, пусть откроют консервы.

– Я не могу принять этих лиц за обедом.

Лорд Пастерн свирепо ухмыльнулся.

– Прекрасно, Ривера поведет Фелиситэ в ресторан, а Морено останется с нами. Получится то же число обедающих, что и раньше. Как поживаешь, Лайл?

– Прекрасно, дядя Джордж.

– Фелиситэ не будет обедать вне дома с этой личностью, Джордж. Я этого не допущу.

– Ты не можешь им помешать.

– Фелиситэ учтет мои пожелания.

– Не будь идиоткой, – отрезал лорд Пастерн. – Ты на тридцать лет отстала от времени, моя дорогая. Дай девчонке волю, а на ноги она сама встанет. – Он помолчал, явно упиваясь придуманным афоризмом. – А ты ведешь себя так, что они рано или поздно от тебя сбегут. Кстати, лично я против такого не возражаю.

– Ты впал в маразм, Джордж?

– Половина женщин Лондона душу бы продали, лишь бы очутиться на месте Фелиситэ.

– Мексиканский оркестрант.

– Отлично устроившийся молодчик. Разбавит твою старую кровь. Это ведь Шекспир, так, Лайл? Насколько я понимаю, он из прекрасной испанской семьи. Идальго или что-то в таком роде, – добавил он неопределенно. – Малый из приличной семьи случайно оказался музыкантом, а ты его за это осуждаешь. Просто тошнит от такого снобизма. – Он повернулся к племяннице: – Я всерьез подумываю отказаться от титула, Лайл.

– Джордж!

– Относительно обеда, Силь. Ты можешь раздобыть для них чего-нибудь съестного или нет? Говори же.

Плечи леди Пастерн передернулись и поднялись. Она глянула на Карлайл, которой почудилось, что во взгляде тетушки блеснула хитрость.

– Прекрасно, Джордж, – изрекла леди Пастерн. – Я поговорю со слугами. Я поговорю с Дюпоном. Очень хорошо.

Лорд Пастерн ответил жене крайне подозрительным взглядом.

– Рад тебя видеть, Лайл, – сказал он, садясь. – Чем занималась?

– Работа в Греции. В фонде помощи голодающим.

– Если бы люди понимали основы диетологии, никакого голода вообще не было бы, – мрачно бросил лорд Пастерн. – Любишь музыку?

Карлайл ответила осторожно и вдруг поняла, что тетушка – напряженным взглядом и поднятием бровей – пытается сообщить ей нечто важное.

– А я всерьез ею увлекся, – продолжал лорд Пастерн. – Свинг. Буги-вуги. Джайв. Нахожу, что как раз это не дает мне закиснуть. – Он застучал каблуками по ковру, захлопал в ладоши и гнусавым фальцетом затянул: – Бай-бай, бэйби. Пока, не горюй. Бай-бай, о бэйби, бай.

Открылась дверь, и вошла Фелиситэ де Суз, поразительно красивая молодая женщина с большими темными глазами, широким ртом и таким выражением тонкого лица, мол, сам черт ей не брат.

– Дорогая! – воскликнула она. – Ты просто рай во плоти! – Она с пылом расцеловала Карлайл.

Лорд Пастерн все еще хлопал и напевал. Подхватив мотив, падчерица понемногу начала вести, потом, вытянув палец и им размахивая, стала дирижировать. Они улыбнулись друг другу.

– У тебя очень даже мило получается, Джордж, – сказала она.

Карлайл задумалась, а какое впечатление сложилось бы у нее, будь она совершенно чужой в этом доме. Заявила бы она, как леди Пастерн, что ее дядя эксцентричен до умопомешательства? «Нет, – подумала она, – скорее всего нет. В нем есть какое-то пугающее здравомыслие. Он переполнен энергией, он говорит именно то, что думает, и делает именно то, что хочет делать. Но он – как карикатура на себя самого и не заглядывает дальше следующей минуты и ничего не делает наполовину. Впрочем, – размышляла Карлайл, – кому из нас не хотелось однажды сыграть на большом барабане?»

С жаром, показавшимся Карлайл неубедительным, Фелиситэ бросилась на софу подле матери.

– Ангел! – воскликнула она экспансивно. – Не будь такой гранд-дамой. Мы с Джорджем веселимся!

Выпростав руку, леди Пастерн встала.

– Мне нужно переговорить с Дюпоном.

– Позвони, пусть придет Спенс, – сказал ее муж. – Зачем тебе самой заходить на территорию слуг.

С превеликой холодностью леди Пастерн указала, что при нынешней нехватке продуктов те, кто желает сохранить услуги и добрую волю повара, не посылает ему в семь вечера записку о том, что к обеду будут еще двое. И вообще, вне зависимости от ее великого такта Дюпон скорее всего уволится.

– Он накормит нас обычным обедом, – возразил ее супруг. – Три перемены блюд от мсье Дюпона!

– Очень остроумно, – холодно ответила леди Пастерн. И на том удалилась.

– Джордж! – начала Фелиситэ. – Ты победил?

– Чертовски хотелось бы так думать! В жизни не слышал ничего нелепей. Попробуй пригласить на обед пару человек, и твоя мама разыгрывает из себя леди Макбет. Пойду приму ванну.

Когда он ушел, Фелиситэ с широким беспомощным жестом обратилась к Карлайл:

– Ну и жизнь, милочка! Каждую минуту пляшешь на краю вулкана, никогда не зная, будет ли извержение! Полагаю, ты уже все про меня слышала?

– Кое-что.

– Он безумно привлекателен.

– В каком смысле?

Фелиситэ с улыбкой тряхнула головой.

– От него со мной такое творится, ты, моя дорогая Лайл, даже вообразить себе не сможешь.

– Он, случаем, не ловелас, ну, из тех, что прыгают с цветка на цветок?

– Да прыгай он хоть как мячик в пинг-понге, а я и глазом не моргну. Для меня он просто рай, нет, самый настоящий рай.

– Ну же, Фэ, – пожурила Карлайл. – Все это я уже слышала. Где тут подвох?

Фелиситэ глянула на нее косо.

– О чем ты? Какой подвох?

– В твоих молодых людях всегда есть подвох, дорогая, когда ты ими так бредишь.

Встав, Фелиситэ медленно двинулась в обход комнаты. Закурив сигарету, она играла ею меж пальцами, обхватив при этом ладонью левой руки локоть правой. К тому же сама ее манера сделалась вдруг отстраненной.

– Когда англичане говорят «ловелас», – свысока пояснила она, – то неизменно подразумевают человека, в ком больше шарма и меньше *gaucherie*⁹, чем в среднем англичанине.

– Не могу с тобой не согласиться, но продолжай.

– Конечно, я с самого начала знала, что мама станет дьявольски упираться, – высокомерно заявила Фелиситэ. – *C'la va sans dire*¹⁰. И не отрицаю, Карлос чуточку сложен. Слова «это сущий ад, но того стоит» довольно точно описывают ситуацию на данный момент. Но я этого боюсь, правда-правда. Как мне кажется.

– А мне нет.

– Да нет же. – Фелиситэ яростно затрясла головой. – Я обожаю скандалы. Я выросла на скандалах. Вспомни Джорджа. Знаешь, если честно, то, думаю, с Джорджем у меня больше общего, чем было бы с моим родным отцом. По всем рассказам, папа был чересчур *range*¹¹.

– Тебе и самой чуточка упорядоченности не помешала бы, старушка. А в чем Карлос сложный?

– Ох, он ревнив, как любовник из испанского романа.

– Не читала ни одного испанского романа, если не брать в расчет «Дон Кихота», и, уверена, ты тоже. Что он делает?

– О господи, все. Приходит в ярость и в отчаяние, посылает ужасные письма специальной почтой. Вот и сегодня я получила сущий бред *a cause de*¹²... ну, *a cause de* на самом-то деле сущего пустяка.

Замолчав, она глубоко затянулась. Карлайл вспомнились сердечные излияния, которые обрушивала на нее по секрету Фелиситэ в те времена, когда училась в монастырской школе, по поводу, как она выражалась, «своих завихрений». Был учитель музыки, который, по счастью, отверг Фелиситэ, и студент-медик, который не отверг. Были братья других девочек и актер, которого она попыталась подстеречь на благотворительном утреннике. Был мужчина-медиум, которого нанял лорд Пастерн в свой спиритуалистический период, и прохиндей-диетолог. Собравшись с духом, Карлайл выслушала нынешнее излияние. По всему выходило: назревает крупный скандал – *crise*¹³, как выразилась Фелиситэ. Она чаще матери вворачивала француз-

⁹ Неуклюжесть (*фр.*).

¹⁰ Само собой разумеется (*фр.*).

¹¹ Упорядоченный (*фр.*).

¹² Из-за (*фр.*).

¹³ Кризис (*фр.*).

ские словечки и любила в своих страшных горестях и бедах винить буйный галльский темперамент.

– ...на самом деле, – говорила Фелиситэ, – я даже улыбки ни одной живой душе не бросила, а он уже хватает меня за руки и награждает самым вопиющим взглядом, который начинается у подошв и поднимается к твоему лицу, а после отправляется в обратный путь. И дышит громко, сама знаешь как, – так и пыхтит носом. Не буду отрицать, в первый раз было довольно забавно. Но когда он прослышал про старину Эдварда, мне стало – и до сих пор, надо сказать, остается – не до шуток. И в дополнение ко всему crise.

– Как, еще один кризис? Но какой? Ты не объяснила...

Впервые вид у Фелиситэ сделался чуточку смущенный.

– Он нашел письмо, – выдавила она. – В моей сумочке. Вчера.

– Не хочешь же ты сказать, что он рылся в твоей сумочке? И бога ради, какое письмо? Ну же, Фэ!

– Не сомневаюсь, тебе этого не понять, – высокомерно ответила Фелиситэ. – У нас был ленч, а у него кончились сигареты. Я отошла припудриться и сказала, пусть возьмет в моем портсигаре. Письмо зацепилось за портсигар, когда он его доставал.

– А он... не важно, что за письмо?

– Знаю, ты сейчас скажешь, что я сошла с ума. Это был черновик письма, которое я послала кое-кому. В нем немного говорилось о Карлосе. Когда я увидела у него в руке письмо, я была жутко потрясена. Я сказала что-то вроде: «Эй, тебе нельзя его читать», и тогда Карлос, разумеется, тут же его вскрыл. Он сказал: «Так».

– Что «так»?

– Само по себе «так». С ним такое бывает. Он латиноамериканец.

– Я думала такое «так» у немцев.

– Какая разница, меня оно все равно пугает. Я занервничала, начала лепетать, попыталась свести все к шутке, но он сказал, что либо может мне доверять, либо нет, а если может, то почему я не разрешаю ему прочесть письмо? Я совершенно потеряла голову и выхватила письмо, а он зашипел. Мы были в ресторане.

– Господи боже!

– Ну да, знаю. Очевидно, он собирался поднять ужасный шум. И в результате самым лучшим, единственным выходом показалось отдать ему письмо. Я дала ему письмо с одним условием, что он не станет его читать, пока мы не вернемся в машину. Дорога домой была чудовищной. Просто чудовищной.

– Но можно спросить, что было в письме и кому оно было адресовано? Ты сбиваешь меня с толку, Фэ.

Последовало долгое неловкое молчание. Фелиситэ закурила новую сигарету.

– Ну же, – подстегнула наконец Карлайл.

– Так уж вышло, – надменно объявила Фелиситэ, – что оно было обращено к мужчине, которого я на самом деле не знаю и у которого я просила совета о нас с Карлосом. Профессионального совета.

– О чем ты! Он священник? Или юрист?

– Не думаю. Он написал мне премиленькое письмо, и мое было ответом на то, с благодарностью. Карлос, конечно же, решил, что я писала Эдварду. А самым худшим, с точки зрения Карлоса, было то место... со словами: «Полагаю, он дико приревновал бы, если бы узнал, что я вам так запросто написала...» Едва он это прочел, как прямо-таки ходуном заходил. Он...

Губы у Фелиситэ задрожали. Отвернувшись, она тоненьким голосом затараторила:

– Он ревел и бушевал и ничего не желал слушать. Это было убийственно. Ты и представить себе не можешь, каково это было. Он сказал, что я немедленно должна объявить о нашей помолвке. Он сказал, а не то он... Он сказал, что уедет и всему положит конец. Он дал мне

неделю. У меня есть время до следующего вторника. Не больше. Я должна объявить о ней до следующего вторника.

– А ты не хочешь? – мягко спросила Карлайл. Увидев, как дрогнули плечи Фелиситэ, она подошла к ней. – В этом дело, Фэ?

Голос Фелиситэ дрогнул и надломился, она запустила руки в волосы.

– Не знаю я, чего хочу, – зарыдала она. – Лайл, я в такой переплет попала, так запуталась. Мне ужасно страшно, Лайл. Все так чертовски ужасно, Лайл. Мне страшно.

II

На протяжении военных лет и их изматывающих последствий леди Пастерн сохраняла неизменную церемонность. Ее редкие званые обеды по этой причине приобрели аромат ушедшей эпохи. И тем более потому, что, совершив подвиг превосходной хозяйственной стратегии, она исхитрилась сохранить в доме на Дьюкс-Гейт штат обученной прислуги, пусть и несколько сократившийся. Надевая вечернее платье, бывшее в моде шесть лет назад, Карлайл размышляла, что если нехватка продуктов не отступит, ее тетя вскоре по праву будет относиться к тому же классу, что и легендарный русский аристократ, который с полнейшей невозмутимостью занимал почетное место за бесконечным банкетом из сухой корки и воды.

Она рассталась с Фелиситэ, которая все еще тряслась и бессвязно лепетала, на лестничной площадке.

– Ты увидишь его за обедом, – всхлипнула Фелиситэ. – Увидишь, о чем я говорю. – И с толикой вызова добавила: – И все равно, мне плевать, кто что думает. Если у меня беда и неразбериха, то самая упоительная на свете. А если я захочу из нее выпутаться, то не по тем причинам, какие мне навязывают. Это только потому, что... О боже, ну и история!

На том Фелиситэ ушла в свою комнату и хлопнула за собой дверь. Совершенно очевидно, размышляла Карлайл, закончив накладывать макияж и закуривая сигарету, что несчастная девчонка вне себя от переживаний, а сама она, Карлайл, на целый уик-энд превратится в своего рода буфер между Фелиситэ, ее матерью и ее отчимом. «Самое худшее, – раздраженно думала Карлайл, – что я их люблю и в конечном счете ввяжусь в серьезную ссору со всеми тремя разом».

Она спустилась в гостиную. Никого там не застав, она рассеянно прошла через площадку и, толкнув величественные двойные двери, заглянула в бальный зал.

Позолоченные стулья и музыкальные пюпитры стояли полукругом, как островок среди блеска начищенного паркета, перед ними высился рояль. На его опущенной крышке в сюрреалистическом несообразии были разбросаны несколько зонтов от дождя и от солнца. Подойдя ближе, она узнала среди них черно-белый, очень парижский зонт, с которым ее тетушка десять лет назад произвела фурор в Аскоте. Зонт, как ей помнилось, стал гвоздем туалетов в Королевской ложе, и его много фотографировали. Его преподнес леди Пастерн некий индийский посланник по случаю ее первого замужества, и с тех пор она его очень и очень берегла. Ручка была сделана в форме птичьей головы с рубиновыми глазками. Из этой головы уходило к спицам древко, чудовищно тонкое, многоступенчатое и обвитое платиновой проволокой. Пружинная застежка, открывающая и закрывающая зонт, и полая вставка, к которой она крепилась, были усеяны драгоценными камнями, что было довольно неудобно и в свое время погубило немало перчаток. Когда Фелиситэ была маленькой, ей иногда позволяли открывать птичью голову и секцию с застежкой, что по какой-то причине неизменно доставляло ей огромное удовольствие. Взяв зонт, Карлайл его открыла и тут же поскорее закрыла снова, посмеявшись над собственной суеверностью. На табурете у рояля высилась стопа нотных листов, а по верхнему бежали сравнительно разборчивые каракули – программа концерта.

«Выступление в зале, – прочла она. – (1) Старые мелодии в новой обработке. (2) Скелтон. (3) Сэндра. (4) Крутой малый».

На дальнем конце полукруга стульев и чуть в стороне размещалась барабанная установка: большие барабаны, тамбурин, литавры, маракасы и кокосовые орехи. Карлайл осторожно тронула ногой педаль и нервно отпрыгнула, когда грохнула пара тарелок. «Забавно было бы, – подумала она, – сесть и ка-а-ак вдарить. Интересно, каков дядя Джордж в деле!»

Она огляделась. Здесь состоялся бал по случаю ее первого выхода в свет, для этого бала ее родители сняли дом Пастернов. Как далеки теперь те довоенные годы! Карлайл заново населила призраками воспоминаний голую комнату и вновь ощутила до странности беззаботное веселье той ночи. Она чувствовала, как шнурок программки махрится под нервным давлением пальцев в перчатке. Она увидела написанные на программке имена и заново мысленно их перечитала – убористый шрифт списка погибших. Крестик напротив танцев до ужина был для Эдварда. «Я не одобряю, – сказал он тогда, точными движениями ведя ее в танце и говоря так беспечно, что она, как всегда, засомневалась в его намерениях. – Зачем нам так красоваться, да и вообще все...» «Если тебе не весело...» «Да нет же, весело». И он завел один из их «романцев»: «В величественном бальном зале на Дьюкс-Гейт, в лондонском доме лорда Пастерна-и-Бэготта, среди звуков музыки и запаха оранжерейных цветов...» А она вмешалась: «Юный Эдвард Мэнкс увлек свою кузину в водоворот танца». «Как чудесно», – думала она. Действительно было чудесно. Последний танец тоже достался Эдварду, и она испытывала разом усталость и радостное возбуждение, двигалась, словно парила в облаках, нет-нет, взаправду парила. «Доброй ночи, доброй ночи, было великолепно». Позднее, когда часы пробили четыре, наверху, в кровати, голова кружится от усталости, опьянение благодарностью ко всему миру за свое полнейшее счастье...

«Такая юная, – думала Карлайл, глядя на паркет и стены бального зала, – и такая далекая. Призрак Розы», – думала она, и музыкальная фраза вздохом положила конец воспоминаниям.

Ощущение того бала не повторилось, продолжения не последовало. Снова балы, где танцы распланированы заранее, роман-другой и письма от Эдварда, который уехал делать специальные репортажи из России. А потом война.

Отвернувшись, она снова перешла площадку, чтобы попасть в гостиную. Все еще никого. «Если не поговорю скоро с кем-нибудь, – думала Карлайл, – совсем впаду в уныние». Она нашла стопку иллюстрированных журналов и развернула их, думая, с чего бы фотографии людей, которые едят, танцуют или смотрят на что-то, чего на картинке нет, должны привлекать внимание.

«Леди Дартмур и мистер Джереми Триндл шутят на премьере «Все меньше и дороже»», «Мисс Пенелопа Сэнтон-Кларк серьезного мнения о ситуации в Сэндтауне. С ней внимательно рассматривает программу скачек капитан Энтони Барр-Барр». «В «Гармаке»: мисс Фелиситэ де Суз за серьезной беседой с мистером Эдвардом Мэнксом». «Неудивительно, – подумала Карлайл, – что тетя Сесиль считает, что они могли бы стать хорошей парой» – и отложила журнал подальше. На коленях у нее остался один последний: глянцево издание, на обложке которого были изображены вершина холма, щедро усеянная цветами, и молодые люди примечательно цветущей комплекции, с самой что ни на есть радостью и благополучием вззирающие на что-то неразличимое в оскорбительно голубом небе. Наверху обложки курсивом выгнулось название – «Гармония».

Карлайл перевернула несколько страниц. Вот ежемесячная рецензия Эдварда на прошедшие спектакли – едкая и проницательная, слишком уж хороша для такого дурацкого дешевого издания. Он говорил, что там очень хорошо платят. Вот статья о генетике «Консультанта «Гармонии»», после – сверхэмоциональный подвал о помощи голодающим, эту заметку Карлайл, сама в некотором роде эксперт, проглядела неодобрительно. Далее статья: «Жить лучась», которую она поскорее перелистнула, передернувшись. Потом статья на разворот, озаглавлен-

ная: «Преступление – дело выгодное», отличающаяся крайне цветистым слогом, но и исключительно прямолинейное и основанное на фактическом материале обвинение в адрес торговцев наркотиками. В статье откровенно и без экивоков приводились названия двух латиноамериканских фирм с обширными связями в Великобритании. Заметка редакции агрессивно призвала читателей поделиться сведениями, обещая полную защиту информаторам. А еще прямотаки напрашивалась на иск о клевете и обещала продолжение.

После шло несколько страниц о выходках и нарядах знаменитостей, а потом на центральном развороте Карлайл увидела заголовок на всю полосу:

«РУКА ПОМОЩИ»

Спроси у НФД

(Наставник, Философ, Друг)

Карлайл проглядела текст. Тут приводились письма молодых женщин, просивших совета относительно помолвки и ухажеров, и молодых людей, искавших наставлений в выборе жен и работы. Вот замужняя женщина как будто была готова последовать указаниям неизвестного мудреца в деле исключительно личного свойства, а далее вдовец умолял эксперта о совете в вопросе о втором браке – с женщиной двадцатью годами его моложе. Карлайл уже собиралась перелистнуть страницу, когда ее взгляд привлекла фраза: «Мне восемнадцать, и я неофициально обручена. Мой жених безумно ревнив, и его поведение...»

Она прочитала до конца. Стиль был до крайности знакомым. И у журнала был такой вид, словно его часто открывали на этом развороте. В желобок между страницами забился пепел. Неужели Фелиситэ?.. Но подпись «Тутс»! Могла ли Фелиситэ подписаться таким кошмарным псевдонимом? А если ее неизвестный корреспондент... Карлайл терялась в лабиринте догадок, от которых ее оторвал слабый звук: металлический щелчок. Она подняла глаза. Никто в комнату не вошел. Звук повторился, и она сообразила, что доносится он из кабинета дяди, небольшой комнаты, в которую вела дверь в дальнем конце гостиной. Увидев, что дверь приоткрыта, а свет горит, она вспомнила про неизменную привычку лорда Пастерна полчаса сидеть в кабинете перед обедом, медитируя над той очередной одержимостью, какая им владела в данный момент, и что он всегда любил, когда она к нему заходила.

Пройдя по длинному густому ковру, она заглянула в приоткрытую дверь.

Лорд Пастерн сидел у камина. В руках у него был револьвер, который он сосредоточенно заряжал.

III

Несколько мгновений Карлайл медлила. Потом голосом, который ей самой показался чуточку визгливым, спросила:

– Что это ты задумал, дядя Джордж?

Он вздрогнул, и револьвер выскользнул у него из рук и едва не упал.

– Привет, – сказал он, перехватывая поудобнее револьвер. – Я думал, ты про меня забыла. Войдя, она села подле него.

– Ты готовишься к нападению взломщиков?

– Нет. – Он наградил ее взглядом, который Эдвард как-то назвал плотоядным, и добавил: – Хотя можно и так сказать. Я готовлюсь к моему великому выходу. – Он дернул рукой в сторону столика у своего локтя. Карлайл увидела на блестящей столешнице несколько патронов. – Как раз собираюсь вынуть пули, – объяснил лорд Пастерн, – чтобы холостые были. Люблю сам обо всем позаботиться.

– Но что это за великий выход?

– Увидишь сегодня вечером. Вы с Фелиситэ приглашены. Хорошо бы получилась вечеринка. Кто твой избранник?

– У меня его нет.

– Почему?

– Спроси себя.

– Слишком уж ты сдержанна, деточка. Не удивлюсь, если у тебя одна из тех штук... Эдип и все такое. Я залез, знаешь ли, в психологию, когда интересовался совместимостью в браке.

Вставив в глаз монокль, лорд Пастерн пошел к письменному столу, где начал рыться в ящиках.

– А что сегодня намечается?

– Особый, расширенный гала-концерт в «Метрономе». Я играю. Выступление в зале в одиннадцать часов. Мое первое появление на публике. Морри меня нанял. Очень мило с его стороны, правда? Ты получишь удовольствие, Лайл.

Он вернулся с ящиком, доверху полным самыми странными предметами: тут были куски проволоки, лобзик, бритвенные лезвия, огарки, столярные ножи, старые фотографии, детали электромотора, тубик замазки, какие-то мелкие инструменты и огромное количество шпательки в вошеной бумаге. Карлайл прекрасно помнила этот ящик. Его содержимое служило ей утешением в дождливые дни детских визитов. Из всякой всячины в нем лорд Пастерн, который был очень сноровист в таких мелочах, умел мастерить кукол, мухоловки и крошечные кораблики.

– Думаю, – сказала она, – мне почти все в твоей коллекции знакомо.

– Вот этот револьвер мне подарил твой папа, – заметил лорд Пастерн. – Он один из пары. Твой папа заказал их своему оружейнику, чтобы к ним подходили особые патроны. Терпеть не мог перезаряжать после каждого выстрела, как делаешь с тирными пистолетами, сама понимаешь. Они обошлись ему в круглую сумму, знаешь ли. Мы с ним всегда стреляли. Однажды он вырезал свои инициалы на рукояти вот этого. Мы едва не разругались из-за того, какой лучше стреляет, и решили вопрос стрельбой. Вот посмотри.

Она осторожно взяла револьвер.

– Ничего не вижу.

– Тут где-то есть лупа. Посмотри под предохранителем.

Порывшись в ящике, Карлайл нашла линзу.

– Надо же, – протянула она. – И правда, инициалы.

С.Д.У.

– Мы были отличными стрелками. Всю пару он завещал мне. Второй лежит в футляре где-то в столе.

Достав пинцет, лорд Пастерн взял один патрон.

– Так-так, молодого человека у тебя нет, – продолжал он, возвращаясь к прежней теме. – Тогда позовем Неда Мэнкса. Это порадует твою тетю. Нет смысла звать кого-то еще для Фэ. Карлос подойдет.

– Дядя Джордж, – рискнула спросить Карлайл, пока он возился со своей задачей, – ты одобряешь Карлоса? Правда?

Лорд Пастерн хмыкнул и забормотал невнятно. Она уловила обрывки фраз: «...идти собственным путем... своя судьба... неправильно братья за дело».

– Он чертовски хороший аккордеонист, – сказал он вдруг громко и несколько туманно добавил: – Лучше бы они предоставили все мне.

– Что он собой представляет?

– Увидишь через минуту. Я знаю, что делаю, – сказал лорд Пастерн, закручивая конец патрона, из которого извлек пулю.

– Тогда ты, кажется, единственный. Он ревнив?

– Слишком долго ей потакали. Это ее приструнит, да оно и к лучшему.

– А ты не слишком много делаешь холостых патронов? – безо всякой цели спросила Карлайл.

– Мне нравится их делать. Никогда не знаешь наперед, как обернется. Скорее всего, меня уйму раз попросят повторить мой номер. Надо заранее подготовиться.

Подняв глаза, он увидел журнал, который Карлайл все еще держала в руках.

– Так и думал, что подобное тебе по вкусу. – Лорд Пастерн ухмыльнулся.

– Выписываешь, милый?

– Твоя тетя выписывает. Там уйма всего полезного. Они не боятся говорить, что думают. Видела их статью про торговлю наркотиками? И факты приводят, и имена, а если кому не нравится, пусть заткнется. Полиция, – неопределенно добавил лорд Пастерн, – ни на что не годна. Напыщенные неумехи. Узколобые посредственности. А Нед, – добавил он, – пишет рецензии.

– Может, он и НФД заодно, – весело отозвалась Карлайл.

– Мозги у парня есть. – Лорд Пастерн так пугающе хмыкнул, что Карлайл подпрыгнула от неожиданности. – Уйма здравого смысла у этого малого.

– Дядя Джордж, – внезапно спросила Карлайл, – ты, случайно, не знаешь, Фэ когда-нибудь обращалась к НФД?

– Знал бы, ни словечком не обмолвился, дорогая. А как иначе?

Карлайл покраснела.

– Нет, конечно, не обмолвился бы, если бы она сказала тебе по секрету. Вот только Фэ обычно не способна держать что-то при себе.

– Так спроси ее. Она могла и похуже чего выкинуть.

Лорд Пастерн уронил две извлеченные пули в корзину для бумаг и вернулся к столу.

– Я тут сам пописывал, – сказал он. – Посмотри, Карлайл.

Он протянул племяннице нотный лист. Мелодия была записана со множеством помарок, а ниже нотных линеек шли слова. «Крутой малый, – прочла Карлайл. – Жесток наш малый? Наш крутой малый со своим акко-о-орде-о-о-оном? Стреляет как играет и всех побивает. Стреляет как играет, а стреляет, чтоб убить. Хайд-о-хай. Йи-ип. Ходе-ить. Йи-ипп. Стреляй, малый, стреляй, с тобой мы сочте-е-емся. Крутой малый, крутой у нас он и его аккордео-о-он. Бу-бу-бу».

– Умно, а? – самодовольно спросил лорд Пастерн.

– Поразительно, – пробормотала Карлайл и была избавлена от необходимости дальнейших комментариев голосами в гостиной.

– Это «Мальчики», – бодро сказал лорд Пастерн. – Идем.

«Мальчики» были в рабочих смокингах – заметное одеяние, похожее на униформу, поскольку смокинги были двубортными, с хромовыми пуговицами и серебряными заклепками и отворотами. Сильно обуженные рукава позволяли увидеть значительную часть манжеты. Более высокий из двух мужчины, чью бледность только подчеркивали одутловатость и полнота, завидев хозяина, просиял и бросился к нему.

– Так-так-так! – кричал. – Только посмотрите, кто у нас тут!

Но внимание Карлайл было приковано к его спутнику. В голове у нее вихрем закружили воспоминания об экспертах по части танго, о киношных псевдозвездах с мундштуками и в двухцветных туфлях, о затянутых в корсеты женщинах, упорно ковыляющих по танцзалам в цепкой хватке мужчин намного их моложе...

– ...и мистер Ривера... – говорил тем временем ее дядя.

Карлайл высвободила руку из медвежьей хватки мистера Морено, и тут же ей поклонился мистер Ривера.

– Мисс Уэйн, – произнес молодой человек Фелиситэ, Карлос.

Распрямылся он изящно и наградил ее взглядом автоматического восхищения.

– Очень мил, – объявил мистер Морри Морено, указывая на маленькое полотно Фрагонара над каминной полкой. – Боже ты мой, он прекрасен, Карлос. Изыскан.

– В гасиенде моего отца, – изрек мистер Ривера, – есть картина, которая живо встает перед мысленным взором при виде этой. Упомянутая мной картина – портрет одного моего предка по отцовской линии. Это оригинал, настоящий Гойя. – И пока Карлайл недоумевала, как картина Фрагонара могла напомнить мистеру Ривере о Гойе, он повернулся к Карлайл: – Вы, конечно же, бывали в Аргентине, мисс Уэйн?

– Нет, – сказала Карлайл.

– О, вы непременно должны поехать. Она покажется вам ужасно привлекательной. Кстати, гостям бывает трудно увидеть нас изнутри, такими, какие мы есть. Испанские семьи очень закрытый круг.

– О!

– О да. Одна моя тетя, дона Изабелла да Мануэлос-Ривера, говаривала, что наша – это единственная уцелевшая аристократия. – Подавшись к лорду Пастерну, он музыкально рассмеялся. – Но конечно же, она не бывала в одном очаровательном доме на Дьюкс-Гейт, в Лондоне.

– Что? Я прослушал, – рассеянно отозвался лорд Пастерн. – Ах да, Морено, по поводу сегодняшнего вечера...

– Сегодняшний вечер, – прервал, улыбаясь от уха до уха мистер Морено, – у нас в кармане. Они на уши встанут, лорд Пастерн. Не волнуйтесь нисколько из-за сегодняшнего вечера. Все будет чудненько. Вы, разумеется, придете, мисс Уэйн?

– Ни за что не пропущу, – пробормотала Карлайл, не зная, куда деваться от такого чересчур уж рьяного внимания.

– О стволе я позаботился, – живо сказал ее дядя. – Пять обойм холостых, понимаете ли. Что касается зонтов...

– Вы любите музыку, мисс Уэйн? – спросил Карлос и всем телом подался к ней. – В полночь, когда в воздухе витает аромат магнолии... О, чудесные ночи музыки. Конечно, вам покажется странным, что я... – пожав плечами, он понизил голос, – играю в танцевальном оркестре. В таком чудовищном костюме! Здесь, в Лондоне! Ужасно, верно?

– Не понимаю, что тут ужасного.

– Полагаю, – вздохнул мистер Ривера, – я, что у вас называется, сноб. Бывают времена, когда мне это кажется почти невыносимым. Но мне нельзя так говорить. – Он глянул на мистера Морено, с головой погружившегося в беседу с их хозяином. – Золотое сердце, – шепнул он. – Джентльмен от природы. Мне не стоит жаловаться. Какими серьезными мы вдруг заделались, – добавил он игриво. – Не прошло и двух минут с нашей встречи, а я уже вам доверился. Вы *simpatico*¹⁴, мисс Уэйн. Но конечно же, вам говорили это раньше.

– Никогда, – твердо отрезала Карлайл и обрадовалась, увидев, как входит Эдвард Мэнкс.

– Привет, Нед, – подмигнул ему лорд Пастерн. – Рад тебя видеть. Ты знаком...

¹⁴ Душка (исп.).

Карлайл услышала, как мистер Ривера втянул в себя воздух с внушительным шипением. Мэнкс, махнув мистеру Морено, подошел с приятной улыбкой и протянутой рукой.

– Мы не встречались, мистер Ривера, – сказал он, – но по крайней мере я один из ваших поклонников в «Метрономе». Будь что-то способно научить меня танцевать, уверен, это был бы ваш аккордеон.

– Рад познакомиться, – процедил мистер Ривера и повернулся спиной. – Я говорил, мисс Уэйн, – продолжал он, – что всей душой верю в первые впечатления. Едва нас представили...

Карлайл посмотрела мимо него на Мэнкса, который застыл как вкопанный. При первой же возможности она обошла мистера Ривера и встала с ним рядом.

Мистер Ривера удалился к камину, перед которым встал с отстраненным видом, напевая себе под нос. И тут же его взял в оборот лорд Пастерн. Мистер Морено присоединился к ним со всеми проявлениями ошеломляющей сердечности.

– Относительно моего номера, Карлос. Я говорил Морри...

– Изо всех чертовски грубых... – забормотал Мэнкс.

Взяв под руку, Карлайл его увела.

– Он просто ужасен, Нед. Фелиситэ, наверное, выжила из ума, – поспешно шепнула она.

– Если кузен Джордж считает, что я буду стоять и смотреть, как меня оскорбляет чертов даго в карнавальном костюме...

– Бога ради, не впадай в ярость. Лучше посмейся.

– Ха-ха-ха...

– Так-то лучше.

– Он, скорее всего, плеснет мне в лицо шерри. Какого дьявола я спрашивал, будет ли он. О чем только думает кузина Сесиль?

– Это все дядя Джордж... замолчи. Идут дамы.

По пятам за леди Пастерн, облаченной во все черное, следовала Фелиситэ. Взаимные представления хозяйка дома стерпела с ужасающей вежливостью. Мистер Морено удвоил сердечность. Мистер Ривера имел вид человека, который расцветает лишь в присутствии великих мира сего.

– Я так рад, что мне наконец выпала честь быть представленным, – начал он. – Я столько слышал от Фелиситэ о ее матушке. И мне кажется, у нас, возможно, найдется немало общих друзей. Возможно, леди Пастерн, вы помните одного моего дядю, который, думаю, много лет назад занимал какой-то пост в нашем посольстве в Париже. Сеньор Алонза да Мануэ-лос-Ривера.

Леди Пастерн взирала на него безо всякого выражения.

– Не помню, – холодно ответствовала она.

– В конце концов, это было так давно, – галантно продолжил он, на что леди Пастерн бросила на него изумленный взгляд и отошла к Мэнксу.

– Дорогой Эдвард, – сказала она, подставляя щеку. – Мы так редко тебя видим. Это такая радость.

– Спасибо, кузина Сесиль. И для меня тоже.

– Мне бы хотелось с тобой посоветоваться. Ты ведь простишь нас, Джордж? Мне очень хочется знать мнение Эдварда о моей *petit-point*¹⁵.

– Оставьте меня наедине, – похвалялся Мэнкс, – с *petit-point*.

Взяв под руку, леди Пастерн увела его к рабочему столику. Карлайл увидела, как Фелиситэ направилась к Ривере. Очевидно, она вполне держала себя в руках: приветствие ее было довольно официальным, зато к Морено и своему отчиму она повернулась от Риверы с видом самым что ни на есть заговорщицким.

¹⁵ Вышивка (фр.).

– Кто готов со мной поспорить, что я не смогу угадать, о чем вы, умники, разговаривали? Мистер Морено немедленно сделался сама веселость.

– Ах, мисс де Суз, вы слишком уж нам осложнили пари. Боюсь, вы чересчур много о нас знаете. Разве нет, лорд Пастерн?

– Меня беспокоят зонтики, – капризно гнул свое лорд Пастерн, и Морено и Фелиситэ заговорили разом.

Карлайл пыталась составить хотя бы какое-то мнение о Ривере, и никак не могла. Он влюблен в Фелиситэ? Если да, то была ли его ревность к Мэнксу искренней, а потому пугающей страстью? Или же он авантюрист до мозга костей? Неужели возможно, что он взаправду тот, за кого себя выдает? Неужели возможно, чтобы кто-то был настолько фальшивым, как мистер Ривера? И мыслимо ли подумать, что манеры отпрысков знатных испано-американских родов так сильно отдавали голливудскими стереотипами? У нее разыгралось воображение или его оливковые щеки действительно стали чуточку бледнее, когда он стоял и смотрел на Фелиситэ? Слабый тик, мельчайшее подергивание мышцы у него под левым глазом взаправду непроизвольное или, как остальное в нем, наигрыш? И пока догадки одна за другой проносились и роились у нее в голове, к ней подошел мистер Ривера собственной персоной.

– Ах, вы так серьезны! – воскликнул он. – Хотелось бы знать почему. В моей стране есть поговорка: «Женщина бывает серьезной по одной из двух причин: она вот-вот влюбится или она уже влюблена без надежды на взаимность». А поскольку второе немислимо, я спрашиваю себя: кому эта милая леди вот-вот отдаст свое сердце?

Карлайл подумала: «А мне интересно, не на эту ли фразу клюнула Фелиситэ?» – но вслух сказала:

– Боюсь, ваша пословица за пределами Южной Америки неприменима.

Он рассмеялся, словно она произнесла гениальную остроуту, и запротестовал, мол, ему лучше знать, честное слово, лучше. Карлайл поймала обращенный на них бесцветный взгляд Фелиситэ и, быстро повернувшись, удивилась точно такому же выражению на лице Эдварда Мэнкса. Ее охватывала все более острая неловкость. От мистера Риверы было никак не избавиться. Его лесть и лукавое подшучивание набирали обороты с прямо-таки непристойным напором. Он восхищался платьем Карлайл, ее скромными драгоценностями, ее прической. Самое безобидное его замечание было произнесено в такой убийственной манере, что тут же приобрело оттенок непристойного комплимента. Смущение перед такими эксцессами быстро уступило место раздражению, когда она увидела, что, расточая ей множество растапливающих душу взглядов, мистер Ривера одновременно внимательно следил за Фелиситэ. «Будь я проклята, – подумала Карлайл, – если позволю, чтобы ему сошла с рук эта пакость». Выбрав подходящий момент, она улизнула к тете, которая увела Эдварда Мэнкса в дальний конец комнаты, где шептала анафемы прочим своим гостям. Когда Карлайл подошла, Эдвард как раз пустился в неловкие протесты.

– ...но, кузина Сесиль, честно говоря, думаю, я мало что могу поделать. Я хотел сказать... А, это ты, Лайл, наслаждалась оргией латиноамериканских словесных ласк?

– Не слишком, – ответила Карлайл, склоняясь над тетиной вышивкой. – Какое чудо! Как вам такое удается?

– Я подарю тебе ее на вечернюю сумочку. Я говорила Эдварду, что сдаюсь на его милость и, – добавила штормовым шепотом леди Пастерн, – твою, моя дорогая девочка. – Она повыше подняла вышивку, словно чтобы ее рассмотреть, и они заметили, как ее пальцы бесцельно шарят по стежкам.

– Вы же оба видите эту отталкивающую личность. Заклинаю вас... – Ее голос прервался. – Смотрите, – шепнула она, – вот сейчас смотрите. Посмотрите на него.

Карлайл и Эдвард тайком взглянули на мистера Риверу, который как раз вставлял сигарету в нефритовый мундштук. Он поймал взгляд Карлайл, но не улыбнулся, а залоснился под

взглядами, словно бы от высочайшей похвалы. Его глаза расширились. «Где-то он вычитал, – подумала она, – про джентльменов, которые умеют раздевать дам взглядом». Она услышала, как Мэнкс вполголоса выругался, и с удивлением отметила, что сама довольна этим обстоятельством. Мистер Ривера направился к ней.

– О господи! – пробормотал Мэнкс.

– А вот и Хенди, – громко возвестила леди Пастерн. – Она с нами обедает. Я совсем забыла.

Дверь в дальнем конце комнаты открылась, и внутрь тихонько вошла просто одетая женщина.

– Хенди! – эхом откликнулась Карлайл. – Я забыла про Хенди. – И поспешно направилась к ней.

Глава 4

За обедом и после него

I

Мисс Хендерсон была гувернанткой Фелиситэ и осталась в семье после того, как девочка выросла, заняв пост на полпути между компаньонкой и секретарем Фелиситэ и ее матери разом. Карлайл называла ее контролером дома и знала, что множество раз та совершала буквально невозможные подвиги, подразумеваемые этим титулом. Это была седоватая женщина лет сорока пяти, приятной, но ничем не примечательной наружности и с безмятежным голосом. Карлайл, которая ее любила, часто удивлялась ее верности этому бурному семейству. Для леди Пастерн, которая всех людей разносила по аккуратному ранжиру, мисс Хендерсон была, без сомнения, служащей с большим тактом и прекрасными манерами, чье присутствие на Дьюкс-Гейт необходимо для ее собственного душевного спокойствия. Мисс Хендерсон занимала собственные комнаты на верхнем этаже, где обычно принимала пищу в одиночестве. Однако иногда ее приглашали на ленч или обед с семьей – либо потому, что не явилась какая-нибудь гостья, либо потому, что хозяйка дома полагала уместным время от времени таким образом подчеркнуть ее положение. Она редко выходила из дома, и если имела интересы или связи вне его, то Карлайл о них ничего не слышала. Она прекрасно приспособилась к своей изоляции, и если ее когда-либо терзало одиночество, никоим образом не давала этого понять. Карлайл полагала, что мисс Хендерсон имеет влияние на Фелиситэ больше кого-либо другого, и теперь ей показалось странным, что леди Пастерн не упомянула о ней сразу же как о возможном заслоне против мистера Риверы. Впрочем, семья не часто вспоминала про Хенди, если только не могла найти ей для чего-нибудь применения. «Да и я тоже, – виновато подумала Карлайл, – хотя и так ее люблю, забыла о ней справиться». И из-за этого упущения тем теплее ее приветствовала:

– Как я вам рада, Хенди! Сколько мы не виделись? Четыре года?

– Думаю, чуть больше трех.

Как это похоже на Хенди! Она во всем была незаметно аккуратной и точной.

– Ты ничуть не изменилась, – сказала Карлайл, нервно сознавая, что прямо у нее за спиной маячит мистер Ривера.

Леди Пастерн ледяным тоном их представила. Мистер Морено кланялся и бросал улыбки с коврика у камина, а мистер Ривера, стоя рядом с Карлайл, произнес:

– Ну да, конечно, мисс Хендерсон, – и вполне мог бы добавить: «Гувернантка, я полагаю».

Мисс Хендерсон сдержанно поклонилась, и Спенс объявил, что обед подан.

Общество расселось за круглым столом – озерцо света в полной тени столовой. Карлайл оказалась между своим дядей и Риверой. Напротив нее, между Эдвардом и Морено, сидела Фелиситэ. Леди Пастерн, справа от Риверы, сперва сносила его реплики с ужасающей любезностью – вероятно, подумала Карлайл, чтобы дать Эдварду Мэнксу, другому своему соседу, свободу рук с Фелиситэ. Но поскольку мистер Морено совершенно игнорировал мисс Хендерсон, сидевшую справа от него, а всю свою искрометность обратил на все ту же Фелиситэ, этот маневр оказался недейственным. Через несколько минут леди Пастерн завела с Эдвардом разговор, показавшийся Карлайл весьма зловещим. Она улавливала лишь обрывки, поскольку Ривера возобновил свою тактику нахрапа и блеска. Подход у него был очень простой. Он почти спиной повернулся к леди Пастерн, наклонился к Карлайл так близко, что ей видны стали поры его кожи, заглянул ей в глаза и – со множеством инсинуаций – противоречил всему, что бы она ни сказала. Об убежище в разговоре с дядей нечего было и мечтать, поскольку лорд Пастерн

погрузился в раздумья, из которых выныривал время от времени, лишь чтобы бросить замечание невпопад, ни к кому, в сущности, не обращаясь, а на еду набрасывался со свирепым пылом, уходящим корнями в его период «Назад к природе». Застольные манеры у него были вопиюще и намеренно омерзительные. Он жевал с открытым ртом, оглядываясь вокруг, точно хищник, у которого грозят отобрать добычу, к тому же жевал, не переставая говорить. Спенсу и слуге, который ему помогал, а также мисс Хендерсон, которая приняла изоляцию с обычной своей сдержанностью, беседа, вероятно, напоминала диалог из сюрреалистической радиопостановки.

– ...мы подумали, Эдвард, какая хорошая вышла ваша фотография с Фелиситэ в «Тармаке». Она получила такое удовольствие, что ты вывел ее в свет...

– ...но я совсем немзыкальна...

– ...вы не должны так говорить. Вы сама музыка. Ваши глаза полны музыки, ваш голос...

– ...а вот это весьма удачная мыслишка, мисс де Суз. Надо бы выпустить вас с «Мальчишками»...

– ...значит, договорились, мой милый Эдвард.

– ...спасибо, кузина Сесиль, но...

– ...вы с Фелиситэ всегда столько всего делали вместе, верно? Только вчера мы смеялись, перебирая старые фотографии. Помнишь, как в Глочмере...

– Си, где мое сомбреро?

– ...с этим платьем вы должны носить цветы. Каскад орхидей. Вот тут. Позвольте я вам покажу...

– ...прошу прощения, тетя Сесиль, боюсь, я не расслышал, что вы сказали...

– Дядя Джордж, вам пора со мной поговорить...

– Э?.. Извини, Лайл, я задумался, где мое сомбреро...

– Лорд Пастерн так добр, что не отнимает вас у меня. Смотрите. Ваш платок упал.

– Проклятие!

– Эдвард!

– Прошу прощения, кузина Сесиль, не знаю, что на меня нашло.

– Карлос.

– ...в моей стране, мисс Уэйн... Нет, я не могу звать вас мисс Уэйн. Кар-р-р-лайл! Какое странное имя. Странное и пленительное.

– Карлос!

– Извините. Вы что-то сказали?

– Относительно зонтиков, Морри.

– Да, сказала.

– Тысяча извинений, я разговаривал с Кар-р-р-лайл.

– Я заказал стол на троих, Фэ. Для тебя, Карлайл и Неда. Не опаздывайте.

– Сегодня играть я буду для вас.

– Я тоже иду, Джордж.

– Что?!

– Будь добр, позвони, чтобы стол приготовили на четверых.

– Маман! Я думала...

– Тебе это не понравится, Си.

– Я твердо решила пойти.

– Проклятие, будешь сидеть и есть меня глазами, так что я стану нервничать.

– Вздор, Джордж, – бодро возразила леди Пастерн. – Будь добр изменить заказ.

Супруг воззрился на нее в ярости, явно прикидывая, не устроить ли словесное побоище, но передумал и учинил неожиданное нападение на Риверу.

– Относительно того, как тебя вынесут, Карлос, – сказал он многозначительно, – жаль, что меня не смогут вынести тоже. Почему бригада с носилками не может вернуться за мной?

– Будет, будет, будет! – поспешно вмешался мистер Морено. – Мы же обо всем договорились, лорд Пастерн, так ведь? Играем по первому варианту. Вы стреляете в Карлоса. Карлос падает. Карлоса уносят. Вам достается шоу. Великое завершение. Конец. Ну пожалуйста, не надо меня сбивать. Все ведь хорошо и улажено. Отлично. Ведь мы договорились, правда?

– Да, так было решено, – благородно снизошел мистер Ривера. – Со своей стороны я, пожалуй, в некоторых сомнениях. В иных обстоятельствах я, несомненно, настоял бы на втором варианте. В меня стреляют, но я не падаю. Лорд Пастерн промахивается. Убиты другие. Морри стреляет в лорда Пастерна, и ничего не происходит. Лорд Пастерн играет, падает в обморок, его выносят. Я заканчиваю концерт. На этом варианте при прочих обстоятельствах я бы настаивал. – Он сделал своего рода общий поклон, охватив им лорда Пастерна, Фелиситэ, Карлайл и леди Пастерн. – Но в таких исключительных и крайне очаровательных обстоятельствах я уступаю. Я убит. Я падаю. Возможно, я поранюсь. Не важно.

Морено ел его глазами.

– Старый добрый Карлос, – буркнул он неловко.

– И все равно не понимаю, почему и меня тоже нельзя унести, – капризно гнул свое лорд Пастерн.

Карлайл услышала, как мистер Морено прошептал себе под нос:

– Господи помилуй!

– Нет, нет, нет! – громко заявил Ривера. – Если не принимать второй вариант полностью, будем выступать с первым, как репетировали. Вопрос улажен.

– Карлайл, – сказала леди Пастерн, вставая, – не пройти ли нам?..

Она увела дам в гостиную.

II

Фелиситэ была озадачена, обижена, смущена. Она беспокойно расхаживала по комнате, поглядывая то на мать, то на Карлайл. Леди Пастерн не обращала на дочь внимания. Она расспрашивала Карлайл, как той понравилось в Греции, и с полнейшей невозмутимостью выслушивала ее несколько рассеянные ответы. Мисс Хендерсон, взявшая шкатулку с вышивальными нитками леди Пастерн, разбирала их неторопливыми и мягкими движениями и, казалось, с интересом слушала.

Внезапно Фелиситэ взорвалась:

– Не вижу ничего смешного в том, что все мы ведем себя так, словно у нас к обеду был архиепископ Кентерберийский. Если вам, всем вам, есть что сказать о Карлосе, я была бы вам очень признательна, если вы выскажетесь прямо.

Руки мисс Хендерсон на мгновение замерли, она подняла глаза на Фелиситэ, потом снова вернулась к своему занятию. Леди Пастерн, томно скрестив лодыжки и запястья, чуть повела плечами.

– На мой взгляд, моя дорогая девочка, сейчас неподходящая тема для какой-либо дискуссии по данному вопросу.

– Почему? – взвилась Фелиситэ.

– Воспоследует сцена, а в данных обстоятельствах, – сказала леди Пастерн с видом полнейшего благоразумия, – на сцену нет времени.

– Если ты думаешь, что сейчас придут мужчины, маман, так нет. Джордж условился еще раз пройти программу в бальном зале.

Вошел слуга и собрал кофейные чашки. Леди Пастерн беседовала с Карлайл, пока за ним не закрылась дверь.

– Поэтому повторяю, – громко сказала Фелиситэ, – я хочу услышать, маман, что ты имеешь против Карлоса.

Леди Пастерн приподняла бровь и опять повела плечом. Ее дочь топнула ногой:

– Тысяча чертей!

– Фелиситэ! – воскликнула мисс Хендерсон. Это не прозвучало ни упреком, ни предостережением. Имя сорвалось и упало нейтральным комментарием. Крепко держа большим и указательным пальцами вышивальное шильце, она безмятежно его рассматривала.

Фелиситэ раздраженно встрепенулась.

– Вы думаете, – с жаром заявила она, – что любой проявит себя с наилучшей стороны в незнакомом доме, где хозяйка смотрит на него так, словно от него дурно пахнет.

– Если уж на то пошло, дорогая девочка, от него действительно пахнет. И запах довольно тяжелый, если не сказать большего, – задумчиво добавила леди Пастерн.

Из бального зала донеслась короткая и раскатистая дробь, завершившаяся бряцанием тарелок и громким хлопком как от выстрела. Карлайл нервно подпрыгнула. Шильце выпало из пальцев мисс Хендерсон на ковер. Невзирая на возбуждение, Фелиситэ нагнулась его подобрать, явив тем самым несомненное свидетельство эффективности воспитания своей гувернантки.

– Это твой дядя всего лишь, – пояснила для Карлайл леди Пастерн.

– Мне следует пойти прямо туда и извиниться перед Карлосом за то, как гадко с ним обращались, – бушевала Фелиситэ, но в ее голос вкралась нотка неуверенности, и она обиженно посмотрела на Карлайл.

– Если кому-то и причитаются извинения, – возразила ее мать, – то как раз Карлайл. Извини, дорогая, что тебе пришлось претерпеть эти... – она сделала брезгливый жест, – эти поистине невыносимые знаки внимания.

– Господи боже, тетя Силь, – начала в остром смущении Карлайл, но спасла ее Фелиситэ, которая разразилась слезами и выбежала вон из комнаты.

– Наверное... – Мисс Хендерсон встала.

– Да, пожалуйста, пойдите к ней.

Но не успела мисс Хендерсон подойти к двери, которую Фелиситэ оставила открытой, как в коридоре раздался голос Риверы.

– В чем дело? – отчетливо произнес он, а Фелиситэ, задыхаясь, ответила:

– Мне надо с тобой поговорить.

– Ну разумеется, если хочешь.

– Тогда сюда.

Голоса стихли и снова неотчетливо зазвучали в кабинете. Дверь между кабинетом и гостиной с грохотом захлопнулась с той стороны.

– Думаю, их лучше оставить в покое, – сказала леди Пастерн.

– Если я пойду в свою комнату, она, когда все закончится, возможно, поднимется ко мне.

– Тогда идите, – безотрадно согласилась леди Пастерн. – Спасибо, мисс Хендерсон.

– Что вы затеяли, тетя? – спросила Карлайл, когда мисс Хендерсон вышла.

Чуть отвернувшись, чтобы пламя камина не дышало ей в лицо, леди Пастерн объяснила твердо:

– Я приняла решение. Полагаю, избранная мной линия поведения в этом вопросе была ошибочной. Предвидя мое неизбежное сопротивление, Фелиситэ встретила эту личность в его собственном окружении и, как, думаю, сказала бы ты, утратила перспективу. Трудно поверить, что она не одумается теперь, когда видела его в нашем доме и могла наблюдать его чудовищные выходки, его нескончаемую вульгарность. Уже очевидно, что она заколебалась. Я не устаю напоминать себе, что, в конце концов, она де Футо и де Суз. Разве я не права?

– Это заезженный трюк, дорогая тетя. И не всегда срабатывает.

– Но сейчас срабатывает. – Леди Пастерн поджала губы. – К примеру, она увидела его рядом с милым Эдвардом, к которому всегда была привязана. О твоём дяде как желанном

контрасте ничего не могу сказать, но по крайней мере его костюм не выходит за рамки приличий. И хотя я глубоко негодую, милое дитя, что ты в моем доме вынуждена терпеть знаки внимания этого животного, это, безусловно, произвело должное – и к тому же неприятное – впечатление на Фелиситэ.

– Вот именно неприятное, – отозвалась, розовея, Карлайл. – Но, тетя Сесиль, он ведь повел себя так со мной, чтобы сыграть гадкую шутку с Фелиситэ, приструнить ее и заставить образумиться.

Леди Пастерн на мгновение прикрыла глаза. Карлайл вспомнилось, что такова у нее обычная реакция на сленг.

– И боюсь, – добавила она, – Фэ на нее клюнула.

– У Фелиситэ она может вызвать только отвращение.

– Не удивлюсь, если она откажется пойти сегодня в «Метроном».

– На это я и надеюсь. Но боюсь, она пойдет. Думаю, она не уступит так легко. – Леди Пастерн встала. – Что бы ни случилось, я разорву этот роман. Ты меня слышала, Карлайл? Я положу ему конец.

За дверью в дальнем конце комнаты голос Фелиситэ взвился пронзительным крещендо, но слова остались неразборчивы.

– Они уже ссорятся, – удовлетворенно сказала леди Пастерн.

III

Эдвард Мэнкс сидел с бокалом портвейна в руке, на столе остывала чашка кофе, а его мысли бродили кругами, все расширяющимися от освещенного свечами стола. Он смутно подметил, что Морено и Ривера подсели к лорду Пастерну. Голос Морено, громкий, но как будто дряблый, тянул и мял фразу за фразой.

– Ну да, конечно. Не волнуйтесь, все у нас в кармане. Они просто со стульев попадают. Ладненко, пройдемся еще раз. Будет.

Лорд Пастерн ерзал, запинался, хмыкал, жаловался. Ривера, откинувшись на спинку стула, молча вертел в руке бокал. Мэнкс, отметивший, как часто в него доливали, задумался, а не набрался ли аккордеонист.

Так они и сидели в клубах сигарного дыма, освещенные свечами, – несуразная группа. Он увидел их как три диссонантные несовместные фигуры в центре невыносимой композиции. «Морено, – сказал он самому себе, – торговец весельем. Весельем!» Каким модным, размышлял он, это слово было до войны. Будем веселы, говорили все кругом и, мрачно обняв друг друга, топали и шаркали, пока такие, как Морри Морено, издавали шумные звуки и улыбались за них. Они нарекали детей «Гей»¹⁶, пересыпали этим словечком беспечные комедии и навязчивые, гнетущие шлягеры. «Веселье! – бормотал про себя раздраженный и сердитый Эдвард. – Слово, может, и ничего, но чувство, пока его испытываешь, названия не имеет. Вот кузен Джордж, который, нет сомнений, чуточку не в себе, сидит как рупор своего класса между торговцем буги-вуги и хамом. А Фэ выкамаривает в адском кругу, в то время как кузина Сесиль торжественно раскачивается наперекор ритму. Во внешнем кругу – хотелось бы надеяться, что поневоле – Лайл, а вот я, трезвый как черт, на периметре». Подняв глаза, он увидел, что Ривера на него смотрит, но не прямо, а краешком глаза. «Глумится, – подумал Эдвард, – как inferнальная карикатура на себя самого».

– Встряхнись, Нед, – улыбнулся ему лорд Пастерн. – Надулся как сыч, ни словечка от тебя не слышно. Надо вылезать из скорлупы. Чуток веселья, что скажешь?

¹⁶ Gay (англ.) – веселье.

– Как пожелаете, сэра, – отсалютовал Эдвард и, подобрав выпавшую из вазы посреди стола белую гвоздику, продел цветок себе в петлицу. – Безупречное веселье, а?

С визгливым смешком лорд Пастерн повернулся к Морено.

– Ну, Морри, если все, как вы говорите, я закажу такси на четверть одиннадцатого. Как по-вашему, найдете, чем себя занять до тех пор? – Он подтолкнул к Морено графин.

– Конечно-конечно, – отозвался Морено. – Нет-нет, спасибочки, больше не надо. Отличное вино, право слово, но мне надо быть пай-мальчиком.

Эдвард пододвинул портвейн Ривере, который, улыбнувшись чуть шире, налил себе еще.

– Покажу вам револьвер и холостые, когда пойдем, – сказал лорд Пастерн. – Они в кабинете. – Он капризно глянул на Ривера, который медленно пододвигал к себе стакан. Лорд Пастерн не любил, когда его заставляют ждать. – Позаботься о Карлосе, Нед, ладно? Вы не против, Карлос? Я хочу показать Морри холостые. Пошли, Морри.

Мэнкс открыл перед кузеном дверь и вернулся к столу. Сев, он стал ждать, что Ривера сделает первый ход. Вошел Спенс, помедлил и снова удалился. Последовало долгое молчание.

Наконец Ривера вытянул ноги и, подняв повыше бокал, посмотрел на свет портвейн.

– Я человек, – сказал он, – который любит переходить к сути. Вы кузен Фелиситэ, да?

– Нет.

– Нет?

– Я в родстве с ее отчимом.

– Она называла вас кузеном.

– Простоты ради.

– Полагаю, вы к ней привязаны?

Эдвард молчал три секунды, потом сказал:

– Почему нет?

– Это неудивительно. – Ривера залпом выпил половину налитого. – Карлайл тоже называет вас кузеном. И тоже простоты ради?

Эдвард отодвинулся вместе со стулом.

– Боюсь, не понимаю, в чем суть.

– Суть? Ах, ну да. Я человек, – повторил Ривера, – который любит переходить к сути. А еще я человек, которому не нравится, когда его принимают холодно или... как это говорится... когда его водят за нос. А в этом доме, я нахожу, меня принимали весьма холодно... неприветливо, да... Это мне неприятно. В то же время я знакомлюсь с леди, которая мне не неприятна. Совершенно напротив. Я заинтересован. Я тактично осведомляюсь. Например, я спрашиваю, в каких отношениях означенная дама состоит с моим хозяином, почему бы и нет?

– Потому что ваш вопрос крайне оскорбителен, – отрезал Эдвард и подумал: «Боже, кажется, я выхожу из себя!»

Как бы подводя итог, Ривера махнул рукой и опрокинул бокал на пол.

– В моей стране, – с нажимом сказал он, – подобные слова не употребляют, не ожидая продолжения.

– Да возвращайтесь к себе в страну, бога ради.

Ривера вцепился в спинку стула и облизнул губы. И внезапно пронзительно рыгнул. Эдвард рассмеялся. Нетвердым шагом Ривера направился к нему, подошел совсем близко, но тут помедлил и поднял руку, щегольски сжав большой и средний пальцы. Он протягивал руку, пока она не оказалась у самого носа Эдварда, а тогда без особого успеха попытался шелкнуть пальцами.

– Сволочь, – осторожно сказал он. Из отдаленного бального зала раздался раскат барабанной дроби, за ним – ляг тарелок и оглушительный хлопок.

– Не будьте ослом, Ривера, – сказал Эдвард.

– Я буду смеяться над вами, пока блевать не начну.

– Да хоть до комы досмейтесь, если хотите.

Ривера положил ладонь себе на талию.

– В моей стране ответом на такой афронт был бы удар ножом, – заявил он.

– Исчезните, не то ответом будет пинок под зад, – отозвался Эдвард. – А если станете еще беспокоить мисс Уэйн, я основательно вас вздую.

– Ага! – вскричал Ривера. – Так, значит, не Фелиситэ, а кузина. Очаровательная маленькая Карлайл. И мне говорят руки прочь, ха? Нет, нет, мой друг. – Он попятился к двери. – Нет, нет, нет, нет.

– Убирайтесь.

Ривера рассмеялся с большой виртуозностью и хвастливо вышел в коридор. Дверь он оставил открытой. Эдвард услышал его голос на площадке:

– В чем дело? – и после паузы: – Ну разумеется, если хочешь.

Хлопнула дверь.

Эдвард в нерешительности обошел вокруг стола. Потом побрел к буфету и провел рукой по волосам.

– Невероятно, – пробормотал он. – Экстраординарно. Никогда бы не подумал.

Заметив, что рука у него дрожит, он налил себе солидную порцию виски. «Наверное, – думал он, – так было всегда, а я просто не распознал».

Вошли Спенс с помощником.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Спенс. – Я думал джентльмены ушли.

– Все в порядке, Спенс. Убирайте, если хотите. Не обращайтесь на меня внимания.

– Вы нездоровы, мистер Эдвард?

– Думаю, у меня все в порядке. Мне преподнесли большой сюрприз.

– Вот как, сэр? Надеюсь, приятный.

– Чудесный, Спенс. Чудесный.

IV

– Вот смотрите, – самодовольно изрек лорд Пастерн. – Пять холостых патронов и к ним пять запасных. Ловко, а?

– По мне, так просто замечательно, – залебезил Морено, возвращая холостые патроны. – Но откуда мне знать, что к чему.

Переломив револьвер, лорд Пастерн начал его заряжать.

– Попробуем-ка, – предложил он.

– Бога ради, лорд Пастерн, только не тут.

– В бальном зале.

– Мы немного встревожим леди, разве нет?

– Ну и что? – невинно переспросил лорд Пастерн и, щелчком закрыв револьвер, задвинул на место ящик стола. – Не могу тратить время, убирая эти штуки. Вы идите в бальный зал. А мне еще кое-что надо сделать. Буду с вами через минуту.

Морри послушно ушел в бальный зал, где бесцельно бродил, вздыхая, зевая и поглядывая на дверь.

Наконец вошел с озабоченным видом хозяин.

– Где Карлос? – спросил он.

– Думаю, все еще в столовой, – с громким смешком ответил Морено. – Отличный портвейн вы нам выставили, знаете ли, лорд Пастерн.

– Надеюсь, он не ударит ему в голову. Не хотелось бы, чтобы он напортачил на концерте.

– Он пить умеет.

Лорд Пастерн бросил револьвер на пол возле барабанов. Морено тревожно подобрался.

– Давно хотел спросить, – сказал, садясь за барабаны, лорд Пастерн, – вы поговорили с Сидни Скелтоном?

Морено расплылся в улыбке.

– Пока еще руки не дошли... – начал он, но лорд Пастерн его оборвал:

– Если сами не хотите говорить, я ему скажу.

– Нет-нет! – поспешно воскликнул Морено. – Нет. Думаю, это будет не вполне желательно, если понимаете, о чем я, лорд Пастерн. – Он озабоченно уставился на хозяина дома, который отвернулся к роялю и раздражительно вертел черно-белый зонт от солнца. Морено продолжил: – Я хотел сказать, Сид тот еще фрукт. Очень темпераментный, если понимаете, о чем я. Огонь, ну чистый огонь. С ним очень трудно иметь дело. С Сидом всегда надо выбирать момент, если понимаете, о чем я.

– Нечего раз за разом спрашивать, понимаю ли я вещи, простые, как шнурки от ботинок, – раздраженно бросил в ответ лорд Пастерн. – Вы считаете, что я хорош на барабанах, вы сами так сказали.

– Конечно, конечно.

– Вы сказали, что если бы я избрал их моей профессией, то был бы одним из лучших. Вы сказали, ваш оркестр гордился бы, поступи я к вам. Сказали, значит, сказали. Я собираюсь сделать это моей профессией и готов на полную ставку войти в ваш оркестр. С этим все ясно. Теперь известите Скелтона и увольте его. Проще простого.

– Да, но...

– Он же без труда найдет работу в другом оркестре, так ведь?

– Да. Конечно. Без труда. Но...

– Вот и ладно, – сказал, подводя черту, лорд Пастерн. Открутив ручку зонтика, он завожился со следующей секцией. – Черно-белый зонт разбирается, – пояснил он. – Умно придумано, а? Французский.

– Послушайте! – обворожительно начал Морено и положил мягкую белую руку на плечо лорда Пастерна. – Я буду совершенно откровенен, милорд. Кому, как не вам, знать. Наше ремесло – мирок жестокий, если вы пони... Я хотел сказать, мне нужно очень и очень обдумать подобное предложение, так ведь?

– Вы говорили, что вам очень бы хотелось, чтобы я играл постоянно, – напомнил ему лорд Пастерн. Говорил он не без грубости, но довольно рассеянно, более занятый зонтом, от которого уже открутил маленькую секцию на верхнем конце ручки. Морри мог только зачарованно наблюдать, как он, взяв револьвер, с бесцельной сосредоточенностью мальчишки, затеявшего шалость, заталкивает эту секцию до половины в дуло, придерживая при этом большим пальцем застежку, обычно не позволявшую открыться зонту. – Надо же, влезает.

– Эй! – не выдержал Морено. – Пушка заряжена?

– Разумеется, – буркнул лорд Пастерн. Положив куски зонта на рояль, он поднял глаза. – Вы говорили об этом мне и Ривере, – добавил он, в обыкновенной своей манере используя трюк Хотспера¹⁷ возвращаться не к последней и даже не к предпоследней, а к четвертой с конца реплике.

– Знаю, знаю, – залопотал Морено, улыбаясь, насколько позволяли уши, – но послушайте! Я намерен сказать напрямик...

– А с чего бы вам говорить иначе!

– Ну тогда... Вы очень увлечены, и вы с душой играете, конечно же, вы хорошо играете. Но, простите за откровенность, надолго ли вашей увлеченности хватит? Вот, к чему я клоню, лорд Пастерн. А что, если будем говорить напрямик, вы завтра сдохнете?

– Мне пятьдесят пять, и я здоров как бык.

¹⁷ Гарри Хотспер – персонаж исторических пьес Шекспира «Генрих IV» и «Генрих V».

– Я хотел сказать, что если вы утратите интерес. Что? – страстно спросил мистер Морено. – Что мне тогда делать?

– Я совершенно ясно дал вам понять...

– Да, но...

– Вы называете меня лгуном, чертова вы образина?! – заорал лорд Пастерн, и на скулах у него вспыхнули два ярко-алых пятна. Грохнув разобранном зонтиком о рояль, он всем телом повернулся к дирижеру, который тут же начал заикаться.

– Будет вам, будет, лорд Пастерн, охолоните, я... мне очень сегодня нервозно. Я в таком расстройстве. Не вводите меня в возбуждение.

Лорд Пастерн оскалился.

– Вы дурак, – сказал он. – Я за вами следил. – Он задумался на секунду и как будто принял решение. – Читали когда-нибудь журнал «Гармония»?

Морри дернулся как ошпаренный.

– Ну да. Но почему... В толк не возьму, к чему вы его упоминаете, лорд Пастерн.

– Я почти уже готов написать в этот журнальчик. Знаю одного малого в их редакции. – Он погрузился было в мрачное раздумье, присвистнул сквозь зубы и вдруг рявкнул: – Если не поговорите со Скелтоном сегодня вечером, я сам с ним поговорю.

– Хорошо-хорошо, у нас будет разговорчик с Сидом. Хорошо.

Лорд Пастерн смотрел на него в упор.

– Вам бы лучше сегодня взять себя в руки, – сказал он, а после взял палочки и без лишней суеты выбил оглушительное крещендо, ударил в тарелки и, подхватив с пола револьвер, прицелился в Морено и выстрелил. Хлопок безумным эхом раскатился по пустому бальному залу. Рояль, тарелки и двойной барабан протестующие загудели, а Морено, белый как мел, отскочил на пару шагов.

– Будь я проклят! – рявкнул он, по нему градом покатился пот.

Очаровательно рассмеявшись, лорд Пастерн положил револьвер на рояль.

– Хорошо получилось, правда? Давайте просто пройдемся по программе. Сначала «Старые мелодии в новой обработке», «Лед сегодня есть?», «У меня есть все», «Продавец арахиса» и «Человек с зонтом». Чертовски удачная мысль мне пришла про зонты.

Обшарив взглядом скопление зонтов на рояле, Морено кивнул.

– Черная с белым французская штукавина – моей жены. Она не знает, что я его взял. Скрутите его назад и спрячьте среди остальных, ладно? Мы вынесем их, когда она отвернется.

Морено завозился с зонтами, а лорд Пастерн продолжил:

– После зонтов – номер Скелтона. На мой взгляд, он скучноват. Потом Сэндра споет свои песенки, а после... – он говорил с напускной беспечностью, – после вы скажете пару слов, чтобы меня представить публике, верно?

– Совершенно.

– Да-да. Что-то в том плане, мол, я случайно показал вам кое-что мной написанное, сами понимаете, и вы были совершенно очарованы, а я решил, что моя стезя в этом направлении и все такое. Ну?

– Абсолютно.

– Тогда я выхожу, и мы играем песню с начала и до конца, потом свингуем ее, потом стрельба, а потом, боже ты мой, мое соло. Вот так.

Лорд Пастерн снова взялся за палочки, с мгновение подержал их над барабанами и как будто погрузился в транс.

– И все-таки я не уверен. Может, второй вариант был бы лучше? – задумчиво протянул он.

– Послушайте! Послушайте! – запаниковал Морри.

– Не рвите на себе волосы, – рассеянно отмахнулся лорд Пастерн. – Я думаю. – Он действительно как будто задумался, а потом с криком «Сомбреро!» бросился вон из комнаты.

Морри Морено отер лоб платком и, опустившись на табурет, закрыл лицо руками.

По прошествии значительного времени двери бального зала открылись, и вошел Ривера. Морено поднял глаза на него.

– Как делишки, Карлос? – спросил он страдальчески.

– Не слишком хороши. – Разглаживая указательным пальцем усы, Ривера деревянно подошел к роялю. – Я поспорил с Фелиситэ.

– Ты сам напрашивался, я не прав? Твое ухлестывание за мисс Уэйн...

– Женщинам полезно дать понять, что в любой момент им найдется замена. Они тогда нервничают, и со временем – опля! – они покорны.

– И получилось?

– Пока, возможно, нет. Я на нее сердит. – Он сделал напыщенный и неистовый жест. – На всех них! Со мной обращались как с собакой. Я Карлос да...

– Послушай, – сказал ему Морри, – сейчас мне твой темперамент не по плечу, старина. Я сам едва с ума не схожу от беспокойства. Мне просто не по плечу. Дернул же меня черт связаться со старым дурнем. Боже, какой у меня бардак! Дай сигарету, Карлос.

– Прости. У меня нет.

– Я просил тебя купить мне сигарет! – Голос Морено сорвался на визг.

– Это было бы не к месту. Ты слишком много куришь.

– Поди к черту.

– Повсюду, – заорал Ривера, – со мной обращаются без уважения! Повсюду меня оскорбляют! – По-бычьему наклонив голову, он надвинулся на Морено. – С меня хватит. Я слишком много усмирлял себя. Я человек скорых решений. Не стану я больше унижать себя, играя в обычном танцевальном оркестре...

– Будет тебе, будет, будет!

– А потому я увольняюсь.

– У тебя контракт. Послушай, старина...

– Я плюю на твой контракт. Не хочу больше быть твоим мальчиком на побегушках. «Принеси мне сигарет». Ба!

– Послушай, старина... я... я подниму тебе жалованье... – Голос дирижера прервался.

Ривера глянул на него и растянул губы в улыбке:

– Правда? На сколько? Скажем, на пять фунтов?

– Имей сердце, Карлос.

– Или, к примеру, тебе вдруг захочется выплатить мне пять сотен задатка...

– Ты с ума сошел! Бога ради, Карлос... Честно, у меня нет таких денег.

– Тогда, – величественно изрек Ривера, – поищи себе других, пусть они тебе за сигаретами ходят. С меня... хватит... финито.

– И что со мной будет? – громко взвыл Морри. – Со мой-то что будет?

Ривера с улыбкой отошел. Красноречиво изображая безразличие, он осмотрел свое отражение в зеркальной стене и поправил галстук.

– Ты окажешься в крайне бедственном положении, мой друг, – изрек он. – Ты не сможешь меня заменить. Я совершенно незаменим. – Внимательно рассматривая свои усы, он мельком уловил отражение Морено. – Не гляди так кисло, – сказал он, – ты исключительно безобразен, когда делаешь такое лицо. Просто отвратителен.

– Это нарушение контракта. Я могу... – Морри облизнул губы. – Есть закон... Предположим...

Ривера круто повернулся.

– Закон? – переспросил он. – Премного тебе обязан. Разумеется, всегда можно прибегнуть к закону. Несомненно, это мудрый шаг для руководителя оркестра. Я нахожу предположение забавным. Я повеселюсь, повторяя его дамам, которые так любезно тебе улыбаются и настойчиво просят исполнить их любимые номера. Когда я перестану играть в твоём оркестре, их улыбки погаснут, а свои любимые номера они будут просить у других.

– Ты такого не сделаешь, Карлос.

– Позволь тебе сказать, мой милый Морри, что если закон и будет привлечен, то к нему обращаюсь я сам.

– Да будь ты проклят! – в бешенстве крикнул Морено.

– Из-за чего переполох? – спросил лорд Пастерн, который вошел незамеченным. Голову его украшало сомбреро с широкими полями, а ремешок подпирал двойной подбородок. – Я решил, что в нем буду выступать. Подходит к стрельбе, как по-вашему? Йи-пп-и-и!

V

После ухода Риверы Фелиситэ осталась сидеть в кабинете, зажав ладони между коленями и стараясь поскорее навеки похоронить воспоминания о недавней сцене. Она бесцельно смотрела вокруг: на мелкие предметы в открытом ящике у ее локтя, на пишущую машинку, на знакомые картинки на стенах, на безделушки и книги. В горле у нее пересохло. Ее переполняли отвращение и иссушающая ненависть. Она пылко желала избавиться от всяческих воспоминаний о Ривере и тем самым унижить его и ранить. Она так долго сидела неподвижно, что когда наконец шевельнулась, то обнаружила, что правая нога у нее затекла, а ступню покалывает. Деревянно и осторожно поднявшись, она услышала, как кто-то перешел площадку, миновал кабинет и вошел в гостиную.

«Пойду к Хенди, – решила она. – Попрошу Хенди сказать всем, что не поеду в «Метроном»».

Она вышла на площадку. Где-то этажом выше ее отчим кричал:

– Мое сомбреро, дуралей... его кто-то взял. Вот и все. Кто-то его стащил.

Из двери в гостиную вышел Спенс с конвертом на подносе.

– Это вам, мисс, – сказал он. – Было оставлено на столике в вестибюле. Мне очень жаль, что его не заметили раньше.

Она взяла. Адрес был отпечатан на машинке. Выше, в углу конверта, значилось крупными буквами «Срочно», а ниже – «Курьером». Вернувшись в кабинет, Фелиситэ вскрыла конверт.

Три минуты спустя дверь в комнату мисс Хендерсон с шумом распахнулась, и, подняв глаза от книги, она увидела на пороге сияющую Фелиситэ.

– Хенди! Хенди! Пойдем, помоги мне одеться. Хенди, милая, пойдем, сделай меня красивой. Случилось кое-что волшебное. Хенди, милая, это будет сногшибательная вечеринка!

Глава 5 Венок для Риверы

I

На темно-синем фоне стрелка гигантского метронома раз за разом повторяла свой бессмысленный и постоянный жест. По контуру стрелку украшали миниатюрные лампочки, и тем завсегдатаям, кто чуток перебрал, чудилось, что она оставляет за собой волну призрачного света. Стрелка была закреплена на стене, нависающей над просторной раковиной алькова, где помещался оркестр. Изобретательный молодой человек, ведавший декором, так спроектировал этот альков, что сцена казалась выступом на металлической каркасной башне метронома. Острие стрелки проходило туда-сюда над головами музыкантов по сводящей с ума повторяющейся дуге, указывая на каждого по очереди и как бы подчеркивая производимый ими шум. Самому изобретательному дизайнеру замысел представлялся «забавным», но было решено, что иногда полезно выключать механизм, а тогда стрелка указывала прямо вниз. Прямо под ее лампочки старался встать либо Морри Морено, либо тот из музыкантов, кому выпадал сольный номер.

На полукруглом возвышении сцены в настоящий момент пристроились семеро музыкантов танцевального оркестра, которые дули, драли или били свои инструменты. Такие оркестры давали «расширенные концерты», шедшие в «Метрономе» с обеденного времени до одиннадцати часов вечера. Этот известен под названием «Дживстер», и не так хорошо оплачивался, и имел не столь упроченное положение, репутацию и связи, как «Морри Морено и Мальчики». Но разумеется, это был хороший оркестр, тщательно выбранный Цезарем Бонном, управляющим и *maître de café*¹⁸, а заодно крупным акционером «Метронома».

Сам Цезарь, лохотный, неизмеримо элегантен, в полном цвету тщательно отмеряемой сердечности, перешел, чуть покачивая бедрами, из вестибюля в ресторан, где осмотрел своих гостей. Он шаловливо поклонился, увидев, как метрдотель провожает группку из пяти человек к накрытому для них столу.

– А, Цезарь, добрый вечер, – улыбнулся лорд Пастерн. – Привел семью, как видите.

Цезарь сделал красивый жест.

– Великий день для «Метронома», миледи. Гала из гал.

– Не сомневаюсь, – ответила ее светлость.

Она указала кому куда сесть и сама, расправив плечи и выпятив бюст, заняла место лицом к танцполу, спиной к стене. Она подняла лорнетку. Цезарь и метрдотель застыли в полупоклоне. Лорд Пастерн заказал рейнское.

– Мы сидим слишком близко, Джордж! – крикнула леди Пастерн, перекрывая «Дживстеров», которые как раз вошли в самый раж. И действительно, их стол был притиснут к ступенькам лестницы, ведущей на платформу, к тому же у самой барабанной установки. Фелиситэ могла бы даже коснуться ноги барабанщика.

– Я специально просил, чтобы его сюда поставили! – заорал в ответ лорд Пастерн. – Знал, что ты захочешь вблизи на меня посмотреть.

Карлайл, сидевшая между дядюшкой и Эдвардом Мэнксом, нервно стискивала сумочку и недоумевала: а вдруг тут все немного помешались? Что, например, нашло на Фелиситэ? Почему, всякий раз глядя на Эдварда, она краснеет? Почему она смотрит на него так часто и исподволь, как изумленная и – да! – по уши влюбленная школьница? И почему на лестнич-

¹⁸ Распорядитель ночного клуба (*фр.*).

ной площадке в Дьюкс-Гейт после некой омерзительной сцены с Риверой (Карлайл опустила ставень на воспоминание) Нед повел себя так бурно? И в конце концов, почему сама она так счастлива посреди запутанного и неприятного кризиса?

Эдвард Мэнкс, сидевший между Фелиситэ и Карлайл, тоже был сбит с толку. Столько всего свалилось на него этим вечером. Он поссорился с Риверой в столовой. Он сделал поразительное открытие. Позднее (и не в пример Карлайл, воспоминание принесло ему немалое удовлетворение) он вышел на площадку как раз в тот момент, когда Ривера предпринимал усиленные попытки обнять Карлайл, и очень сильно съездил ему по левому уху. Пока они, все трое, еще буравили друг друга взглядами, появилась с письмом в руках Фелиситэ. Едва бросив взгляд на Эдварда, она сперва побледнела под макияжем, потом сделалась красной как рак и убежала наверх. С тех пор она вела себя престраннейшим образом. Она все пыталась поймать его взгляд и всякий раз, когда ей это удавалось, улыбалась и краснела. Однажды она издала безумный смешок. Тряхнув головой, Эдвард пригласил леди Пастерн танцевать. Ее светлость снизошла до согласия. Встав и положив правую руку ей на бронированную талию, он осторожно повел ее в зал. Танцевать с кузиной Сесиль всегда было чуточку пугающим предприятием.

– Если что-то способно возместить мне унижение в этой прискорбной истории, мой дорогой мальчик, – произнесла она, когда они оказались как можно дальше от оркестра, – то это перемена, какую твое присутствие произвело в Фелиситэ.

– Правда? – нервно спросил Эдвард.

– Несомненно. С самого ее детства ты оказывал глубокое влияние.

– Но, кузина Сесиль... – в крайнем смущении начал Эдвард, но в этот момент оркестр, который уже какое-то время довольствовался обрывочными уханьями и хмыканьями, внезапно перешел к вычурному гвалту. Эдварду пришлось замолчать.

Склонив голову, лорд Пастерн созерцал оркестр с критично-покровительственной миной.

– А они не так плохи, знаете ли, – сказал он, – правда, им задора не хватает. Вот увидишь, как мы будем выступать, Лайл. А?

– Знаю, – подбодрила его Карлайл. В это мгновение его наивность ее тронула. Она была склонна похвалить его, как хвалят ребенка. Ее взгляд следовал за Эдвардом, который сейчас осторожно вел леди Пастерн в танце мимо сцены. Карлайл посмотрела, как они кружат мимо, а заодно поймала взгляд мужчины, сидевшего за соседним столиком. Это был аскетичной внешности человек с брезгливым ртом и красивой формы головой. С ним за столом темноволосая, коротко стриженная женщина. Сидели они как старые добрые друзья. «Приятная пара», – подумала Карлайл. Она испытывала беспричинное оживление и была благодушно расположена ко всему миру и потому импульсивно повернулась к Фелиситэ. А тогда обнаружила, что Фелиситэ тоже наблюдает за Эдвардом и со все тем же необъяснимым обожанием.

– В чем дело, Фэ? – тихонько спросила она. – Что случилось?

Не меняя направления взгляда, Фелиситэ изрекла:

– Нечто поразительное, милочка, сногсшибательное, милая. Я совершенно *bouleversee*¹⁹, но я в раю.

После двух кругов Эдвард с леди Пастерн остановились у столика, где леди Пастерн вернулась на свое место. Эдвард скользнул между Карлайл и Фелиситэ. Подавшись к нему, Фелиситэ вынула белую гвоздику у него из петлицы.

– Никого больше с белой гвоздикой тут нет, – тихо сказала она.

– О, я очень *vieux jeu*²⁰ в моих привычках, – усмехнулся Эдвард.

¹⁹ Потрясена (*фр.*).

²⁰ Старомоден (*фр.*).

– Потанцуем?

– Да, конечно.

– Хочешь танцевать, Си? – спросил лорд Пастерн.

– Нет, спасибо, Джордж.

– Не против, если мы с Лайл поспотыкаемся чуток? Времени без четверти одиннадцать. Через пять минут мне надо идти к «Мальчишкам». Пошли, Лайл.

Танцуя с дядей Джорджем, подумала Карлайл, надо держать ухо востро. У него было прекрасное чувство ритма и безмерный пыл. Не придерживаясь условностей, он импровизировал фигуры танца по наитию свыше, просто чуть сжимая руку на талии партнерши в указание все новых вариаций и эксцентричностей. Она заметила, что прочие танцующие пары смотрят на них с живостью большей, чем обычно свойственно лицам британских кутил.

– Ты джиттер-буг танцуешь? – спросил его светлость.

– Нет, милый.

– Жаль. Здесь себя считают слишком для него благородными. Тошнотворные снобы в общем и целом. Знаешь, Лайл, я тебе говорил, что серьезно подумываю отказаться от титула?

Он неистово ее крутанул. В дальнем конце зала она мельком увидела кузена с партнершей. Нед находился к ней спиной. Фелиситэ смотрела ему в глаза. Ее рука гладила его плечо. Он наклонил голову.

– Вернемся к тете Сесиль, ладно? – безжизненно предложила Карлайл.

II

Морри Морено повесил пальто на гвоздь и сел, не проявив особого энтузиазма, за маленький столик в задней комнате позади офиса. Барабанщик Сид Скелтон достал колоду карт и глянул на часы.

– Без четверти, – вздохнул. – Время перекинуться.

Он бросил две покерные сдачи. Морри и Скелтон играли в покер почти каждый вечер примерно в это же время. Оставив «Мальчишек» в гримерной позади сцены, они уходили в офис. Там перекидывались словцом с Цезарем или Дэвидом Хэном, его секретарем, а после удалялись во внутреннюю комнату для игры. Это стало приятной прелюдией к долгой рабочей ночи.

– Слышал, ты обедаешь теперь в высшем обществе, – ядовито уколол Скелтон.

Морри автоматически улыбнулся и дрожащими руками взял свои карты.

Они играли, почти не прерывая молчания. Раз или два Скелтон пробовал завязать разговор, но без успеха.

– В чем проблема? – процедил он наконец раздраженно. – Откуда великая немота?

Морри вертел в руках карты.

– Я разбит в пух и прах, Сид.

– Да, боже ты мой? В чем трагедия на сей раз?

– Во всем. Если так будет продолжаться, я сломаюсь. Честно, развалюсь на части.

– Сам же себе и накликал. Я тебя предупреждал. Ты ужасно выглядишь.

– А как я себя чувствую! Слушай, Сид, по поводу сегодняшнего выступления. По поводу его светлости. Это была большая ошибка.

– Я и это мог бы тебе сказать. И говорил.

– Я знаю. Знаю. Но зал-то набит под завязку, Сид.

– Это дешевая популярность. Ни больше ни меньше, и ты это знаешь. Пресмыкаешься перед старым дуралеем только потому, что у него есть титул.

– Он не так уж и плох. Как музыкант.

– Он ужасен, – коротко ответил Скелтон.

– Я знаю, его номер идиотский, состоит из сплошных банальностей, но как-нибудь проскочит. Не в этом дело, старина, а в нем самом. Честно, Сид, мне кажется, он псих. – Морри бросил карты на стол картинками вниз. – Он так на нервы мне действует, даже руки дрожат... Слушай, Сид, он... он ничего тебе не говорил?

– О чем?

– Значит, не говорил. Ладненько. Отлично. Если заговорит, не обращай внимания, старина.

Скелтон откинулся на спинку стула.

– На что ты, черт побери, намекаешь? – спросил он.

– Ну вот, теперь ты меня не нервнирай, – взмолился Морри. – Сам знаешь, как у меня нервы могут расхотиться. Просто ему втемяшилась дурацкая идея. Вот увидишь, я его живо пресеку. – Он замолчал, а Скелтон сказал зловеще:

– Случаем, не про то, чтобы повторить сегодняшнее фиаско?

– По-своему да, Сид. Право слово, просто смех.

– Так теперь ты пойми. – Скелтон подался через стол. – Один раз я уступил. Сегодня. Так сказать, отошел в сторону, чтобы сделать тебе одолжение, но мне это не нравится, и больше я этого делать не буду. Более того, у меня появилось неприятное чувство, что я сам себе жизнь порчу, выступая с оркестром, который гонится за дешевыми сенсациями. Ты меня знаешь. Нрав у меня суровый, и решения я принимаю быстро. Есть и другие оркестры.

– Будет, будет, будет! Сид, Сид, Сид! Остынь, – залепетал Морри. – Забудь, старина. Я и упоминать бы не стал, только вот он все твердит, мол, сам хочет с тобой... говорит, что хочет с тобой побеседовать.

– Черт побери! – Скелтон уставился на него во все глаза. – Ты, случаем, не намекаешь, что этот старый идиот возомнил, будто сможет занять мое место? И у тебя хватило треклятой...

– Бога ради, Сид! Слушай, Сид, я же сказал, что идея дурацкая. Остынь, все будет хорошо. Я не виноват, Сид. Ну право слово, ты должен понимать, что не я виноват.

– А кто тогда?

– Карлос. – Морри понизил голос до шепота. – Ну же, остынь. Он за стеной, выпивает с Цезарем. Это все Карлос. Это он надоумил старикана. Он хочет подластиться к нему, так как девчонка никак не решится, а ему нужно, чтобы старикан ее подтолкнул. Это все Карлос, Сид. Это он ему напел, дескать, он гений.

Скелтон кратко и непечатно высказал, что думает о Ривере. Морри же нервно глянул на дверь.

– Все, с меня хватит! – Скелтон встал. – Уж я-то с Карлосом поговорю.

Морри ухватил его за рукав.

– Нет, Сид, только не сейчас. Только не перед выступлением. И говори тише, Сид, будь другом. Он ведь рядом. Сам знаешь, каков он. Он уже устроил сегодня сцену. Вот черт! – крикнул Морри, вскакивая на ноги. – Я едва не забыл! Он хочет, чтобы в новом номере мы все-таки выступали по второму варианту. И взбредет же в голову! Сначала так, потом хочу как у тебя. Он до того меня довел, что я, похоже, должен изображать маэстро, дающего два номера разом. Бог знает, его светлости это не понравится. Нужно сказать «Мальчикам». А я едва не забыл, так с вами разнервничался. Да, и ты еще не слышал, отчего я на самом деле так дергаюсь. Ты знаешь, какой я. Все из-за пушки. Это такая чертова штуковина, Сид, и его светлость сам делал холостые патроны, и, боже ты мой, я весь на нервах. С него станется натолкать в барабан вместе с холостыми настоящими. Они все вперемешку валялись у него в чертовом ящике. А ведь он, старина, взаправду целится в Карлоса и взаправду стреляет. Ничего, да?

– А мне что за дело, если он его грохнет? – свирепо буркнул Скелтон.

– Не говори так, Сид, – раздраженно зашептал Морри. – Жуткая ситуация. Я надеялся, ты меня выручишь, Сид.

– Почему бы тебе не осмотреть заранее пушку?
– Мне? А что я пойму? И он меня к ней не подпустит. Прямо тебе говорю, мне и подходить к нему боязно, вдруг он начнет на меня орать.

Повисло долгое молчание, наконец Скелтон спросил:

– Ты про пушку не выдумал?

– А что, по мне скажешь, я шучу?

– Без восьми минут одиннадцать. Нам лучше пойти к ребятам. Если представится случай, я попрошу его показать патроны.

– Отлично, Сид. Было бы так здорово. – Морри промокнул лоб. – Просто чудесно было бы. Ты настоящий друг, Сид. Ну же. Пошли.

– А вот другое дельце я не спущу, – вскинулся вдруг Скелтон. – Хватит с меня мистера Карлоса Риверы. Он еще кое-что узнает, и очень скоро. Пошли.

Они вышли в главный офис. Ривера, сидевший с мистером Цезарем Бонном, оставил их без внимания. Морри глянул на него робко.

– Как раз иду договариваться к «Мальчикам», старина, – сказал он. – Ты войдешь через заднюю дверь, ладно?

– Прочему бы нет? – ядовито спросил Ривера. – Я всегда оттуда выхожу. Я выступаю, как репетировали. Естественно.

– Верно. Естественно. Прости мои придирки. Пошли, Сид.

Цезарь встал.

– Уже пора? Тогда я, пожалуй, пойду осчастливлю нашего нового музыканта.

Он первым прошел в вестибюль, по которому еще тек поток припозднившихся гостей. Тут они встретили Фелиситэ, Карлайл и Эдварда.

– Мы идем пожелать Джорджу удачи, – сказала Фелиситэ. – Привет, Сид. Очень мило с твоей стороны, что ты позволил ему сыграть. Пошли.

Все разом вошли в комнату оркестра, которая располагалась сразу за сценой и дверь из которой вела в альков для оркестра. Здесь они застали музыкантов с их инструментами.

– Слушайте сюда, мальчики. Играем по второму варианту. Дирижеру все равно. Карлосу не нравится идея с падением. Он боится неловко упасть и ушибиться, оттого что будет держать инструмент.

– Эй! – крикнул лорд Пастерн.

– Вы же сами того хотели, лорд Пастерн, верно? – лопотал Морри. – Все отличненько, правда? Лучше и быть не может.

– Я падаю в обморок, и меня уносят?

– Именно-именно. Второй вариант. Я уговорил Карлоса. Все довольны? Отлично.

«Мальчики» начали настраивать инструменты. Комнату заполнили различные шумы, но все с оттенком предвкушения. Двойной барабан гудел и бормотал.

Беспечным шагом к лорду Пастерну подошел Скелтон.

– Не мог не прийти и не пожелать удачи новой сенсации, – сказал он, глядя на него в упор.

– Спасибоочки.

– Великий вечер, – пробормотал Цезарь Бонн. – Его надолго запомнят.

– Револьвер будет заряжен? – спросил Скелтон и неприятно рассмеялся.

Револьвер вместе с сомбреро лежал возле барабанов. Лорд Пастерн его взял, и Скелтон тут же поднял руки над головой.

– Заранее во всем сознаюсь, – сказал он. – Так он заряжен?

– Холостыми.

– Вот те на! – Скелтон громко рассмеялся. – Надеюсь, они и вправду холостые.

– Джордж сам их изготовил, – вмешалась Фелиситэ.

Опустив правую руку, Скелтон протянул ее лорду Пастерну, и тот вложил в нее револьвер.

На некотором расстоянии Морри с шумом выдохнул. Переломив ствол, Скелтон поддел ногтем край патрона и его вытащил.

– Отличная работа, лорд Пастерн. – Он крутанул барабан, доставая и убирая один за другим все патроны. – Воистину отличная работа, – повторил он.

Явно довольный, лорд Пастерн пустился рассказывать историю револьвера, своих собственных отличий меткого стрелка и обстоятельств, при которых деверь презентовал ему оружие. Указал он и на инициалы, нацарапанные на рукояти. Скелтон напоказ прищурился, заглядывая в дуло, щелчком закрыл револьвер и вернул его лорду Пастерну. Повернувшись, он посмотрел на Морри.

– Путем, – подтвердил он, потом осведомился: – Чего мы ждем?

И тут же стал подтягивать и подвинчивать что-то в своих барабанах.

– Удачи новому номеру, – сказал он, и барабаны завибрировали.

– Спасибо, Сид, – отозвался Морри.

Запустив пальцы в кармашки жилета, он обеспокоенно оглядел собравшихся. Он пошарил в одном кармане, потом в другом. Пот мелкими каплями проступил у него над бровями.

– В чем дело, дружок? – спросил Хэппи Харт.

– Не могу найти таблетку.

Он начал выворачивать карманы, выдергивая подкладку.

– Я без нее на части развалюсь. Боже, я же знаю, у меня где-то есть одна!

Дверь, ведущая в ресторан, открылась, и с инструментами вошли «Дживстеры». Они поулыбались «Мальчикам Морри» и косо глядели на лорда Пастерна. Комната наполнилась набриолиненными головами, черными фигурами и причудливыми очертаниями саксофонов, контрабасов, аккордеонов и барабанов.

– Нам пора убираться, а, Фэ? – спросил Эдвард. – Пошли, Лайл. Удачи, кузен Джордж.

– Удачи.

– Удачи.

Они вышли. Морри все еще обшаривал карманы. Остальные нервно за ним наблюдали.

– Не стоило тебе до такого себя доводить, – сказал Скелтон.

Лорд Пастерн с видом обвинителя на суде ткнул в Морри пальцем:

– Теперь до вас, возможно, дойдет ценность того, о чем я вам говорил, – предостерег он Морри.

Тот бросил на него полный ненависти взгляд.

– Господи милосердный, старина! Нам на сцену надо, – вмешался Хэппи Харт.

– Я должен ее принять. Меня всего трясет. Я не могу смотреть. Один из вас...

– Да что же это такое?! – вскричал в крайнем раздражении лорд Пастерн. Он бросился к Морри.

– Просто таблетка, – сказал Морри. – Я всегда ее принимаю. От нервов.

– Плевать на таблетку! – обвиняюще взревел лорд Пастерн.

– Бога ради, я должен ее принять, черт побери.

– Поднимите руки.

С безжалостной деловитостью лорд Пастерн начал обыскивать Морри. Он всего его охлопал, вывернул все карманы, от чего к его ногам выпали самые разные предметы. Он открыл его портсигар и бумажник и изучил их содержимое. Он охлопывал, ошупывал и тыкал. Морри хихикал.

– Я боюсь щеколки, – глупо сказал он.

Наконец лорд Пастерн выдернул из нагрудного кармана Морри носовой платок. А из него выкатился маленький белый предмет. Морри его подхватил, рывком поднес руку ко рту и проглотил.

– Больше спасибо. Все готово, мальчики? Пошли.

По одному они начали выходить. В зале лампы на стенах выключили. Светились лишь розовые лампочки на столах. Скрытый в потолке алькова прожектор залил янтарем поблескивающие ступени; ресторан превратился в подводную пещеру смутных овалов лиц, блеска драгоценностей и красочных пятен букетов. В этой пещере рядами сновали официанты. Над столами плавал облачками сигаретный дым. Если смотреть из ресторана, сцена романтично светилась в своем алькове. Музыканты и их инструменты казались резко очерченными и лощеными. Стрелка гигантского метронома над ними недвижимо указывала в пол. «Мальчики», улыбаясь, точно от великой радости, расселись. Официанты внесли зонты, сомбреро, барабаны и прочие причиндалы барабанщика.

В комнате музыкантов лорд Пастерн, стоя подле Морри, вертел револьвер, насвистывал себе под нос и искоса поглядывал на дверь. Позади барабанов ему видны были тускло белеющие лица жены, падчерицы, племянницы и кузена. Лицо Фелиситэ было наклонено к лицу Эдварда Мэнкса. Лорд Пастерн внезапно издал визгливый смешок.

Морри Морено бросил на него раздраженный взгляд и, совершив положенный ритуал – проведя рукой по голове, поправив жилетку и нацепив улыбку чревоугодника, – вышел на сцену. «Мальчики» сопроводили его выход своей коронной мелодией. По залу пробежала россыпь аплодисментов. Морри улыбнулся, поклонился, повернулся и резкими, нервическими движениями, характерной – и подчеркнутой – особенностью «манеры Морри Морено», начал дирижировать.

Сид Скелтон чуть подпрыгивал на своем табурете. Его ноги двигались по полу, не выстукивая, но сжимаясь, поджимаясь и расслабляясь в постоянном ритме и наперекор всем точным и нелогичным синкопам, которые он выдавал. Четверо саксофонистов раскачивались в унисон, и без того похожие лица у них сделались вдруг совсем одинаковыми из-за сложенных трубочкой губ и надутых щек. Едва у них выпадала передышка, они расплывались улыбками. Оркестр играл знакомые Карлайл мелодии, очень старые мелодии. Поначалу они были узнаваемы, но быстро отправились в джунгли забвения благодаря какофонии, известной как «манера Морри Морено». «В свинг-оркестре полагается играть неграм, – думала Карлайл. – Есть какая-то неправильность в том, что здесь музыканты не негры».

Тут трое из них, выйдя широким шагом к краю сцены, сдвинули головы и запели, раскачиваясь в унисон. Они корчили невыразимые гримасы. «Ара-ахи-ис», – завывали они. Но они не дали песенке про арахис, которая Карлайл, пожалуй, даже нравилась, говорить самой за себя. Они выворачивали ее и корежили, а после, сияя, вернулись к своим инструментам. Потом был номер «Человек с зонтом». Вкусы у Карлайл были простые, и незатейливая монотонность мелодии показалась ей приятной. Один раз ее так и сыграли – тихо и монотонно. Свет рампы поблек, и ярчайший луч нашел пианиста. Тот играл соло и сам же пел. Недурно, подумала Карлайл, можно даже найти удовольствие. Но наивную мелодию прорезал вдруг пронзительный визг. Прожектор сместился к двери в дальнем конце ресторана. Там стоял Карлос Ривера, его руки рвали клавиши аккордеона. Пройдя между столами, он поднялся по ступеням на сцену. Морри повернулся к Ривере и едва шевельнул палочкой. Кожа и мышцы у него словно бы жили собственной жизнью, трясясь на костях черепа. Вот она – его «манера»: Ривера, без аккомпанемента, выжимал из несчастного аккордеона струйки, порывы и стоны. Своим инструментом он владел мастерски. Однако смотрел при этом в упор на Карлайл, расширяя глаза и торсом наклоняясь к ней. Производимые им звуки были откровенно похотливыми, подумалось Эдварду Мэнксу. Чудовищно и нелепо, что люди в вечерних туалетах развлекаются в ресторане, пока Ривера обрушивает на Карлайл свою непристойную виртуозность.

Но луч перешел на середину сцены, теперь играл один только барабанщик, а контрабасист хлопал по своему инструменту. Остальные музыканты один за другим проходили в луче, крутя в руках наподобие колес открытые зонты.

Номер был старый, а исполнили они его, подумала Карлайл, преглупо. Они недотянули. В это сравнительное затишье леди Пастерн внятно произнесла:

– Это мой аскотский зонт, Фелиситэ.

– Да, маман, кажется, да.

– Твой отчим не имел никакого права. Это свадебный подарок, и очень ценный. Рукоять украшена драгоценными камнями.

– Не важно.

– Я категорически и решительно возражаю.

– У него с ним проблемы. Смотри, они перестали крутить зонтами.

Все музыканты вернулись на свои места. Шум взвился, зашелся в непредвиденном вое и стих. Инструменты умолкли.

Морри улыбался и кланялся, кланялся и улыбался. Ривера смотрел на Карлайл. Тем временем из боковой двери вышла молодая женщина в красивом платье и с волосами как серебристые водоросли и остановилась в луче прожектора, вертя в руках отрез алого шифона. Воззрившись на аудиторию с видом добровольной жертвы, она очень серьезно застенала:

– Йей-о ни-о, это просто летняя молния.

Эдвард и Карлайл оба сочли ее отвратительной.

Потом Сид Скелтон и саксофонист сыграли дуэт, эдакий *tour de force*²¹ акробатики, и тем заслужили немалые аплодисменты.

Когда они стихли, Скелтон раскланялся и с видом обиженно-снисходительным ушел в комнату оркестрантов.

В последовавшей затем паузе Морри подступил к самой лестнице сцены. Улыбка у него сделалась еще более широкой и располагающей. Слабым голосом он сказал, что хочет поблагодарить всех за чудный прием, оказанный его «Мальчикам» и что должен сделать небольшое объявление. По его скромному мнению, присутствующие, едва узнают, что их ждет, сами признают, что это очень, очень особый случай. (Леди Пастерн сдавленно зашипела.) Несколько недель назад, продолжал Морри, ему выпала честь услышать чудесное выступление на барабанах выдающегося... ну, он не рискнет назвать его дилетантом. Он уговорил этого удивительного музыканта выступить сегодня с «Мальчиками» и в дополнение... предлагаемая сегодня публике композиция вышла из-под пера... самого музыканта. Морри отступил на шаг и, огласив перечень имен и титулов лорда Пастерна, выжидательно посмотрел на дверь на задах алькова.

Карлайл, как все прочие – близкие и дальние – родственники лорда Пастерна, часто испытывала острое смущение по его вине. Сегодня она вновь ожидала сполна ощутить слишком уж знакомую волну стеснения. Однако когда он вышел через дверь и очутился на сцене такой порозовевший и с такой нервной улыбкой, ее внезапно охватило сочувствие. Глупо, тщетно и бесконечно трогательно, что он собирается именно таким образом выставить себя дураком. Просто брало за душу.

Подойдя к барабанам, он отвесил вежливый полупоклон и с тревожным видом занял свое место. Они видели, как он тайком кладет револьвер на сцену у стула Фелиситэ и прикрывает его сомбреро. Указав в его сторону дирижерской палочкой, Морри объявил:

– Дамы и господа, «Крутой мальчик, крутой ствол»!

Он отстучал начальные такты, и оркестр грянул.

²¹ Здесь: чудо (*фр.*).

«По сути, мало чем отличается от всего, что мы сегодня уже слышали», – думала Карлайл. Лорд Пастерн барабанил и гремел приблизительно так же, как Сид Скелтон. Слова, когда снова вышло трио певцов, звучали не глупее слов прочих песен. Мелодия была запоминающейся, к тому же довольно заразной. «Но каким же ранимым он кажется среди этих железяк!» – невольно подумала Карлайл.

Эдвард же думал: «Вот он, легкая добыча для любого сатирика, которому претит нынешнее общество. Из этого можно сварганить карикатуру или притчу. Нет, скорее карикатуру. Кузен Джордж наяривает под указку дирижерской палочки Морри, а на заднем плане череда вырванных из привычного окружения лиц. Метроном символизирует Время... перст насмешки... делает неприличный жест обществу. Конечно, прямолинейно, – отмахнулся он от такой мысли, – фальшиво, как раз потому, что отчасти истинно». И он повернулся смотреть на Карлайл.

Фелиситэ думала: «Вот Джорджу хотя бы весело». Ее взгляд скользнул к сомбреро. Она тронула Эдварда за колено и, когда он к ней нагнулся, шепнула ему на ухо:

– Может, стащить у Джорджа револьвер? Я бы могла. Смотри!

Она потянулась к краю сцены и запустила руку под сомбреро.

– Фэ, не надо! – воскликнул он шепотом.

– Ты меня подзуживаешь?

Он яростно затряс головой.

– Бедный Джордж, – сказала Фелиситэ. – Что бы он тогда делал?

Выпростав руку из-под сомбреро, она откинулась на спинку стула, вертя в пальцах белую гвоздику.

«Стоит воткнуть ее в волосы? – думала она. – Будет смотреться глупо и выпадет, но, возможно, мысль неплохая. Ну почему он ничего не скажет?.. Всего одно слово... чтобы дать знать, что мы понимаем друг друга. После такого не можем же мы прикидываться вечно».

Леди Пастерн думала: «Нет конца способности человека унижать себя и других. Он дискредитирует меня и дискредитирует весь свой класс. Одна и та же история. Будут все те же пересуды, все те же дерзости в газетах, все тот же стыд. Однако я правильно поступила, что пришла. Я правильно поступила, что сношу сегодня эту муку. Чутье меня не подвело». Она твердо посмотрела на Риверу, как раз выходявшего на середину сцены. «Я от тебя избавилась», – победно подумала она.

Лорд Пастерн думал: «Пока никаких ошибок и сбоев. И-раз, бах, и-два, бах, и-раз бух-бах-дрыг. Раз, два и три с его аккордеоном и подожди его. Просто великолепно. Я и есть этот шум. Смотри-ка. Вон он идет. Хай-ди-дзай. Йиип. Вот он идет. Все получится. Крутой малый со своим аккордео-о-о-оном».

Он бухнул в тарелки, придержал их, чтобы не гудели, и откинулся на табурете.

Ривера вышел в свет прожектора. Остальной оркестр безмолвствовал. Огромная неподвижная стрелка метронома ткнула острием словно бы ему в голову. А он будто впал в экстаз, испытывая одновременно восторг и муки. Он покачивался, и подергивался, и влюбленно пожирал глазами зал. Хотя он ни в коей мере не казался нелепым, все равно был марионеткой собственной музыки. Выступление казалось растянутым крещендо, и когда оно подошло уже к высшей своей точке, он качнулся назад, выгнулся под чудовищным углом, подняв инструмент навстречу угрожающей стрелке. Воющий диссонанс внезапно растворился в диком грохоте, прожектор перескочил на барабаны. Лорд Пастерн в сомбреро встал. Подойдя на расстояние пяти футов к Ривере, он прицелился в него из револьвера и выстрелил.

Аккордеон нелепо взмычал, ноты спускались вниз по гамме. Ривера осел на колени, потом упал. Аккордеон издал последний аккорд и смолк. В то же мгновение, когда был произведен выстрел, тенор-саксофонист сыграл одинокую пронзительную ноту и упал у табурета. Лорд Пастерн, явно ошарашенный, перевел взгляд с распростершегося Риверы на саксофони-

ста, минуту помедлил потом выпустил еще три холостых. Пианист, тромбонист и, наконец, контрабасист каждый по очереди сыграли ноту по нисходящей, и каждый изобразил падение.

Еще на секунду повисла пауза. С весьма озадаченным видом лорд Пастерн вдруг отдал револьвер Морено, который прицелился в него и спустил курок. Затвор шелкнул, но выстрела не последовало. Морено разыграл отвращение и, пожав плечами, переломил револьвер и заглянул внутрь. Тот фонтанчиком выбросил гильзы. Почесав в затылке, Морено уронил револьвер в карман и деловито взмахнул дирижерской палочкой.

– Йипп-ии! – выкрикнул лорд Пастерн.

Оркестр пустился наяривать ураганный шум. Лорд Пастерн метнулся назад и бросился за барабаны. Свет прожектора сосредоточился на нем. Метроном, до сих пор неподвижный, внезапно качнул длинной стрелкой. «Тик-так» – звякал он. Калейдоскопический круговорот разноцветных лампочек мигал и вспыхивал по всей его поверхности и стойке. Лорд Пастерн что есть мочи налегал на барабаны.

– Черт! – выдохнул Эдвард. – При таком темпе он себя прикончит.

Морри Морено извлек откуда-то большой искусственный венок. Промокая глаза носовым платком, он опустился на колени возле Риверы, положил венок ему на грудь и пощупал сердце. Склонив голову, он лихорадочно шарил под венком, потом вдруг поднял взгляд и изумленно посмотрел на барабанную установку, где луч прожектора высветил лорда Пастерна, с экзотической яростью колотящего инструменты. Его соло длилось минуты полторы. За это время подошли четверо официантов с носилками. Морено возбужденно заговорил с ними. Риверу унесли, пока саксофоны издавали гротескные траурные рыдания, а лорд Пастерн, ударив в большой барабан и тут же ослабив натяжение, выдал серию приглушенных стонов.

Метроном звякнул и остановился, загорелся свет, публика щедро аплодировала. Трясущийся, с побелевшими губами Морри указал на лорда Пастерна, который присоединился к нему, блестя потом, в поклоне. Морри сказал что-то неслышное ему и пианисту и вышел, лорд Пастерн двинулся следом. Пианист, контрабасист и три саксофониста заиграли танцевальную мелодию.

– Старый добрый Джордж! – воскликнула Фелиситэ. – На мой взгляд, он был великолепен! Маман, милая, что скажешь? Нед, разве он не рай?

Эдвард ей улыбнулся.

– Он всех поразил, – сказал он и добавил: – Кузина Си, вы не против, если мы с Лайл потанцуем? Ты ведь потанцуешь со мной Лайл, правда?

Карлайл положила руку ему на плечо, и они сделали несколько па, удаляясь от стола. Мимо них скользнул метрдотель и на мгновение задержался возле мужчины за соседним столиком. Мужчина встал, уронил пенсне и с озабоченным лицом прошел мимо Карлайл и Эдварда, направляясь в фойе.

Они танцевали в молчании, уютном и дружеском.

– Как по-твоему, что дальше? – спросил наконец Эдвард. – Он, кажется, уже все перепробовал?

– А на мой взгляд, он был ужасно трогательным и жалким.

– Квинтэссенция глупости. Лайл, у меня не было шанса поговорить с тобой о той истории дома. Наверное, мне не следовало бить малого, учитывая, что творится с Фэ, но правда, это уж было слишком. Мне очень жаль, если я устроил ненужную сцену, но, должен сказать, получил от нее удовольствие. – Когда она промолчала, он добавил: – Ты очень сердисься? Лайл, ты, случайно, не...

– Нет. Совсем нет. Ладно, признаюсь, что сама получила удовлетворение. – Его рука сжала ее. – Я, – добавила она, – стояла на пороге пещеры и охорашивалась.

– Заметила его ухо? Не как капуста деформировано, но явно распухло, и струйка крови. А потом эта невероятная скотина еще имел наглость пялиться на тебя поверх своей гармошки.

- Это все для вида. Чтобы позлить Фэ.
- Я не вполне уверен.
- Если так, то большого успеха он не имел.
- Что ты хочешь этим сказать? – резко спросил Эдвард.
- Она на тебя смотрела, дорогуша.
- Ты хочешь сказать, что Фэ... – Он замер и вдруг покраснел. – Лайл, – начал он, – по поводу Фэ... Случилось нечто очень странное. Это поразительно и... ну... чертовски неловко. Я не могу объяснить, но мне хочется думать, что ты поняла.
- Карлайл подняла на него глаза.
- Ты не слишком внятно изъясняешься.
- Лайл, милая... Лайл, понимаешь...
- Они обошли в танце сцену. Карлайл сказала:
- Вон стоит наш официант и наблюдает за нами. Кажется, он старается поймать твой взгляд.
- К чертям его.
- Да, старается. Вот он идет.
- Наверное, какая-то проклятая газета меня выследила. Да, вам нужен я?
- Официант тронул Эдварда за локоть.
- Прошу прощения, сэр. Срочный звонок.
- Спасибо. Пойдем со мной, Лайл. Где телефон?
- Помешкав, официант глянул на Карлайл и сказал:
- Если мадам простит, сэр... – Его голос упал до шепота.
- Господи милосердный! – вырвалось у Эдварда. Он взял Карлайл за локоть. – Какие-то проблемы. Кузен Джордж просит, чтобы я пришел к нему. Я отведу тебя за столик, Карлайл.
- Господи помилуй, что он теперь затеял?
- Вернусь, как только смогу. Извинись за меня.
- Когда он уходил, Карлайл изумленно заметила, что он очень бледен.
- В фойе, которое было почти безлюдно, Эдвард остановил официанта.
- Насколько все скверно? Он сильно поранился?
- Тот поднес стиснутые руки к лицу.
- Говорят, он мертв, – сказал официант.

III

Морри Морено сидел теперь за столиком во внутреннем офисе, где до того играл в покер. Проходя через внешнюю комнату, Эдвард слышал шарканье и увещевания, а открыв дверь, увидел потасовку. Сидевшего на корточках Морри поднимали на ноги и тащили через комнату. Он вдруг повис и не сопротивлялся. Сейчас его мягкие руки царапали поверхность столика. Он был растерзан и задыхался, из глаз у него текли слезы, рот раззявился. Позади него стоял Дэвид Хэн и хлопал его по плечу.

– Не надо было тебе этого делать, старина, – сказал он. – Честное слово. Не надо было тебе этого делать.

– Отвяжитесь, – шепнул Морри.

Цезарь Бонн, стискивая руки обычным жестом расстройства, смотрел за спину Эдварду, в главный офис. Там за столом сидел мужчина в пенсне и говорил в телефон, но слов было не разобрать.

– Как это случилось? – спросил Эдвард.

– Сам посмотри, – отозвался лорд Пастерн.

Эдвард пересек комнату.

– Его нельзя трогать. – Цезарь Бонн запнулся. – Прошу прощения, сэр. Извините, но доктор Оллингтон сразу сказал, его нельзя трогать.

– Я не собираюсь его трогать.

Он наклонился. Ривера лежал на полу. Его длинное тело аккуратно вытянулось вдоль дальней стены. У ног лежал комичный веночек, а чуть дальше аккордеон. Глаза Риверы пусто смотрели перед собой. Нижняя губа отвисла, открывая зубы. Смокинг на нем был распахнут, а перед мягкой рубашки забрызган красным. Из середины красного пятна на груди нелепо выпирал короткий черный предмет.

– Что это? Похоже на стрелку для дартса.

– Дверь закройте, – сердито зашептал Бонн. Хэн метнулся к двери между комнатами и ее захлопнул. Но Эдвард успел расслышать, как мужчина говорит в телефон:

– В офисе. Конечно, я вас дождусь.

– Это нас прикончит. Мы разорены, – сказал Бонн.

– Все просто сочтут это расследованием после рабочего дня, вот и все, – постарался утешить его Хэн. – Если не будем терять голову.

– Все выплывет. Повторяю, мы разорены.

– Послушайте, мальчики. – Голос Морри вырвался слабым фальцетом. – Послушай, Цезарь. Я не знал, что дело такое скверное. Я не видел. Я не был уверен. Меня ведь тут нельзя винить, правда? Я шепнул мальчикам словцо, мол, что-то стряслось. Ничего бы не изменилось, если бы я поступил иначе, верно, Дейв? У них ведь против меня ничего нет, правда?

– Успокойся, старина.

– Вы поступили правильно, – решительно подтвердил Бонн. – Поступи вы иначе... ну и сцена! Какое фиаско! И безо всякой цели. Нет-нет, вы поступили правильно.

– Да, но, Цезарь, это ужасно... То, как мы продолжили как ни в чем не бывало. Марш «Похороны селедки» и так далее. Я знал, что это дурное предзнаменование. Я так и сказал, когда он заявил, что хочет второй вариант. Все «Мальчики» так говорили! Это ваша была гениальная идея, – он ткнул дрожащим пальцем в лорда Пастерна. – Вы такого нам желали. Видите, до чего это нас довело. Надо же было додуматься – марш «Похороны селедки».

Его губы скривились, он засмеялся, хватая ртом воздух и стуча кулаками по столу.

– Заткнитесь, – раздраженно бросил лорд Пастерн. – Вы дурак.

Дверь открылась, и вошел мужчина в пенсне.

– Из-за чего такой шум? – спросил он и остановился возле Морри. – Если не можете взять себя в руки, мистер Морено, нам придется принять решительные, серьезные меры, чтобы вас заставить. – Он посмотрел на Бонна. – Ему не помешало бы бренди. Можете разыскать таблетку аспирина?

Хэн вышел. Морри рыдал и лопотал что-то невнятное.

– Полиция, – сказал врач, – скоро будет. От меня, конечно, потребуют сделать заявление. – Он посмотрел на Эдварда в упор. – Кто это?

– Я за ним послал, – сказал лорд Пастерн. – Он с моими гостями. Мой кузен, Нед Мэнкс...

Доктор Оллингтон.

– Понимаю.

– Я подумал, хорошо бы Нед был рядом, – мечтательно добавил лорд Пастерн.

Доктор Оллингтон снова повернулся к Морри и пощупал ему пульс, потом вдруг глянул на него проницательно:

– А состояние-то у вас неважноецкое, мой друг.

– Я не виноват. Не смотрите на меня так. Боже, меня нельзя считать в ответе.

– Я ничего такого и не предполагал. Бренди вам помогает? Ага, вот оно.

Бренди принес Хэн.

– Вот аспирин, – сказал он. – Сколько? – Он вытряхнул две таблетки. Выхватив у него пузырек, Морри вытряхнул на стол полдюжины. Вмешался доктор Оллингтон и дал ему три. Морри запил их бренди, отер лицо носовым платком и, широко зевнув, передернулся.

Во внешнем офисе раздались голоса. Бонн и Хэн подступили к Морри. Лорд Пастерн расставил пошире ноги и размял плечи. Поза была Эдварду знакома. Обычно она предвещала неприятности. Доктор Оллингтон нацепил пенсне. Морри слабо заскулил.

В дверь постучали. Она открылась, вошел коренастый седеющий мужчина. Одет он был в темное пальто, невыносимо опрятное, жесткое и немодное, а в руке держал котелок. Глаза у него были смысленные и блестящие, и на людей, которых встречал впервые, он смотрел дольше и пристальнее, чем обычно принято. Его цепкий незаинтересованный взгляд по очереди останавливался на каждом из мужчин в комнате и на теле Риверы, от которого все отступили. От группки отделился доктор Оллингтон.

– Тут проблемы? – спросил новопришедший. – Вы доктор Оллингтон, сэр? Мои ребята снаружи. Я инспектор Фокс.

Он подошел к телу. Врач последовал за ним, и они постояли бок о бок, внимательно глядя на него. Хмыкнув, Фокс повернулся к остальным.

– А эти джентльмены?

Цезарь Бонн метнулся к нему и быстро затараторил.

– Только фамилии, пожалуйста, – сказал Фокс и достал блокнот. Он записал имена и фамилии, его взгляд задержался на Морри дольше, чем на остальных названных. Полулежа на стуле, Морри рассматривал Фокса. Его смокинг со стальными пуговицами съехал на сторону. Карман оттопырился.

– Прошу прощения, сэр, – обратился к нему Фокс, – вам нехорошо? – Он буквально навис над Морри.

– Я застрелен насмерть, – заскулил Морри.

– Будет вам, если вы только позволите... – Он сделал опрятный и ловкий, незаметный жест и распрямился с револьвером в большой руке в перчатке.

Морри уставился на револьвер, потом дрожащей рукой указал на лорда Пастерна.

– Это не моя пушка, – залопотал он. – Только не подумайте, что она моя. Она его светлости. Он выстрелил в бедного старину Карлоса, и бедный старина Карлос повалился, а не должен был. Так ведь, мальчики? Так ведь, Цезарь? Боже, неужели никто не вступится за меня и не скажет инспектору? Его светлость дал мне эту пушку.

– Не беспокойтесь, – утешил Фокс. – Мы сейчас об этом поговорим. – Он опустил револьвер себе в карман. Его острый взгляд снова прошелся по группке мужчин. – Благодарю вас, джентльмены, – сказал он, открывая дверь. – Нам придется побеспокоить вас еще немного, доктор, но остальных я попрошу подождать вон там, если вы не против.

Все вышли в главный офис. Там уже ждали четверо мужчин. По кивку Фокса трое из них исчезли во внутренней комнате. При себе у них были черные саквояжи и штатив.

– Это доктор Кертис, доктор Оллингтон, – представил врачей Фокс и неспешно расстегнул пальто, а котелок положил на стол. – Не соблаговолят ли оба джентльмена взглянуть? Когда закончите, мы сделаем фотографии, Томпсон.

Один из мужчин стал устанавливать фотокамеру на штатив. Врачи повели себя как пара комиков в шоу: подтянули штанины, опустили на правое колено и оперлись правым локтем о левое колено.

– Я тут ужинал, – пояснил Оллингтон. – Он был уже мертв, когда меня позвали, что произошло примерно через три-пять минут после того, как вот это, – он тронул указательным пальцем пятно на рубашке Риверы, – случилось. Когда я пришел сюда, его уже положили тут у стены. Я произвел поверхностный осмотр и позвонил в Ярд.

– Никто не пытался извлечь орудие убийства? – спросил Кертис и добавил: – Довольно странное, если уж на то пошло.

– Похоже, один из них – лорд Пастерн, кажется – заявил, что его нельзя трогать. Что-то насчет выплеска крови вслед за извлечением... Остальные почти сразу поняли, что он мертв. Как на ваш взгляд, тут налицо глубокое проникновение в правый желудочек? Кстати, я ничего не трогал. Не могу понять, что это.

– Сейчас посмотрим, – сказал доктор Кертис. – Ваш выход, Фокс.

– Ваш выход, Томпсон, – эхом откликнулся Фокс.

Они отошли. Их тени на мгновение появились на стене, когда моргнула вспышка Томпсона. Насвистывая себе под нос, он двигал камеру, мигал вспышкой и щелкал.

– Готово, мистер Фокс, – сказал он наконец.

– Ваша очередь, Дэбс, – распорядился Фокс. – А вы, Бейли, выжмите что возможно из орудия убийства.

Специалист по снятию отпечатков пальцев, темный худощавый мужчина, присел у тела.

– Я хочу получить заявление, что, собственно, произошло. Сможете нам тут пособить, доктор Оллингтон? Что в точности имело место? Насколько я понял, орудие убийства было пущено в ход во время представления.

Опрятно свернув пальто, он пристроил его на спинку стула. Теперь сел, раздвинув колени, поправил очки, раскрыл на столе блокнот.

– Не считите за труд, доктор, – сказал он. – Своими словами, как у нас говорится.

Доктор Оллингтон вставил на место монокль, вид у него стал извиняющийся.

– Боюсь, от меня будет не много толку, – начал он. – Честно говоря, меня больше интересовала моя гостья, чем представление. И кстати, мне бы хотелось извиниться перед ней как можно скорее. Она, наверное, недоумевает, куда я, черт побери, подевался.

– Если хотите написать записку, сэр, мы передадим ее с одним из официантов.

– Что? Ах ладно, – раздражительно отозвался доктор Оллингтон.

Записка была вынесена Томпсоном. Через открытую дверь они мельком увидели удрученную группку в главном офисе. Голос лорда Пастерна, выхваченный на середине фразы, произносил визгливо:

– Совершенно неверный подход. Как всегда, все запутывают... – И был оборван закрывшейся дверью.

– Итак, доктор? – безмятежно сказал Фокс.

– О боже, они устроили какое-то идиотское шоу с зонтами и сомбреро. Я разговаривал с моей дамой и не обращал особого внимания, только отметил для себя, что представление довольно скверное, а старый Пастерн выставляет себя идиотом. Вот этот тип, – он с отвращением посмотрел на труп, – вышел из дальнего конца ресторана, по пути извлекая жуткий вой из своей концертны, или как это еще называется, потом раздался громкий хлопок. Тип упал, дирижер уронил на него венок, потом его вынесли. Минуты через три послали за мной.

– Я только запишу ваши слова, если вы не против, – сказал Фокс. Подняв брови и дыша ртом, он писал неспешно. – Вот так, – умиротворенно протянул он. – На каком, по вашему мнению, доктор, расстоянии был от покойного его светлость, когда произвел выстрел?

– Довольно близко. Точно не скажу. В пяти – семи футах. Я правда не могу сказать точнее.

– Вы заметили, сэр, как вел себя покойный сразу после того, как раздался хлопок? Я хочу сказать, вам не показалось, что что-то тут не так?

Доктор Оллингтон нетерпеливо смотрел на дверь.

– Показалось! – повторил он. – Мне ничего вообще не показалось. Я поднял глаза, когда револьвер выстрелил. Думаю, мне пришлось в голову, что он очень уж ловко упал. Он вообще выглядел жутковато. Весь этот бриолин и блеск зубов...

– Вы бы сказали... – начал Фокс, но доктор Оллингтон его оборвал:

– Я бы вообще ничего не сказал, инспектор. Я высказал вам мое мнение на тот момент, когда я осматривал беднягу. Строить догадки было бы непрофессионально и глупо. Я просто не смотрел, а потому не помню. Вам лучше поискать кого-то, кто наблюдал за ними и помнит.

Подняв голову, Фокс смотрел теперь за плечо доктора Оллингтона на дверь. Его рука неподвижно застыла над блокнотом. Челюсть у него отвисла. Доктор Оллингтон круто повернулся и очутился лицом к лицу с очень высоким темноволосым мужчиной в вечернем костюме.

– Я наблюдал, – произнес этот человек, – и кажется, я помню. Давайте я попытаюсь, инспектор?

IV

– Боже ты мой! – охнул Фокс, вставая. – Ну спасибо вам, доктор Оллингтон. Велю прислать вам завтра отпечатанное заявление. Не будете ли так добры прочитать его и подписать, если там все верно? И еще, вы нам понадобится на дознании.

– Хорошо. Спасибо, – сказал доктор Оллингтон, направляясь к двери, которую открыл новопришедший. – Спасибо, – повторил он. – Надеюсь, у вас получится лучше, чем у меня, а?

– Боюсь, это крайне маловероятно, – отозвался тот вежливо и закрыл за ним дверь. – На вашей улице праздник, Фокс, – сказал он, направляясь к телу.

– Добрый вечер, сэр, – приветствовал его дактилоскопист Бейли и с улыбкой уступил ему место у трупа.

– Будет мне позволено спросить, сэр, – не отступил Фокс, – вы-то как тут очутились?

– Разве я не могу сводить в ресторан собственную жену? Никаких больше пирогов и лимонада! Во всяком случае, для тебя, бедняга, – сказал он, наклоняясь над Риверой. – Вижу, вы еще не вынули эту штуку, Фокс.

– Ее фотографировали и снимали отпечатки. Теперь можно извлекать.

Фокс стал на колени, его рука, обернутая носовым платком, сомкнулась на предмете, выступающем из груди Риверы. Он подергал, попробовал повернуть...

– Крепко засела, – пояснил Фокс.

– Позвольте мне взглянуть?

Фокс отстранился. Аллейн опустился на колени рядом с ним.

– Что же это такое? – сказал он. – Не обычная стрелка для дартса. На верхушке у нее нитка. Ее от чего-то отвинтили. Черная. Взята в серебро. Черное дерево, надо полагать. Либо темная бронза. Что же это, черт побери? Попробуйте еще, Фокс.

Фокс попробовал снова и повернул с рывком. Под влажным чмоканьем рана чуть приоткрылась. Он мерно тянул. С рывком и слабым, но жутким звуком орудие убийства вышло из раны. Положив его на пол, Фокс развернул платок. Бейли прищелкнул языком.

– Вы только посмотрите, – сказал Фокс. – Господи боже, ну и заковыристая штукавина! Это часть рукоятки зонтика, которую превратили то ли в стрелку, то ли в арбалетный болт.

– Черно-белый зонт, – сказал его коллега. Фокс быстро поднял глаза, но промолчал. – Вот тут, видите? Застежка. Она не давала стрелке выйти из раны. Изысканная штучка, почти музейная. В застежке крошечные драгоценные камни. И посмотрите.

Он указал длинным пальцем. С одного конца выступала сталь, дюйма на два, широкая у основания и резко сужающаяся к концу.

– Похоже на шило или стилет. Вероятно, изначально оно было утоплено в короткую ручку. Его загнали с одного конца в рукоять зонтика и каким-то образом закрепили. Скорее всего пластилином. Или замазкой. Рукоять зонтика с этой стороны, как видите, была полый. Вероятно, на нее накручивалась более длинная часть, за ней ручка или еще что, а затем все прикручивалось к другому концу. – Достав блокнот, он быстро набросал рисунок, который показал Фоксу. – Вот так. Престранный получается зонт. Я бы предположил, что французский. Помню,

видел такие в ложе в Лонгшампе²², когда был мальчиком. Центральная спица, на которую все крепится, была такая тонкая, что приходилось вставлять отдельную секцию, чтобы закрепить застежку. Это как раз такая секция. Но к чему, скажите на милость, использовать кусок зонта как кинжал?

– Сделайте еще пару снимков, Томпсон. – Фокс деревянно поднялся и после долгой паузы сказал: – Где вы сидели, мистер Аллейн?

– Рядом с гостями Пастерна. В нескольких ярдах от сцены.

– Ну и повезло же, – только и сказал мистер Фокс.

– Не будьте так уверены, – возразил старший инспектор Аллейн. Сев к столу, он закурил. – Но без сомнения, положение щекотливое, Братец Лис²³. Я не должен вмешиваться в ваше расследование, сами понимаете.

Фокс издал короткий саркастический звук.

– Разумеется, теперь главный вы, сэр.

– Но хотя бы я могу сделать заявление. Мне лучше с самого начала предостеречь, что по большей части я наблюдал за экстраординарным стариканом Пастерном. Ну и странная же он личность!

– Полагаю, – флегматично сказал Фокс, – вы сейчас скажете, сэр, что были его фэгом²⁴ в Итоне.

Аллейн улыбнулся этой попытке его поддеть.

– Тогда я, наверное, провел бы остаток жизни в приюте для умалишенных. Нет, я собирался сказать, что, наблюдая за ним, не обращал внимания на остальных. Например, я заметил, что он действительно целился из какого-то револьвера в этого человека и, когда стрелял, был от него не более чем в семи футах.

– Вот это уже больше похоже на дело. – Фокс снова открыл свой блокнот. – Если вы не против, мистер Аллейн? – сурово добавил он.

– Злорадствуете, да? – усмехнулся Аллейн. – Что ж, «Мальчики» выступили с чертовски глупым номером, крутили зонтики от дождя и от солнца, как стайка престарелых хористок, и я заметил, что один, очень вычурная французская штучка из черных с белым кружев, доставляет массу неприятностей – саксофонисту приходилось запускать в него руку по локоть, чтобы он не закрылся.

– Вот как? – Фокс поднял глаза на Томпсона. – Вам следует разыскать зонт.

Томпсон вышел. Подошел с инжектором Бейли и склонился над орудием убийства.

– Наверное, мне следует подробнее описать последний номер, – сказал Аллейн и исполнил обещанное. Его голос звучал неторопливо и размеренно. Вернулся с черно-белым зонтом Томпсон.

– Это точно он, сэр, – сказал он. – Одной секции палки не хватает. Посмотрите сюда. И никакой застежки, которая не давала бы закрыться.

Он положил зонт возле стрелки.

– Неплохо, – одобрил Фокс. – Теперь сделайте снимки.

Еще трижды сфотографировав орудие убийства, Томпсон завернул его в платок и убрал в саквояж Фокса.

– Упакую в защитную пленку, когда закончим, мистер Фокс, – пообещал он, и по кивку Фокса Томпсон и Бейли удалились со своим снаряжением.

²² Парижский ипподром.

²³ Фокс (англ. Fox) – лис; имеется в виду Братец Лис, персонаж «Сказок дядюшки Римуса».

²⁴ Младший ученик в мужской частной привилегированной школе, который оказывает услуги старшему ученику (будит по утрам, чистит обувь и т. д.).

– ...когда был произведен выстрел, – говорил Аллейн, – он развернулся лицом к лорду Пастерну, к залу стоял вполоборота и спиной к дирижеру. Он выгнулся назад под гротескным углом, инструмент поднят. Он находился прямо под стрелкой метронома, которая не двигалась. После хлопка он развернулся еще больше и чуток выпрямился. Аккордеон, если так называется его инструмент, издал несколько нот по нисходящей и адски замычал. Колени у покойного подкосились, он упал на них, сел на пятки, а потом повалился, но развернулся и рухнул на спину, инструмент прикрывал его от зрителей. В то же время один из музыкантов сделал вид, что в него попала пуля. Я не мог ясно видеть Риверу, потому что луч прожектора перешел на старого Пастерна, который после секундного замешательства расстрелял остальные патроны. Еще трое «Мальчиков» из оркестра комично зашатались, словно он в них попал. Что-то показалось тут не так. У всех был такой вид, будто они точно не знают, что дальше. Однако лорд Пастерн отдал револьвер Морено, а тот прицелился в него и спустил курок. Последний патрон был отстрелян, поэтому раздался только щелчок. С гадливым лицом Морено переломил револьвер, убрал его в карман и сделал красноречивый жест, мол, «С меня довольно, продолжайте», а тогда лорд Пастерн с жаром набросился на барабаны и поднял адский шум. Выглядел он экстраординарно: глаза остекленели, потел, улыбался кривенько и подергивался над барабанами. В пожилом пэре Англии такое не может не напугать, впрочем, он, разумеется, сумасшедший как Мартовский заяц. Мы с Трой пришли в снобистский ужас. Вот тут со сполохами мигающих лампочек включился метроном. Раньше стрелка указывала прямо на Риверу. Официант бросил венок дирижеру, который стал на колени возле Риверы и плюхнул ему на грудь венок. Он пощупал ему сердце, посмотрел на Риверу пристально и, нагнувшись над телом, начал шарить под венком. Затем он повернулся вроде как удивленно к старому Пастерну. Потом сказал что-то типа с носилками. Когда Риверу уносили, венок скрывал его лицо, а аккордеон лежал поперек груди и живота. Морено поговорил с пианистом, потом с лордом Пастерном, и те пошли за ним, когда закончили свой адский грохот. Я почувствовал неладное, когда увидел, как официант заговаривает с Оллингтоном, а потом уводит одного малого из гостей леди Пастерн. Я долго препирался с самим собой, проиграл спор и пришел сюда. Вот и все. Вы револьвер осмотрели?

– Забрал его у Морено. Он у меня в кармане. – Надев перчатку, Фокс достал револьвер и положил его на стол. – Марка неизвестна, – сказал он.

– Вероятно, использовался для стрельбы по мишеням, – пробормотал Аллейн. Рядом он положил стрелку. – А ведь она подходит, Фокс. Вы заметили?

– Мы не слишком продвинулись.

– Конечно, нет.

– Я не вполне понимаю, какую линию взять вон с ними, – Фокс дернул головой в сторону ресторана.

– Надо записать фамилии и адреса. Это могут сделать официанты. Им и так многое известно про завсегдатаев. Пусть объясняют, мол, это новый полицейский протокол на ночных шоу. Тут нам повезло, братец Фокс, что публика поверит в любую чушь, если ей скажут, что ее сама полиция придумала. Гостей Пастерна лучше задержать.

– Я это устрою, – сказал Фокс.

Он вышел, открыв на мгновение сборище во внешнем офисе.

– ...торчать тут целую ночь, – протестовал голос лорда Пастерна, но был внезапно оборван.

Опустившись на колени возле трупа, Аллейн стал его обыскивать. Полы смокинга уже были откинута, и нагрудный карман вывернут. В пространство между телом и смокингом выскользнули четыре письма и золотой портсигар. Портсигар был полон наполовину и украшен внутри гравировкой: «От Фелиситэ». Он проверил другие карманы. Нефритовый мундштук. Два носовых платка. Бумажник, в нем – три банкноты по одному фунту. Он выложил эти

предметы рядом и перешел к аккордеону. Это был большой, со множеством декоративных накладок инструмент. Аллейн вспомнил, как аккордеон засверкал, когда Ривера передвинул его повыше на грудь, а инструмент издал последнюю какофонию перед тем, как упал музыкант. Когда Аллейн его поднял, инструмент издал металлический вой. Поспешно положив его на стол, он снова стал рассматривать тело.

– Все улажено, – сообщил вернувшийся Фокс.

– Хорошо.

Аллейн выпрямился.

– По виду так просто поразительный тип. Создавалось ощущение, что видел бесчисленное множество голливудских фильмов с оркестрантами, которые так и ели оператора глазами среди экзотических декораций. Как по-вашему, можно его накрыть? Администрация найдет где-нибудь чистую скатерть.

– Труповозка уже должна была приехать, мистер Аллейн, – ответил Фокс и осмотрел немногие предметы на полу. – Премного вам обязан, сэр, – сказал он. – Нашли что-нибудь стоящее?

– Письма написаны по-испански. Почтовые марки. Разумеется, у него нужно взять отпечатки.

– Я позвонил в Ярд, мистер Аллейн. Вам привет от окружного судьи. Тот сказал, что будет рад, если вы возглавите расследование.

– Чудовищная и вопиющая ложь, – мягко возразил Аллейн. – Окружной судья в Голдминге.

– Он вернулся, сэр, и так уж вышло, оказался на месте. Чистейшее совпадение.

– Вам дорога в ад, Фокс. Проклятие, в кои-то веки повел в ресторан жену.

– Я взял на себя смелость послать миссис Аллейн записку. Официант принес ответ.

Развернув сложенный листок, Аллейн увидел смешной рисунок, на котором молодая леди сладко спала в большой кровати. Над ней, обведенные в рамочку, Аллейн и Фокс ползали на четвереньках, через огромные лупы рассматривая гнездо, из которого высовывалась подмигивающая голова ребенка.

– Боюсь, она очень легкомысленная женщина, бедняжка, – пробормотал Аллейн и с улыбкой показал рисунок Фоксу. – Хорошо же, – решительно добавил он, – взглянем еще раз на револьвер и пойдем снимать показания.

Глава 6 Наркотик

I

Над дверью, ведущей из фойе «Метронома» в офис, висели часы с хромированными стрелками и цифрами. По мере того как шло время, внимание собравшихся в той комнате все больше притягивалось к циферблату, так что когда в час ночи минутная стрелка перескочила на цифру четыре, это заметили все. Слабый вздох и унылое беспокойство на мгновение всколыхнули каждого.

Оркестранты, пристроившиеся в углу фойе, подавленно сидели на золоченых стульях, принесенных из ресторана. Руки Сида Скелтона свисали между коленями, вяло постукивая друг о друга. Хэппи Харт развалился, вытянув ноги. Свет высветил пятна у него на штанах, где они лоснились от давления ног на нижнюю часть пианино. Четверо саксофонистов сидели, сдвинув головы, но уже некоторое время не разговаривали, и скорее инерция, чем интерес, удерживала их в позах заговорщиков.

Худой контрабасист, уперев локти в колени, опустил голову на руки. В самой середине группки «Мальчиков» ерзал, зевал, проводил руками по лицу и лихорадочно кусал ногти Морри Морено. Неподалеку от музыкантов сбились в кучку четверо официантов и светооператор, которых только что закончили допрашивать – совершенно бесплодно.

В противоположном конце фойе в креслах сидели леди Пастерн и ее гости. Из всех оставшихся она одна держалась прямо. Мышцы ее лица чуть обвисли, в проступившие морщины набилась пудра, под глазами залегли сероватые тени, но ее лодыжки и руки были сосредоточенно скрещены, а прическа – в незабываемом порядке. Справа и слева от нее девушки обмякли в креслах. Фелиситэ, курившая одну сигарету за другой, урывками возвращалась к насущным делам и часто доставала из сумочки зеркало, чтобы обиженно посмотреть на свое отражение и раздраженными жестами поправить помаду.

Карлайл, как всегда поглощенная деталями, отмечала мелкие нервные жесты своих спутников через все сгущающуюся пелену сонливости и лишь вполуха слушала, что они говорили. Нед Мэнкс слушал внимательно, словно старался запомнить все услышанное. Лорд Пастерн не мог усидеть на месте. Он развязно бросался в кресло, а мгновение спустя вскакивал как на пружине и бесцельно бродил по комнате. Он с отвращением смотрел на любого, кто бы ни решился открыть рот. Он гримасничал и прерывал. В сторонке, поодаль от двух групп, стояли Цезарь Бонн и Дэвид Хэн. Эти двое были насторожены и мертвенно-бледны. Подальше от любопытных взглядов, в главном офисе, доктор Кертис, позаботившись о выносе тела Риверы, набрасывал заметки к отчету.

В центре фойе за маленьким столиком расположился инспектор Фокс, развернув блокнот и водрузив на нос очки. Его ботинки стояли рядышком на ковре, костистые колени были сжаты. Подняв брови, он обдумывал свои заметки.

Позади Фокса стоял старший инспектор уголовной полиции Аллейн, и на него – в одних случаях урывками, в других поглощенно – было обращено внимание присутствующих. Он говорил уже около минуты. Карлайл, хотя и старалась вслушиваться в его слова, поймала себя на мысли, какой низкий у него голос и насколько его речь лишена манерности. «Приятный малый», – думала она, и по негромкому подтверждающему хмыканью, которое издал Нед Мэнкс, когда Аллейн сделал паузу, поняла, что он с ней согласен.

– ...поэтому вы и сами понимаете, – говорил тем временем Аллейн, – что следует установить множество деталей и что мы должны просить вас остаться до их выяснения. Тут ничего не поделаешь.

– Будь я проклят, но не понимаю... – начал было лорд Пастерн и осекся. – Как вас зовут? – спросил он.

Аллейн назвал.

– Так я и думал, – бросил лорд Пастерн с таким видом, будто на чем-то его подловил. – Суть в том, вы полагаете, что я воткнул стрелку в этого парня или нет? Выкладывайте.

– В настоящий момент в том, что касается вас, вопрос не во втыкании, как вы выразились, сэр.

– Ну, в стрельбе. Не виляйте.

– Полезно быть точным в выражениях, – мягко сказал Аллейн.

Он повернулся к стоявшему на столе саквою Фокса. Оттуда он достал открытую коробку с оружием, которым был убит Ривера. Подняв коробку повыше, он наклонил ее к собравшимся.

– Будьте добры взглянуть.

Они посмотрели.

– Кто-нибудь узнает эту вещь? Леди Пастерн?

Она издала нечленораздельный звук, но, совладав с собой, безразлично сказала:

– Выглядит как часть зонта от солнца.

– Черно-белого зонта? – поинтересовался Аллейн, и один саксофонист резко вскинул голову.

– Возможно, – сказала леди Пастерн. – Я не знаю.

– Не будь идиоткой, Си, – вмешался ее муж. – Очевидно, она из той твоей французской штуковины. Мы ее позаимствовали.

– У тебя не было ни малейшего права, Джордж...

Тут вмешался Аллейн:

– Мы обнаружили, что в одном из зонтов, задействованных в номере «Человек с зонтом», не хватает нескольких дюймов рукояти. – Он глянул на второго саксофониста. – Кажется, у вас возникли с ним проблемы?

– Верно, – согласился второй саксофонист. – Я заметил, что он не открывается как следует, замок отсутствовал или вроде того.

– Вот именно, пять дюймов палки, на которых крепится застежка. Теперь посмотрите на эту пружинную застежку. Она украшена драгоценными камнями, изначально, разумеется, она не давала закрыться зонту. Сама ручка, или набалдашник, на собственной секции рукояти крепилась внутри основного ствола зонта. Сможете ее описать? – Он посмотрел на леди Пастерн, которая промолчала.

– Конечно, можешь, Си, – вмешался ее муж. – Чертовски глупая штуковина вроде птицы с изумрудными глазами. Французская.

– Вы уверены, сэр?

– Конечно, я уверен. Проклятие, я разобрал ее в бальном зале.

Подняв голову, Фокс уставился на лорда Пастерна со своего рода недоверчивым удовлетворением. Эдвард Мэнкс выругался себе под нос, женщины застыли в ужасе.

– Понимаю, – сказал Аллейн. – Когда это было?

– После обеда. Со мной был Морри. Правда, Морри?

Морри бешено дернулся, хотел отпрянуть, но все-таки кивнул.

– Где вы оставили детали, сэр?

– На рояле. С тех пор я их не видел.

– Зачем вы разобрали зонт?

– Забавы ради.

– Mon Dieu, mon Dieu²⁵, – застонала леди Пастерн.

– Я знал, что он раскручивается, и я его раскрутил.

– Благодарю, – сказал Аллейн. – Для сведения тех из вас, кто не рассматривал внимательно зонт, мне лучше описать его чуть подробнее. Оба конца этой трубки снабжены резьбой, одной на внешней поверхности для крепления с верхней частью, другой на внутренней поверхности, чтобы в него вошел главный ствол зонта. Она была удалена, а внешние секции скручены затем воедино. Теперь посмотрите на оружие убийства, которое было изготовлено из удаленной секции. Как вы видите, в нее вставлен стальной инструмент и укреплен пластилином. Кто-нибудь узнает этот инструмент? Я покажу его вам поближе. На нем запеклась кровь, поэтому его не просто разглядеть.

Он заметил, как пальцы Карлайл шевельнулись на подлокотниках кресла. Он увидел, как Морри потер тыльной стороной ладони рот, а лорд Пастерн надул губы.

– Довольно необычный, верно? – сказал он. – Широкий в основании и сужающийся к концу. Очень острый.

Похоже на вышивальное шильце. Не знаю. Узнаете его, леди Пастерн?

– Нет.

– Кто-то еще?

Лорд Пастерн открыл рот и снова его закрыл.

– Ладно, – пробормотал, помолчав, Аллейн. Вернув на стол коробку с орудием убийства, он взял револьвер лорда Пастерна и повертел его в руках.

– Если так вы, парни, работаете, – взвился лорд Пастерн, – то я о вас невысокого мнения. Откуда вам знать, может, на орудии убийства уйма отпечатков пальцев? А вы его лапаете.

– Отпечатки уже сняли, – безо всякого выражения отозвался Аллейн, после чего, достав карманную лупу, прищурился, заглянул в ствол. – Вы, кажется, основательно его повредили.

– А вот и нет, – тут же возразил лорд Пастерн. – Он в отличном состоянии. И всегда был.

– Когда вы в последний раз заглядывали в дуло, сэр?

– Перед тем как приехали сюда. В моем кабинете и еще раз в бальном зале. А в чем дело?

– Джордж, – вмешалась леди Пастерн, – в последний раз предлагаю тебе послать за адвокатом и отказаться отвечать на какие-либо вопросы до его прибытия.

– Да, кузен Джордж, – пробормотал Эдвард. – Честно говоря, я считаю...

– Мой адвокат, – возразил лорд Пастерн, – старая развалина и круглый дурак. Я вполне способен сам о себе позаботиться, Си. Итак, весь сыр-бор из-за моего оружия.

– Ствол, – сказал Аллейн, – несомненно, испачкан. Это из-за холостых патронов. Но под пятнами, оставленными порохом, видны любопытные отметины. Как будто неравномерные царапины. Мы их сфотографировали, но мне бы хотелось узнать, не найдется ли у вас для них объяснения.

– Эй! – крикнул лорд Пастерн. – Дайте посмотреть.

Аллейн протянул ему револьвер и лупу. Отчаянно гримасничая, лорд Пастерн повернул дуло к свету и прищурился. Он издавал гневные звуки и фыркал, надувая щеки. Шепча неразборчивые проклятия, он осмотрел через лупу рукоять, а потом вдруг совершенно неожиданно захихикал. Наконец он бросил револьвер и лупу на стол и с шумом выпустил воздух.

– Надувательство, – только и сказал он и вернулся на свое место.

– Прощу прощения?

– Когда я осматривал пистолет у себя в кабинете, – с нажимом сказал лорд Пастерн, – он был чист как стеклышко. Чист, я повторяю, как стеклышко. Я выстрелил из него одним холо-

²⁵ Боже мой, боже мой (*фр.*).

стым патроном в моем собственном доме, а после заглянул в дуло. Оно было чуть испачкано, но и все. Вот вам. Съели?!

Карлайл, Фелиситэ, Мэнкс и леди Пастерн беспокойно шевельнулись.

– Дядя Джордж, – сказала Карлайл, – пожалуйста...

Лорд Пастерн глянул на нее свирепо.

– Следовательно, я повторяю, надувательство. Дуло, когда я принес оружие сюда, было без отметин. Кому, как не мне, знать? Оно было без отметин, когда я привез револьвер в ресторан.

Леди Пастерн не мигая смотрела на мужа.

– Ты идиот, Джордж, – сказала она.

– Джордж.

– Кузен Джордж.

– Дядя Джордж...

Шокированные голоса накладывались друг на друга, потом стихли.

Аллейн начал сызнова:

– По всей очевидности, вы отдаете себе отчет в том, насколько это важно. Когда я скажу вам, что орудие убийства – по сути, это стрелка или болт, так? – на полдойма короче дула револьвера и чуть меньше его в диаметре...

– Ладно, ладно, – перебил лорд Пастерн.

– Думаю, – продолжал Аллейн, – мне следует указать, что...

– Вам незачем ни на что указывать. А вам, – лорд Пастерн повернулся к родственникам, – лучше бы придержать язык. Я знаю, к чему вы клоните. Дуло было без царапин. Господи, кому, как не мне, знать? И более того, когда мы с Морри были в бальном зале, я заметил, что этот кусок трубки подходит к дулу. Я сам ему на это указал.

– Эй-эй-эй! – бросился увещевать Морри. – Мне не нравится, к чему это идет. Послушайте...

– Кто-нибудь еще осматривал револьвер? – проворно вмешался Аллейн.

Лорд Пастерн указал на Скелтона:

– Он осматривал. Его спросите.

Облизнув губы, Скелтон вышел вперед.

– Вы смотрели в дуло револьвера? – спросил Аллейн.

– Мельком, – неохотно признал Скелтон.

– Вы заметили что-нибудь необычное?

– Нет.

– На дуле не было царапин?

Последовало долгое молчание.

– Не было, – ответил наконец Скелтон.

– Вот видите, – встрял лорд Пастерн.

– И не могло быть, – безжалостно добавил Скелтон, – учитывая, что его светлость еще не запахнул туда свой дурацкий снаряд.

Лорд Пастерн проронил короткое, нецензурное и исполненное удивления словцо.

– Спасибо, – отозвался Скелтон и повернулся к Аллейну.

– Можно вмешаться, Аллейн? – спросил Эдвард Мэнкс.

– Конечно.

– Очевидно, что вы полагаете, будто этой штукой выстрелили из револьвера. Также, на мой взгляд, очевидно, что вы правы. Как еще его можно было убить? Но равно очевидно, что человек, стрелявший из револьвера, ничего об этом не знал. Если бы он хотел застрелить Риверу, то прибег бы к пуле. Если бы по какой-то экстраординарной причине он решил воспользоваться ружейной гранатой, или стрелкой, или чем-то еще, он непременно нашел бы что-

то менее фантастичное, чем штуковина, которую вы нам только что показали. Единственный резон пустить в ход кусок трубки от зонта, если он действительно был использован, таков: застежка, которая, кстати, украшена драгоценными камнями, закрепила бы снаряд в дуле, чтобы он не выпал, когда револьвер опустят дулом вниз, и, следовательно, человек, стрелявший из револьвера, не узнал бы о снаряде в дуле. Никто не стал бы без причины, – сказал с большим нажимом Эдвард, – мастерить такой сложный механизм, а такая причина и не может появиться, если стрелявший все время держал револьвер при себе и мог зарядить его в последний момент. Только неуравновешенный и эксцентричный... – Он осекся, поискал слова и наконец промямлил: – Вот что я имел в виду.

– Ваше соображение принято, – отозвался Аллейн. – Спасибо.

– Эй! – крикнул лорд Пастерн.

Аллейн обернулся к нему.

– Послушайте. Вам кажется, что царапины оставлены драгоценными камнями с застежки. Скелтон говорит, что, когда он осматривал револьвер, никаких царапин не было. Если бы кто-то был так глуп, чтобы пытаться убить кого-то этой штуковиной, он сперва сделал бы пробный выстрел, чтобы посмотреть, что получится. Наедине. Понимаете, к чему я?

– Кажется, да, сэръ.

– Тогда скажите, – продолжал с визгливым смехом лорд Пастерн, – к чему тратить время, препираясь из-за царапин?

Он бросился в кресло.

– Кто-нибудь из присутствовавших при осмотре обратил внимание на то, как мистер Скелтон осматривал револьвер?

Все молчали. Скелтон побелел.

– Морри на меня смотрел, – сказал он и поспешно добавил: – Я был рядом с лордом Пастерном. Я не мог бы... то есть...

– Зачем вы его осматривали, мистер Скелтон?

Скелтон облизнул губы. Его глаза перебежали с лорда Пастерна на Морри Морено.

– Я... ну... мне было интересно. Лорд Пастерн сам изготовил холостые патроны, и я решил, что стоит посмотреть. Я пришел пожелать ему удачи. То есть...

– Почему ты ему не скажешь!!!

Морри вскочил на ноги. До того он зевал и ерзал на стуле. Лицо у него было залито слезами. Казалось, он не обращает внимания на происходящее, терзаемый невыносимым беспокойством. Своей неожиданностью его вмешательство поразило всех. Шаркая, он вышел вперед и улыбнулся Аллейну.

– Я сам вам скажу, – быстро заговорил он. – Сид это сделал потому, что я его попросил. Он мой друг. Я ему все сказал. Я ему сказал, что не доверяю его светлости. Я очень нервный человек. Я нервничаю, когда доходит до огнестрельного оружия. Я вообще нервный человек, если вы понимаете, о чем я. – Пальцами он ощупывал свои улыбающиеся губы. – Не смотрите на меня так! – Его голос сорвался на визгливый фальцет. – Все тут пялятся на меня, точно я в чем-то виноват. Глаза. Глаза. Глаза. О боже, дай мне сигарету!

Аллейн подал ему портсигар. Морри протянул было руку, но вдруг зарыдал.

– Чертов садист, – скулил он.

– Я знаю, что с вами, идиот вы эдакий, – обвиняюще сказал лорд Пастерн.

Морри погрозил ему пальцем.

– Вы знаете! Это все из-за вас. Вы почитай что убийца. Боже, вы и есть убийца.

– Повторите это еще раз, мой милый Морено, – с наслаждением отозвался лорд Пастерн, – и я притащу вас в суд по обвинению в клевете. Подам иск об очернении репутации, богом клянусь.

Морри диким взором обвел собравшихся. Его светлые глаза с огромными зрачками остановились на Фелиситэ. Он указал на нее дрожащей рукой.

– Посмотрите на эту девчонку, – сказал он, – посмотрите, как она красится и прихорашивается, когда человек, которого она вроде бы любила, лежит окровавленный в морге. Это отвратительно.

Ломая руки, подошел Цезарь Бонн.

– Я не могу больше молчать, – сказал он. – Если я погиб, значит, погиб. Если я не заговорю, это сделают другие.

Он посмотрел на лорда Пастерна, на Эдварда Мэнкса и на Хэна.

– Если это должно выйти на свет, – сказал Эдвард, – говорите, конечно. Будет только честно.

– Что должно выйти на свет? – спросил Аллейн.

– Пожалуйста, мистер Мэнкс. Скажите лучше вы.

– Ладно, Цезарь. Я думаю, – сказал он медленно, поворачиваясь к Аллейну, – вам следует узнать, что произошло до того, как прибыла полиция. Я сам только-только переступил порог внутренней комнаты. Тело лежало там, где вы его видели. – Он помедлил. Морри пристально наблюдал за ним, но Мэнкс не смотрел на Морри. – Происходила какая-то борьба. Морено скорчился на полу возле Риверы, а остальные старались его оттащить.

– Чертовски неприлично, – благонаравно вставил лорд Пастерн, – обшаривать карманы покойного.

Морри заскулил.

– Если вы не против, мне бы хотелось услышать подробности. Когда именно это имело место? – спросил Аллейн.

Цезарь и Хэн заговорили разом, но Аллейн их остановил:

– Давайте попробуем проследить события с того момента, как мистера Риверу вынесли из ресторана.

Начал он с опроса четырех официантов, которые выносили тело. Они не заметили ничего необычного. И вообще они с ног сбились из-за путаницы, по какому варианту должно пойти представление и кого им выносить со сцены. Под конец они получили столько противоречивых распоряжений, что просто наблюдали, кто упадет, а когда он упал, подхватили носилки и вынесли тело. Грудь лежавшего покрывал венок. Когда они подняли его на носилки, Морри быстро сказал:

– Он ранен. Уносите его.

Они понесли прямо в офис. Когда они опускали носилки, то услышали, как он издал странный звук – резкое такое дребезжание. Присмотревшись поближе, они обнаружили, что он мертв. Они позвали Цезаря Бонна и Хэна, а затем перетащили тело во внутреннюю комнату. Потом Цезарь приказал им возвращаться в ресторан и чтобы кто-нибудь из них привел доктора Оллингтона.

Затем взялся рассказывать лорд Пастерн и сообщил, что после выноса Риверы, когда они были еще на сцене, Морри подошел к нему и озабоченно зашептал: «Бога ради, играйте. Что-то стряслось с Карлосом». Пианист Хэппи Харт сказал, что по пути Морри остановился у рояля и шепотом велел ему продолжать как ни в чем не бывало.

Дальше опять рассказывал Цезарь. Морри и лорд Пастерн пришли во внутреннюю комнату. Морри был в жутком состоянии, говорил, что видел кровь на Ривере, когда клал ему на грудь венки. Постояв вокруг Риверы, они поаккуратнее уложили тело на пол. Морри все лопотал про кровь, а когда увидел труп, отвернулся к стене, рыгая и обшаривая свой смокинг в поисках таблетки, и жаловался, что ему конец. Никто ничем ему не помог, и он ушел в уборную при внутреннем офисе, они слышали, как его там стошнило. Когда он вернулся, вид у него был ужасный, и он все бормотал о том, как ему скверно. Тут Цезаря прервал Морри:

– Я им сказал! – визгливо взвыл он. – Я им говорил! Это ужасный был для меня шок, когда он упал. Это был шок для нас всех, правда, мальчишки?

«Мальчишки» шевельнулись и забормотали хором, мол, это был очень большой шок.

– Когда он упал? – быстро спросил Аллейн. – Значит, он определенно не должен был упасть?

Все бросились объяснять разом и с большой готовностью. Репетировали два варианта, и было много споров, по какому играть. До самого конца ни лорд Пастерн, ни Ривера не могли решить, какой кто предпочитает. В одном варианте лорд Пастерн должен был четырежды выстрелить в Риверу, который бы только улыбался и продолжал терзать аккордеон. При каждом выстреле один из оркестрантов должен был сыграть ноту на тон ниже предыдущего и изобразить, что убит. Затем Ривера откланялся бы, и все пошло бы так, как видела сегодня публика в зале, вот только под конец лорд Пастерн для виду упал бы замертво. Морри положил бы на него венок, и его бы унесли. Во втором варианте падать должен был Ривера. Карлосу, объясняли «Мальчишки», не нравилась идея падать на свой инструмент, так что в последний момент был принят первоначальный план.

– Когда я увидел, что он падает, – лепетал Морри, – я был адски потрясен. Я думал, он решил подложить нам свинью. Такой уж был человек наш бедный Карлос. Самую малость такой. Ему не хотелось падать, но и не нравилось, что весь успех достанется его светлости. Он в этом странный был. Такой шок для нас всех.

– Так что под конец вышла импровизация?

– Не совсем, – важно объяснил лорд Пастерн. – Я, разумеется, сохранил голову на плечах и следовал нужному варианту. Сложновато пришлось, но так уж положено, да? Официанты увидели, что Карлос упал, и, по счастью, у них хватило ума принести носилки. Чертовски неловко было бы, если бы они этого не сделали, учитывая, как все обернулось. Чертовски неловко. Я опорожнил магазин, как было условлено, и остальные «Мальчишки» послушно попадали. Тогда я передал пушку Морри, он ею щелкнул, потом открыл магазин. Я всегда думал, что моя начальная идея, ну... пристрелить Карлоса – самая разумная. Хотя, конечно, понимаю, что это меня надо было бы выносить.

– А я думал, – сказал Морри, – что лучше бы мне возложить чертов венок на Карлоса, как мы изначально договаривались. Поэтому и возложил. – Его голос сорвался на фальцет. – Когда я увидел кровь, то сначала подумал, мне мерещится. А потом венок обо что-то зацепился. Честное слово, вы не поверите, но я подумал: «Господи помилуй, я вешаю его на крючок!» А потом я увидел. Я всем вам это говорил! Всем! Вы не можете утверждать, что я не говорил.

– Конечно, ты нам сказал, – согласился Цезарь, нервно глядя на него. – В офисе.

Морри издал обиженный визг и снова скорчился на стуле. Цезарь тем временем поспешил сообщить, что перед тем, как они услышали в главном офисе голос доктора Оллингтона, Морри метнулся к телу и, присев перед ним, откинул полу смокинга и запустил руку в нагрудный карман. Он сказал: «Я должен их получить. Они обязательно при нем», или что-то в таком духе. Всех его поведение страшно шокировало. Они с Хэном оттащили Морри, и с тем случился припадок. В этот момент объявился Эдвард Мэнкс.

– Вы согласны с их словами, мистер Морено? Случившееся изложено верно? – спросил, помолчав, Аллейн.

Пару секунд казалось, что какой-то ответ он все-таки получит. Морри смотрел на него исключительно сосредоточенно. Потом повернул голову так, словно у него затекла шея. Еще секунду спустя он кивнул.

– Что вы надеялись найти в карманах покойного? – спросил Аллейн.

Губы Морри растянулись в обычной его манекеновой улыбке. Глаза были пусты. Он поднял руки, пальцы дрожали.

– Ну же, – повторил Аллейн, – что вы надеялись найти?

– О боже! – раздраженно выдохнул лорд Пастерн. – Сейчас он снова заведет.

Это было еще мягко сказано. С Морри случилась форменная истерика. Он выкрикивал невразумительные протесты или мольбы, разразился бурным смехом и пошатываясь направился к выходу. У двери его задержал констебль в форме.

– Будет, будет, – сказал полицейский. – Полегче, сэр, полегче.

Из офиса пришел доктор Кертис и задумчиво уставился на Морри. Аллейн кивнул и приблизился к дирижеру.

– Доктор! Доктор! – рыдал Морри. – Послушайте. – Он обнял доктора Кертиса тяжелой рукой за плечи и таинственно заскулил ему в ухо.

– Думаю, Аллейн?.. – сказал доктор Кертис.

– Да, – согласился Аллейн, – в офисе, будьте добры.

Когда дверь за ними закрылась, Аллейн посмотрел на «Мальчиков Морри».

– Кто-нибудь из вас может сказать, как давно он принимает наркотики?

II

Надув щеки, лорд Пастерн произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Полгода.

– Вы об этом знали, милорд? – вскинулся Фокс, и лорд Пастерн свирепо ему ухмыльнулся.

– Не будучи детективом полиции, – сказал он, – я не должен ждать, пока наркоман устроит истерику и вырубится, чтобы понять, что с ним неладно.

Он самодовольно покачался на пятках, поглаживая затылок.

– Я интересовался сбытом дурмана, – добровольно поделился он сведениями. – Отвратительное дельце. Отравляет все общество, и ни у кого нет смелости с ним бороться. – Он свирепо уставился на «Мальчиков Морри». – Вот вы, ребята! – Он ткнул в них пальцем. – Вы что-нибудь предприняли? Черт бы вас побрал.

«Мальчики Морри» были смущены и шокированы. Они ерзали, прокашливались и переглядывались.

– Но разумеется, – мягко подбросил Аллейн, – вы догадывались. Он очень плох, знаете ли.

Они же растерялись. Хэппи Харт сказал, мол, они знали, что Морри принимает что-то от нервов. Какие-то особые таблетки. Раньше Морри устраивал так, чтобы какие-то люди покупали их ему в Париже. Он говорил, это успокоительное, неопределенно добавил Харт. Контрабасист сказал, что Морри был очень нервным типом. Первый саксофонист пробормотал что-то про амфетамины и стимуляторы. Лорд Пастерн сопроводил эти заявления лаконичным, но непечатным комментарием, и они воззрились на него обиженно.

– Я говорил ему, до чего дойдет, – объявил он. – Даже угрожал ему. Только так можно. Я даже пообещал, что передам всю историю газетчикам. «Гармонии», например. Честное слово, прямо так сегодня и пообещал.

У Эдварда Мэнкса вырвалось резкое восклицание, и, судя по его лицу, он тут же пожалел, что не сдержался.

– А кто обыскивал его в поисках треклятой таблетки? – вскинулся Скелтон, свирепо уставившись на лорда Пастерна.

– Шоу, – добронравно возразил лорд Пастерн, – должно продолжаться, верно? Не уходите от темы, мой дорогой осел.

Аллейн счел нужным вмешаться. Инцидент с потерянной таблеткой изложили. Похваляясь своей сноровкой, лорд Пастерн описал, как обыскал карманы Морри.

– Вы, ребята, называете это шмоном, – снисходительно объяснил он Аллейну.

– Это было сразу после того, как мистер Скелтон осмотрел револьвер и вернул его лорду Пастерну? – спросил Аллейн.

– Верно, – подтвердили два «Мальчика».

– После этого вы, лорд Пастерн, в какой-либо момент выпускали из виду револьвер, клали его где-либо?

– Определенно нет. Я держал его в боковом кармане с того момента, как Скелтон отдал его мне, и до выхода на сцену.

– Вы заглядывали в дуло после того, как мистер Скелтон вернул его вам?

– Нет.

– Так не пойдет, – громко сказал Скелтон.

Задумчиво посмотрев на него, Аллейн вернулся к лорду Пастерну.

– Кстати, вы что-нибудь нашли в карманах мистера Морено?

– Бумажник, портсигар и носовой платок, – самодовольно ответил лорд Пастерн. – Таблетка была в носовом платке.

Аллейн попросил подробнее описать эту сцену, и лорд Пастерн взялся с жаром рассказывать, как Морри стоял с поднятыми руками, держа над головой дирижерскую палочку, словно собирался подать знак к началу концерта, и как он сам изучил каждый карман с величайшим умением и дотошностью.

– Если, – добавил он, – вы думаете, что стрелка была при нем, то ошибаетесь. Ее на его теле не было. И что важнее, даже будь она у него, он не мог бы добраться до револьвера. И после он ничего не брал. В этом я готов поклясться.

– Бога ради, кузен Джордж, – с жаром сказал Нед Мэнкс, – думайте, что говорите!

– Бесплезно, Эдвард, – сказала леди Пастерн. – Он погубит себя из чистого самодовольства. – Она обратилась к Аллейну: – Должна вам сообщить, что, по мнению моему и многих его знакомых, в свете эксцентричности моего мужа любые его заявления совершенно ненадежны.

– Проклятие! – крикнул лорд Пастерн. – Я самый правдивый человек из всех, кого знаю! Ты идиотка, Си.

– Пусть так, – самым внушительным своим тоном ответила леди Пастерн и сложила руки на коленях.

– Когда вы вышли на сцену, – продолжал Аллейн, пропустив мимо ушей эту интерлюдия, – вы принесли с собой револьвер и положили под шляпу. Кажется, она была возле вашей правой ноги и позади барабанной установки. Совсем близко к краю сцены.

Открыв сумочку, Фелиситэ в четвертый раз достала зеркальце и губную помаду. Она сделала произвольное движение, дернув помадой, когда проводила ею по губам. Зеркальце упало к ее ногам. Она привстала. Открытая сумочка соскользнула на пол, и стекло разбилось под ее туфлей. Ковер был усеян содержимым сумочки и усыпан пудрой. Аллейн быстро двинулся вперед и подобрал тюбик помады, а также сложенный листок с отпечатанными на машинке фразами. Фелиситэхватила у него листок.

– Спасибо. Не стоит беспокоиться. Какая я растяпа, – задыхаясь, произнесла она.

Смяв листок в кулачке, она свободной рукой подобрала содержимое сумочки. Один из официантов, подобно автомату, двинулся ей на помощь.

– Совсем близко к краю сцены, – повторил Аллейн. – Поэтому давайте предположим, что вы, мисс де Суз, или мисс Уэйн, или мистер Мэнкс могли сунуть руку под сомбреро. По сути, пока пары танцевали, любой оставшийся за столом мог бы это проделать. Вы все согласны?

Карлайл остро сознавала движение мышц своего лица. Она ощущала на себе взгляд Аллейна, равнодушный и пристальный, как он останавливается по очереди на ее глазах, губах, руках... Она вспомнила, что заметила его – сколько часов назад это было? – за соседним столиком. Она услышала, как Эдвард потихоньку шевельнулся в кресле. Листок в кулачке Фели-

ситэ зашуршал. Раздался резкий щелчок, и Карлайл непроизвольно дернулась. Леди Пастерн открыла лорнет и теперь смотрела через него на Аллейна.

– Вы ведь были возле нашего стола, так ведь, Аллейн? – спросил Мэнкс.

– По чистой случайности, – любезно откликнулся Аллейн.

– Думаю, нам лучше повременить с ответами.

– Правда? – весело переспросил Аллейн. – Почему?

– По всей очевидности, вопрос о том, могли ли мы коснуться какой-то там шляпы или того, что лежало под ней...

– Тебе прекрасно известно, что это за шляпа, Нед, – вмешался лорд Пастерн. – Это мое сомбреро, а под ним лежал револьвер. Мы это уже проходили.

– ...этого сомбреро, – поправился Эдвард, – как раз из тех, которые могут иметь опасные последствия для всех нас. Мне бы хотелось сказать, что помимо самой возможности – которой мы не признаем – того, что кто-то его касался, никто не сумел бы достать из-под него револьвер, затолкать в дуло часть трубки от зонтика и вернуть револьвер на место так, чтобы никто этого не заметил. Если никого не обижу моим заявлением, сама мысль о таком маневре представляется мне нелепой.

– Ну, не знаю, – протянул с беспристрастностью судьи лорд Пастерн. – То и дело гас свет, качалась стрелка, и все, разумеется, смотрели на меня – знаете ли, если исходить из фактов, такое вполне возможно. За себя ручаюсь, что ничего бы не заметил.

– Джордж! – отчаянно прошептала Фелиситэ. – Ты хочешь нас подставить?

– Я хочу истины! – раздраженно крикнул ее отчим. – Некогда я был теософом, – добавил он уже тише.

– Ты был и остаешься полоумным, – сказала его жена, закрывая лорнет.

– Так-так, – произнес Аллейн, и внимание оркестрантов, служащих ресторана и его гостей, отвлекшееся было на семейную перепалку, снова сосредоточилось на нем. – Нелепый или нет, а я этот вопрос задам. Разумеется, вас ничто не заставляет на него отвечать. Кто-либо из вас трогал сомбреро лорда Пастерна?

Все молчали. Официант, собравший осколки стекла, распрямился с нервной улыбкой.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он.

– Да?

– Молодая леди, – официант поклонился в сторону Фелиситэ, – запускала руку под шляпу. Я обслуживал их столик, сэр, и случайно заметил. Надеюсь, вы простите, мисс, но я действительно случайно заметил.

Карандаш Фокса шелестел по бумаге.

– Спасибо, – сказал Аллейн.

– Ну, это уж абсолютно слишком! – вскричала Фелиситэ. – Что, если я скажу, что это неправда?

– Не стоит, – посоветовал Аллейн. – Как указал мистер Мэнкс, я сидел рядом с вашим столиком.

– Тогда зачем спрашивать?

– Чтобы проверить, признаетесь ли вы открыто в том, что действительно запускали руку под сомбреро.

– Люди, – сказала вдруг Карлайл, – неохотно делают откровенные заявления там, где было совершено уголовное преступление.

Подняв глаза на Аллейна, она обнаружила, что он ей улыбается.

– Как же вы правы, – сказал он. – Вот почему расследование убийств так утомительно.

– Мы проторчим тут всю ночь, – вскинулся лорд Пастерн, – пока вы тут сплетничаете?

В жизни не видел такого дилетантства. Просто тошнит.

– Разумеется, сэ, продолжим. Осталось совсем немного. Боюсь, будет необходимо обыскать всех вас, прежде чем отпустить.

– Всех нас? – быстро переспросила Фелиситэ.

С чем-то сродни благоговению они посмотрели на леди Пастерн.

– В дамской гардеробной ждет надзирательница, – пояснил Аллейн, – и сержант полиции в мужской. Кроме того, если будете так добры, нам понадобятся ваши отпечатки пальцев. Сержант Бейли этим займется. Начнем? Возможно, вы, леди Пастерн, пойдете первой?

Леди Пастерн встала. Ее фигура, туго затянутая в корсет, как будто увеличилась в размерах. Все тайком бросали на нее беспокойные взгляды. Она повернулась к мужу:

– Из множества унижений, которым ты меня подверг, – изрекла она, – это самое невыносимое. Этого я тебе никогда не прощу.

– Боже ты мой, Си, – отозвался он, – да что такого в обыске? Твоя беда в том, что у тебя грязные мысли. Если бы ты тогда в Кенте слушала мои лекции о Красе Тела...

– Silence!²⁶ – сказала она и величественно удалилась в дамскую гардеробную.

Фелиситэ нервно хихикнула.

– Кто угодно может обыскать меня, – щедро предложил лорд Пастерн. – Идем.

Он первым направился в мужскую гардеробную.

– Возможно, мисс де Суз, вам захочется пойти с матушкой. Это вполне допустимо, если вы считаете, что она бы так предпочла.

Фелиситэ сидела, левой рукой сжимая сумочку, правой ее руки не было видно.

– Полагаю, она предпочла бы мученичество в одиночестве, мистер Аллейн.

– Может быть, вам пойти и спросить ее? Тогда вы пройдете свою часть программы, когда она освободится.

Он стоял совсем близко от Фелиситэ, улыбаясь ей сверху вниз.

– О, ладно, – сдалась она. – Если хотите.

Без малейшего энтузиазма и оглянувшись на Мэнкса, она последовала за матерью.

Аллейн тут же сел в ее кресло и обратился к Мэнксу и Карлайл.

– Интересно, – начал он, – не могли бы вы помочь мне с парой вещей, которые надо прояснить? Полагаю, вы оба были на обеде в доме лорда Пастерна – на Дьюкс-Гейт, так ведь? – перед сегодняшним шоу.

– Да, – сказал Эдвард, – мы там были.

– А кто еще? Морено, Ривера и, разумеется, лорд и леди Пастерн. Кто-нибудь еще?

– Нет, – сказала Карлайл и тут же поправилась: – Я забыла. Мисс Хендерсон.

– Мисс Хендерсон?

– Раньше она была гувернанткой Фелиситэ и осталась в роли своего рода подспорья домашним.

– Как ее полное имя?

– Я... честно говоря, не знаю. Нед, ты когда-нибудь слышал, как зовут мисс Хендерсон?

– Нет, – признал Эдвард, – никогда. Она просто Хенди. Кажется, Эдит. Подождите-ка. Знаю! Фэ много лет назад говорила, что как-то видела избирательные списки или навроде того. Петронелла Ксантиппа.

– Шутишь!

– У людей редко бывают имена, каких от них ожидаешь, – неопределенно пробормотал Аллейн. – Можете подробно описать вечер на Дьюкс-Гейт? Понимаете, поскольку Ривера был там, обед приобретает некоторое значение.

Карлайл думала: «Мы слишком тянем. Один из нас должен был ответить сразу».

²⁶ Здесь: тихо (*фр.*).

– Мне бы хотелось, – сказал наконец Аллейн, – чтобы вы по возможности рассказали обо всем. Когда кто прибыл. О чем говорилось. Были ли вы вместе большую часть времени или, например, разошлись после обеда и находились в разных комнатах. Подобные мелочи.

Они заговорили разом и осеклись. Они неловко рассмеялись, извинились, и каждый предложил говорить другому.

Наконец Карлайл пустилась в бесцветный рассказ. На Дьюкс-Гейт она приехала около пяти, встретила с дядей и тетей, а также с Фелиситэ. Разумеется, много говорилось про вечернее представление. Дядя был в превосходном настроении.

– А леди Пастерн и мисс де Суз? – спросил Аллейн.

Карлайл осторожно ответила, что они были в целом как обычно.

– И как же именно? – спросил он. – Веселы? Вы бы назвали это атмосферой счастливой семьи?

– Мой дорогой Аллейн, – беззаботно начал Мэнкс, – как большинство семей, они друг друга раздражают, не...

– Не доходя до взрыва, вы хотели сказать?

– Ну...

– Нед, – вмешалась Карлайл, – нет смысла делать вид, что дядя Джордж и тетя Сесиль самая нормальная британская пара. Надо полагать, мистер Аллейн читает газеты. Говоря «в целом как обычно», означает, что каждый вел себя в обычной своей манере. – Она повернулась к Аллейну. – Для себя самих каждый вел себя совершенно нормально.

– Если позволите, мисс Уэйн, – тепло откликнулся Аллейн, – вы, по всей очевидности, исключительно здравомыслящая женщина. Могу я умолять вас продолжать в том же духе?

– Не до той степени, чтобы позволить вам думать, что поводом для подозрений вам может послужить то, что для них является рутинной размолвкой.

– Они ссорятся, – добавил Мэнкс, – постоянно и бурно. Это ничего не значит. Вы и сами их слышали.

– И они, к примеру, ссорились относительно выступления лорда Пастерна в оркестре?

– О да! – ответили они хором.

– И из-за Морено или Риверы?

– Немного, – помолчав, сказала Карлайл.

– Торговцы буги-вуги, – добавил Мэнкс, – вообще не в почете у моей кухни Сесиль. Она, как вы могли заметить, больше по части *grande dame*.

Подавшись вперед на кресле, Аллейн потер переносицу. По мнению Карлайл, он походил на книжного червя, размышляющего над аргументом, возникшим в бесконечном споре.

– Да, – сказал он наконец. – Конечно, вы правы. Нетрудно увидеть очевидную и довольно эксцентричную *mise en scene*²⁷. Несомненно, все, что вы говорите, совершенно верно. Но суть, видите ли, в том, что вы собираетесь использовать очевидные эксцентрисности как своего рода дымовую завесу, скрывающую более глубинные разногласия.

Они были изумлены и встревожены. Карлайл осторожно сказала, что не понимает.

– Вот как? – переспросил Аллейн. – Не важно. Продолжим? Морено намекнул на помолвку между Риверой и мисс де Суз. Такая помолвка существовала?

– Нет, не думаю. Было такое, Лайл?

Карлайл сказала, мол, тоже так не думает. Ни о чем подобном не объявлялось.

– А неофициально?

– Кажется, он хотел жениться на Фелиситэ. То есть, – поправила Карлайл, чуть краснея, – я точно знаю, что он хотел. Но думаю, она не собиралась за него выходить. Уверена, что не собиралась.

²⁷ Мизансцену (*фр.*).

– А что думал об этом лорд Пастерн?

– Кто знает, – пробормотал Эдвард.

– Думаю, его не слишком беспокоила, выйдет она за него или нет, – сказала Карлайл. – Он был слишком поглощен планированием своего дебюта.

Но в памяти у нее всплыла вдруг фигура лорда Пастерна, сосредоточенно извлекающего из патронов пули, и она мысленно услышала, как он буркнул: «Гораздо лучше предоставить дело мне».

Аллейн повел их шаг за шагом по всем происшествиям, случившимся за вечер на Дьюкс-Гейт. О чем говорилось перед обедом? Как разделились собравшиеся и по каким комнатам разошлись? Что они сами делали и говорили? Карлайл обнаружила, что ей приходится описывать свой приезд. Нетрудно было сказать, что ее тетя с дядей поссорились из-за дополнительных гостей к обеду. Труднее стало, когда он наводящими вопросами снова подвел ее к вероятности помолвки между Риверой и Фелиситэ, спросив, обсуждалась ли она и кем и доверялась ли ей Фелиситэ.

– Вопросы могут показаться вам бестактными, – сказал Аллейн, предвосхищая попытки такого возражения. – Но поверьте, я вовсе не стремлюсь копаться в их личной жизни. Неважные детали будут с большой благодарностью отброшены и забыты. Мы просто сужаем область расследования, вот и все.

И Карлайл показалось, что увиливать будет глупо и неправильно, и она объяснила, что Фелиситэ тревожилась и чувствовала себя несчастной из-за Риверы.

Она уловила неловкость Эдварда и добавила, что в ситуации Фелиситэ – Ривера не было ничего, решительно ничего.

– Фелиситэ всегда делает эмоциональных слонов из сентиментальных мух, – пояснила она. – Думаю, она получает от этого удовольствие.

Но, уже произнося эти слова, она сама осознала, что вспышка Фелиситэ была серьезнее, чем она дала понять, ее голос утратил искренность, и она догадалась, что и Аллейн тоже это услышал. Ее стала подавлять его неспешная настойчивость, и одновременно собственное пристрастие к деталям доставило удовольствие от такой точности. Еще она испытывала чувство сродни отвращения художника к неаккуратности или искажению. Опять же просто было описать минуты, которые она провела в одиночестве перед обедом в бальном зале. Едва она об этом заговорила, ее на мгновение пронзила острая ностальгия, и она поймала себя на том, что рассказывает Аллейну, что там состоялся бал по случаю ее выхода в свет и что она постояла у рояля, вспоминая его.

– Вы не заметили, зонты от дождя и солнца там были?

– Да, – быстро ответила она. – Заметила. Они лежали на рояле. Я узнала французский зонт тети Силь. Я вспомнила, как Фелиситэ играла с ним ребенком. Он развинчивается. – Она осеклась. – Но вам ведь и так это известно.

– И когда вы его видели, он был целый? Ничего в трубке не отсутствовало?

– Нет, нет.

– Вы уверены?

– Да. Я взяла его и открыла. Считается, что это приносит несчастье, верно? Тогда с ним все было в порядке.

– Хорошо. А после вы пошли в гостиную. Понимаю, это кажется бесцельной дотошностью, но что произошло потом?

Не успела она опомниться, как рассказала ему про журнал «Гармония», и как будто не было вреда повторить ее догадку, что одно из писем на странице НФД написано Фелиситэ. Аллейн никак не дал понять, что это представляет особый интерес. А вот Эдвард по неизвестной причине издал приглушенный возглас. «Я совершила оплошность?» – подумала Карлайл и поспешила перейти к рассказу о посещении кабинета дяди, где он извлекал из патронов пули.

Аллейн небрежно спросил, как именно он это делал, и даже отвлекся от насущных проблем, позабавленный аккуратностью и сноровистостью лорда Пастерна.

Карлайл давно привыкла к вопросам о чудачествах дяди. Она считала его справедливой добычей и обычно развлекалась, составляя четкие, незлые скетчи о нем для своих друзей. Его дурнословность была такова, что она всегда чувствовала, что мешкать будет нелепо. И сейчас она поддалась этой привычке.

Тут перед ее мысленным взором вдруг предстал ящик, вытасченный из стола и поставленный возле его локтя. Ощувив, как у нее сжимается нутро, она резко остановилась.

Но Аллейн повернулся к Неду Мэнксу, и Нед сухо и размеренно стал отвечать на вопросы о его собственном появлении в гостиной. Какое впечатление на него произвели Морено и Ривера? Он не слишком много с ними разговаривал. Леди Пастерн отвела его в сторонку, чтобы показать ему свою вышивку.

– Крестом? – спросил Аллейн.

– И гладью. Как большинство француженок своей эпохи, она отлично вышивает. Поэтому я не обращал особого внимания на остальных.

Затем последовал сам обед. Застольная беседа, говорил Нед, была обрывочной, о всякой всячине. Он не помнит в подробностях.

– У мисс Уэйн зрение и слух истинного наблюдателя, – сказал, обращаясь к ней, Аллейн. – Возможно, вы вспомните? О чем вы говорили? Вы сидели... где именно?

– Справа от дяди Джорджа.

– А слева от вас?

– Мистер Ривера.

– Не вспомните ли, мисс Уэйн, о чем он говорил? – Аллейн протянул ей портсигар. Пока он давал ей прикурить, Карлайл глянула мимо него на Неда, который чуть заметно качнул головой.

– Боюсь, я нашла его ужасным, – сказала она. – Слишком уж он был неестественным, слишком напористым. Сплошь цветистые комплименты и манеры испанского гранда, такое непросто проглотить.

– Вы согласны, мистер Мэнкс?

– О да. Он был совершенно неестественным и довольно нелепым, как мне показалось.

– Почти оскорбительным, вы бы сказали?

Они не смотрели друг на друга. Эдвард сказал:

– Он просто превозносил себя до небес, если это назвать оскорбительным.

– Вы говорили о сегодняшнем выступлении?

– О да, – ответил Эдвард. – И должен признать, несколько не удивлен, что официанты запутались, кого им следует выносить. Мне показалось, что и кузен Джордж, и Ривера хотели, чтобы все внимание и аплодисменты достались ему одному, и ни один не мог решиться отдать носилки другому. Морено явно был из-за этого на грани.

Аллейн спросил, как долго мужчины оставались в столовой. Неохотно – слишком неохотно, подумала Карлайл, ощутив все растущую опасность, – Нед сообщил, что лорд Пастерн увел Морри, чтобы показать ему холостые патроны.

– И вы с Риверой остались за портвейном? – спросил Аллейн.

– Да, ненадолго.

– Можете вспомнить разговор?

– Ничего он вам не даст.

– Никогда не знаешь наперед.

– Я разговору не способствовал. Он задавал самые разные вопросы об отношениях друг к другу членов семьи, и я его окоротил.

– Как он к этому отнесся?

– Наверное, никому не нравится, когда их ставят на место, но, полагаю, шкура у него была довольно толстая.

– Собственно ссора имела место?

Эдвард встал.

– Послушайте, Аллейн, будь я хотя бы в малой степени в это замешан, то последовал бы собственному совету и отказался бы отвечать на ваши вопросы до приезда моего адвоката. Я не замешан. Я не дурачился с револьвером. Я не повинен в смерти Риверы.

«А теперь, – с отчаянием подумала Карлайл, – Нед выдаст ему понюшку семейного темперамента. О боже, только до вспышки его не допусти!»

– Хорошо, – сказал Аллейн и подождал.

– Ну ладно, – великодушно согласился Эдвард и снова сел.

– Значит, ссора была?

– Я просто дал ему понять, – сообщил Эдвард, – что считаю его наглецом, и он вышел из комнаты.

– Вы говорили с ним после этого инцидента?

Карлайл вспомнила сцену на лестничной площадке.

Двое мужчин стояли лицом к лицу. Ривера прижимал ладонь к уху. Что именно сказал ему Нед? Что-то нелепое, как бойкий школьник... «Засунь ее в свою гармошку и радуйся!» – крикнул он с явным удовлетворением.

– Я задаю эти вопросы, – продолжал Аллейн, – только потому, что у малого ухо было разбито, и мне любопытно, кто его ему расквасил. Кожа поцарапана, а вы, как вижу, носите кольцо с печаткой.

III

В главном офисе доктор Кертис созерцал Морри Морено с настороженным удовлетворением.

– Сгодится, – вынес он наконец вердикт и, ловко отступив за спинку стула Морено, подмигнул Аллейну.

– Он, наверное, раздобыл где-то средство посильней лекарства, которое я ему вколол. Но пока сгодится.

Морри посмотрел на Аллейна и расплылся в своей знаменитой улыбке. Он был мертвенно-бледен и чуть потел. На лице у него застыло выражение облегчения, благополучия. Вымыв шприц в стакане воды на столе, доктор Кертис убрал его в саквояж.

Открыв дверь в коридор, Аллейн кивнул Фоксу, который встал и присоединился к ним. Вместе они вернулись к созерцанию Морри.

Фокс прокашлялся.

– Итак, – начал он осторожно и остановился. – Evidemment, – произнес он, – il y a un avancement, n'est ce pas²⁸?

Он помедлил, чуть покраснев, и скосил глаза на Аллейна.

– Pas grand'chose²⁹, – пробормотал Аллейн, – но, как говорит Кертис, для наших целей сойдет. Кстати, вы, Братец Фокс, продвигаетесь семимильными шагами. Акцент все лучше.

– Но мне все равно не хватает практики, – посетовал Фокс.

Морри, в полнейшей безмятежности смотревший на противоположную стену, довольно рассмеялся.

– Я чудесно себя чувствую, – добровольно поделился он.

²⁸ Здесь: Налицо очевидный прогресс (*фр.*).

²⁹ Здесь: Не такой уж (*фр.*).

– Он основательно накачался, – пояснил доктор Кертис. – Не знаю, что он принимал раньше, однако его, похоже, крепко пробрало. Но он в порядке. Он может отвечать на вопросы, вы ведь можете, Морено?

– Я в порядке, – мечтательно откликнулся Морри. – Лучше не бывает.

– Ну... – с сомнением протянул Аллейн.

– Faute de mieux, – добавил погребальным тоном Фокс.

– Вот именно, – согласился Аллейн и, подтянув стул, сел напротив Морри. – Мне бы хотелось, чтобы вы мне кое-что рассказали.

Морри лениво отвел взгляд от противоположной стены, и Аллейн поймал себя на том, что смотрит в глаза, которые из-за чудовищных размеров зрачков кажутся механическими устройствами, начисто лишенными разума.

– Вы помните, что делали в доме лорда Пастерна?

Ответа ему пришлось ждать долго. Наконец голос Морри, отстраненный и незаинтересованный, произнес:

– Давайте не будем говорить. Так приятно не говорить.

– Но и говорить тоже приятно.

Доктор Кертис отошел от Морри и прошептал, обращаясь в пространство:

– Заставьте его начать, и дальше он, вероятно, сам заговорит.

– Весело, наверное, было на обеде, – подбросил Аллейн. – Карлосу там понравилось.

Рука Морри лежала, согнутая, вдоль стола. С расслабленным вздохом он сполз на стуле ниже и пристроил щеку на сгиб локтя. Через минуту-другую его голос зазвучал снова – независимо и как будто без сознательного желания самого владельца он монотонно тянул слова из-за едва шевелящихся губ:

– Я говорил ему, что это глупо, потому что решительно ничего не меняет. «Слушай, – сказал я ему, – ты сумасшедший». Конечно, я был зол, что он так меня подвел, не принес мне сигареты.

– Какие сигареты?

– Он никогда не делал ничего, о чем я просил. Я был слишком добр к нему. Добрее некуда. Я ему сказал: «Послушай, – сказал я, – она такого не потерпит. Она зла как черт». А еще я сказал: «У тебя ведь и со второй девчонкой ничего не выходит, так какой смысл?..» Я знал, что быть беде. А еще я говорил, что и старому хрену это не нравится. Он делает вид, будто ему все нипочем, но это только видимость, потому что, конечно же, ему это не нравится. Без толку. Никто меня не слушает.

– Когда это было? – спросил Аллейн.

– Раз за разом. Почти все время, можно сказать. А когда мы сидели в такси и он рассказал, как тот малый его ударил, я сказал: «Ну вот, что я тебе говорил?»

– Кто его ударил?

На сей раз молчание тянулось дольше. Морри вяло повернул голову.

– Кто ударил Карлоса, Морри?

– Я и в первый раз вас расслышал. Но что за свора! Достопочтенный Эдвард Мэнкс за серьезной беседой за ленчем в «Тармаке» с мисс Фелиситэ де Суз, с которой, разумеется, состоит в родстве по материнской линии, – так, что ли, газеты писали. Ее отчим – лорд Пастерн-и-Бэготт, но, если спросите меня, это сдувшийся роман. Шерше ля фам.

Фокс поднял глаза от заметок с выражением безликого интереса.

– И женщина в данном случае... – подстегнул Аллейн.

– Смешное имя для девушки.

– Карлайл?

– На мой взгляд, самое что ни на есть дурацкое имя, ну и что? Но они сплошь и рядом такое выкидывают. Только представьте себе – иметь две фамилии. Пастерн-и-Бэготт.

Но я с обоими справлюсь, уж будьте уверены. Попытался меня надуть. Ха! Бранил меня. Говорил, что напишет в чертову газетенку. Махал своим револьверишкой, и где он теперь?

– Вас надуть? – тихонько повторил Аллейн. Он понизил голос до тона Морри.

Голоса их сплетались и стихали. Они казались двумя сомнамбулами, разговаривающими с кем-то, кого видят во сне, – безмятежно и с тайным взаимопониманием.

– Он, возможно, знал, – шептал Морри, – что я на такое не пойду, да сами посудите, очень ведь неловко вышло бы. Постоянный ангажемент. Большое спасибо. Как дела у хора? – Он слабо рассмеялся, зевнул и прошептал: – Прошу прощения, – и закрыл глаза.

– Засыпает, – сказал доктор Кертис.

– Морри, – громко сказал Аллейн. – Морри!!!

– Что?

– Лорд Пастерн хотел, чтобы вы дали ему постоянный ангажемент?

– Я ж вам сказал, он и его холостопорожние патроны.

– Он хотел, чтобы вы уволили Скелтона?

– Это все Карлос виноват, – сказал Морри довольно громко и чересчур жалобно. – Он это придумал. Господи, ну и разозлился же он!

– Кто разозлился?

Слабый голос шепнул с толикой коварства:

– Вот и подумайте.

– Это был лорд Пастерн?

– Он? Не смешите меня.

– Сид Скелтон?

– Когда я ему сказал, – слабо шепнул Морри, – вид у него сделался кровожадный, просто убийственный. Честное слово, я был весь на нервах.

Повернув лицо в стиб локтя, он провалился в глубокий сон.

– Теперь часов восемь не проснется, – констатировал доктор Кертис.

IV

В два часа полиция впустила уборщиц в ресторан. Их появление очень расстроило Цезаря Бонна, который стал жаловаться, что газетчики, отосланные со скудным заявлением, дескать, Ривера потерял сознание и умер, станут подстергать и допрашивать этих женщин. Он отправил секретаря Дэвида Хэна догонять уборщиц.

– Их надо заставить молчать любой ценой. Любой ценой, ты понимаешь?

Из ресторана теперь доносился гул пылесосов. Двое полицейских, находившиеся там уже какое-то время, теперь вернулись в фойе и, присоединившись к дежурящему на дверях констеблю, бесстрастно смотрели на сидевших.

Большинство музыкантов спали, неловко растянувшись на маленьких стульчиках. Смокинги у них были присыпаны пеплом. Окурки сигарет они тушили в пустых пачках, о подошвы ботинок, о коробки спичек и метко или не очень бросали их в урны. В самой комнате словно бы витал запах затхлого дыма.

Леди Пастерн казалась спящей. Она чуть откинулась на спинку кресла, глаза у нее были закрыты. На лице залегли серо-пурпурные тени, глубокие морщины протянулись от ноздрей к углам рта. Щеки обвисли. Она едва шевельнулась, когда ее муж, который довольно долго уже молчал, позвал вдруг:

– Эй, Нед!

– Да, кузен Джордж? – настороженно ответил Мэнкс.

– Я должен докопаться до сути.

– Вот как?

– Я знаю, кто это сделал.

– Правда? И кто же?

– Я решительно и категорически против смертной казни, – сказал лорд Пастерн, надувая щеки и глядя презрительно на группку офицеров полиции. – А потому оставлю мои мысли при себе. Пусть сами разбираются. Убийство – не для полицейских, а для психиатров. А что до судей, то они просто свора самодовольных старых садистов. Пусть сами стараются. От меня они помощи не дождутся. Ради бога, Фэ, перестань ерзать.

Фелиситэ свернулась калачиком в кресле. Время от времени она запускала руку во внутренности кресла, точно обшаривала пространство между подлокотником и сиденьем. Делала она это тайком, бросая исподволь взгляды на остальных, как бы они не заметили.

– В чем дело, Фэ? Что ты потеряла?

– Носовой платок.

– Возьми мой, бога ради, – сказал лорд Пастерн и бросил его ей.

Обыски велись медленно и неспешно. Карлайл, ценившая приватность, сочла испытание неприятным и унижительным. Надзирательница оказалась женщиной с волосами цвета соломы, большими вставными челюстями и крепкими ладными ладонями. Она была исключительно вежлива и бескомпромиссна.

Но теперь Сид Скелтон, последний из мужчин отправившийся на обыск, вернулся из гардеробной, и в тот же момент из офиса вышли Аллейн и Фокс. Музыканты проснулись. Леди Пастерн открыла глаза.

– В результате предварительного расследования... – громко объявил Аллейн («Предварительного!» – фыркнул лорд Пастерн), – мы, как мне кажется, собрали достаточно информации и можем позволить вам разойтись по домам. Мне крайне жаль, что мы задержали вас так надолго.

Все вскочили на ноги. Аллейн поднял руку:

– Но боюсь, есть одно условие. Надеюсь, вы все поймете и проявите уважение. Тех из вас, кто непосредственно общался с Риверой либо имел доступ к револьверу, из которого стрелял лорд Пастерн, равно как и тех, кто, как нам по веским причинам представляется, так или иначе имеет отношение к обстоятельствам, приведшим к смерти Риверы, проводят домой офицеры полиции. Мы позаботимся о получении ордеров на обыск помещений. Если подобная мера покажется необходимой, мы к ней прибегнем.

– Самая что ни на есть полнейшая чушь... – начал лорд Пастерн, но Аллейн его прервал:

– Из всех вас под это определение подпадает лорд Пастерн и его гости, мистер Морено и мистер Скелтон. Полагаю, это все. Благодарю вас, леди и джентльмены.

– Будь я проклят, если стану с таким мириться. Слушайте, Аллейн...

– Прошу прощения, сэра. Боюсь, я вынужден настоять.

– Джордж, – вмешалась леди Пастерн, – ты по множеству поводов вступал в прения с законом и всякий раз выставлял себя на посмешище. Поедем домой.

Лорд Пастерн с отстраненным видом рассматривал жену.

– У тебя сетка для волос выпросталась, – указал он, – и над талией что-то выпирает. Вот что бывает, когда носишь корсет, я всегда говорил.

– Я по крайней мере, – обратилась леди Пастерн к Аллейну, – готова принять ваше условие. И уверена, мои дочь и племянница тоже. Фелиситэ! Карлайл!

– Фокс! – сказал Аллейн.

С полным самообладанием она прошла к двери и там выжидательно остановилась. Фокс переговорил с женщиной в штатском, который тут же куда-то вышел. Фелиситэ протянула руку Эдварду Мэнксу.

– Нед, ты поедешь, правда ведь? Ты побудешь с нами?

После минутной заминки он взял ее руку.

– Дорогой Эдвард, – сказала от двери леди Пастерн, – мы были бы очень признательны.
– Конечно, тетя Сесиль. Разумеется.

Фелиситэ все еще не выпускала его руку. Он посмотрел на Карлайл.

– Идешь? – спросил он.

– Да, конечно. Доброй ночи, мистер Аллейн, – сказала Карлайл.

– Доброй ночи, мисс Уэйн.

Они вышли, следом двинулись мужчины в штатском.

– На пару слов, мистер Скелтон, – сказал Аллейн. – Остальные, – он повернулся к «Мальчикам», официантам и светооператору, – могут идти. О дознании вас оповестят. Извините, что задержал вас так долго. Доброй ночи.

Официанты и электрик тут же удалились. Музыканты двинулись как единое целое.

– А как же Морри? – спросил Хэппи Харт.

– Он крепко спит, и его придется расталкивать. Я позабочусь, чтобы его отвезли домой.

Помявшись, Харт устался на свои руки.

– Не знаю, что вы подумали, – сказал он, – но он в порядке. Я про Морри. С ним правда все путем. Я хочу сказать, он чересчур себя загоняет, если можно так выразиться. Он очень нервный тип, наш Морри. Страдает бессонницей. Даже принимал таблетки от нервов. Но он в порядке.

– Они с Риверой ладили?

Музыканты ответили хором:

– Да-да. Конечно. У них все было путем.

А Харт добавил, что Морри был очень добр к Карлосу и дал ему его большой шанс в Лондоне.

Все «Мальчики» пылко согласились с этим заявлением – за вычетом Скелтона. Последний стоял поодаль от коллег, а они старались на него не смотреть. Он был высоким и смугловатым малым с узкими глазами и острым носом. Рот у него был маленький и тонкогубый. Еще он малость сутулился.

– Ну, если это все, – неловко сказал Хэппи Харт, – мы прощаемся.

– Их адреса мы записали, так, Фокс? Хорошо. Спасибо. Доброй ночи.

И вереницей, с инструментами в руках, они вышли. В былые дни, когда клубы при ресторанах вроде «Метронома», «Квагса» или «Унгарии» закрывались не ранее двух ночи, «Мальчики» работали ночи напролет, а после иногда отправлялись играть в частные дома. Это были лондонцы, которые разъезжались по домам с бледными лицами и проступающей щетиной в тот час, когда вода веером разлетается из гигантских шлангов по Пиккадилли и Уайтхоллу. Единственно трезвые среди ночных гуляк, они ложились в кровать, когда позвякивали первые тележки молочников. Летом они раздевались на рассвете, когда только-только чистили перья воробьи. С таксистами, гардеробщиками, официантами и комиссарами полиции их роднила утрата всяческих иллюзий.

Аллейн посмотрел им вслед, потом кивнул Фоксу, на что тот обратился к Цезарю Бонну и Дэвиду Хэну, мрачно притулившимся у двери в контору.

– Возможно, джентльмены согласятся пройти внутрь, – предложил он.

Они покорно поплелись следом за ним, а Аллейн повернулся к Скелтону:

– Так вот, мистер Скелтон.

– С чего это вам взбрело, – сразу ошетинился Скелтон, – меня задерживать? У меня дом есть, как и у всех остальных. Хотя как я туда, черт побери, попаду, никого не интересует.

– Мне очень жаль. Знаю, вам очень неприятно, но ничего не поделаешь.

– Не понимаю почему.

Дверь открылась изнутри, и вышли двое полицейских, между ними расхлябанной марионеткой повис Морри Морено. Лицо у него было мертвенно-бледное, глаза полуоткрыты. Он

тяжело дышал ртом и издавал жалобные звуки, совсем как обиженный ребенок. За ними на пороге показался доктор Кертис. Из офиса всю сцену наблюдали Бонн и Хэн.

– В порядке? – спросил Аллейн.

– Сойдет. Только наденем на него пальто.

Констебли поддерживали Морри, пока доктор Кертис не без труда запихивал дирижера в приталенное пальто. В ходе этой борьбы на пол выпала дирижерская палочка Морри. Выйдя из офиса, Хэн ее подобрал.

– Видя его таким, вы ни за что бы не подумали, – сказал он, печально ее рассматривая, – какой прекрасный он был дирижер.

Доктор Кертис зевнул.

– Эти ребята уложат его в постель, – сказал он. – Я поехал, если больше вам не нужен, Рори.

– Конечно, поезжайте.

Шаркающая процессия скрылась в фойе. Фокс вернулся в офис и прикрыл за собой дверь.

– Хорошо же отправляется домой дирижер первоклассного оркестра, – сердито сказал Скелтон. – В компании двух шпииков.

– Они будут крайне тактичны, – откликнулся Аллейн. – Присядем.

Скелтон ответил, что так насиделся, что у него заднее место онемело.

– Давайте уже к делу, бога ради. С меня хватит. Что у вас?

Аллейн достал блокнот.

– Мне нужна дополнительная информация. И думаю, вы можете ее предоставить. Но конечно, давайте сразу к делу.

– Почему я? Я знаю не больше других.

– Вот как? – неопределенно переспросил Аллейн. Он поднял глаза. – Как по-вашему, каков из лорда Пастерна барабанщик?

– Отвратительный. Ну и что?

– Остальные были того же мнения?

– Они знали. Разумеется. Это дешевая шумиха. Потрафить снобам. – Сунув руки в карманы, он начал расхаживать взад-вперед, погоняемый, по всей видимости, обидой. Аллейн ждал.

– Когда случается нечто, – громко объявил Скелтон, – вот тогда видно, насколько прогнило все общество. Я не стыжусь моей работы. И с чего мне, черт побери, стыдиться? Она мне интересна. Она не проста. Она требует труда, усердия, и если кто-то вам скажет, что шедевры в нашем жанре пустяк, несет околесицу. В нем что-то есть. Он лихой и умный, и надо крепко мозгами раскинуть прежде, чем хорошо сыграешь.

– В музыке я не разбираюсь, – дружелюбно признался Аллейн, – но могу себе представить, что с технической точки зрения ваша бывает почти чисто интеллектуальной. Или я глупости говорю?

Скелтон уставился на него свирепо.

– Вы недалеко от истины. Многое из того, что мы играем, конечно, пошлятина. Им, – он дернул головой в сторону пустого ресторана, – такое нравится. Но есть и другое, вот-вот, совсем другое. Будь у меня возможность выбирать, я играл бы в группе, которая делает что-то действительно стоящее. В стране, которой управляли бы почестному, я мог бы выбирать. Я мог бы сказать: «Вот на что я способен, и это лучшее, на что я способен», – и меня направили бы по нужным каналам. Я коммунист, – объявил он громко.

Аллейну внезапно и живо вспомнился лорд Пастерн, но он промолчал, и после паузы Скелтон продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.